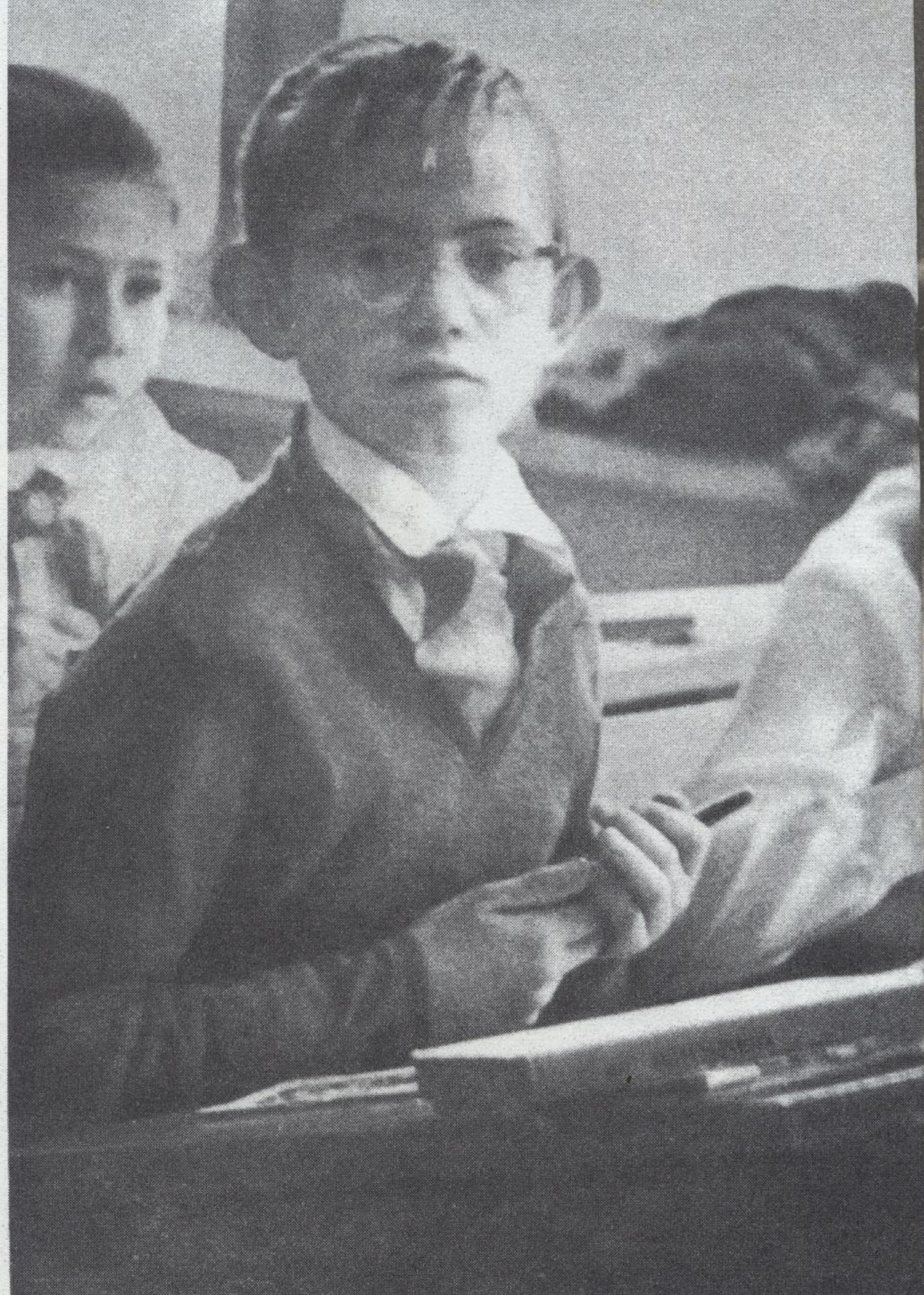
ПИОНЕР 9

СЕНТЯБРЬ ● 1971 г. ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Открываешь новенький учебник — он так соблазнительно похрустывает в руках...

Чистая тетрадка действительно чиста, вся сияет своей незапятнанной белизной...

Ручка, карандаши, готовальня, линейки, ластик, пенал — все-все совершенно новое, сверкающее, только что из магазина.

Ты рассматриваешь одно за другим все свои недавние приобретения и любишь каждую вещицу — ее цвет, запах, бархатистость ее или гладкость...

И ты думаешь о том, что ждет тебя в этом уже наступившем, новом школьном году.

Тебе кажется, ты даже знаешь наверняка, что в этом году обязательно каждая страничка в твоих тетрадках до самой последней — двенадцатой или двадцать четвертой — будет заполнена красивым, аккуратным почерком, и записи в дневнике будут понятны не только тебе, а всем, и в графе, где место отметкам, там будут только... И незаметно ты начинаешь мечтать...

А почему только мечтать? А почему сейчас, в самом начале нового похода в Страну Знаний, не поставить себе серьезную, продуманную цель?

В конце четверти или триместра (в некоторых республиках страны учебный год в школе разбит не на четыре части—четверти, а на три — триместры) тебе поставят отметки по всем предметам — оценку твоих знаний.

Оцени свою силу воли, твердость характера и поставь себе уже сейчас те отметки, которые ты хочешь, можешь, должен заслужить. Это будут отметки тех высот, на которые ты решаешь подняться. Это будет испытание себя. Это борьба каждый день.

Только помни, бороться надо не за отметку, а за знания, которые ею оцениваются. Только тогда это будет честная борьба.

СВЕДЕНИЯ ОБ УСПЕВАЕМОСТИ И ПОВЕДЕНИИ УЧЕНИКА

НАЗВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ	Годовая оценка (отметка)	
Русский язык	5	
Литература	4	
Алгебра	5	
Геометрия	5	
Биология	5	
История	4	
География	5	
Физика	5	
Иностранный язык	4	
Химия	5	
Пение	4	
Рисование	5	
Физическое воспитание	5	
Поведение	Примерное	
ИТОГИ ГОДА: Переведен	в 6 класс	

Снова школа! Ура!

Все, все, все, даже вечные притворы, которые говорили в августе: «А мне вот ни капельки в школу не хочется»,— даже они на самом-то деле уже давно скучали по школе.

Что уж тут говорить: в июне — ура долгожданным каникулам, а сейчас, в сентябре, — ура, ура, ура школе!

«ПИОНЕР» от души поздравляет тебя, наш читатель, с тем, что ты снова за партой. С тем, что новый школьный год впереди и ты снова в пути.

В дорогу к Стране Знаний!

В добрый путь, наш читатель!

Неуемного любопытства тебе, железной настойчивости, большой силы духа и великой увлеченности!

•

Однажды в детстве я прочел книгу... Шесть взрослых людей рассказывают о книге, которая в детстве открыла им дверь в мир знаний.

Трое Неизвестных—**Икс, Игрек, Зет**—вновь скликают великую рать математиков. Штурм математических твердынь начался!

•

«Дириго» — указывать путь. Слово «директивы» — от «дириго». О том, какой важный, ответственный документ ДИРЕКТИВЫ, принятые XXIV съездом партии, **о главной задаче пятилетки** рассказывает В. Стороженко.

Напоминаем историкам: историческая повесть писательницы Любови Федоровны Воронковой **«Юность Александра»** печатается в «ПИОНЕРЕ» с седьмого номера.

•

Вильнюс — 43, Лаздинай, Жеручё, 4, средняя школа № 34 — вот адрес пионерского отряда, который первым в дружине завоевал звание **правофлангового.** Разговор с отрядом — на 34-й странице.

•

Мальчишка Митька — пионер довоенных времен. **«Алые перья стрел»** — так называется повесть о Митьке, которую написали к юбилею пионерии Владислав и Сергей Крапивины.

•

В номере новая рубрика: **«Пошли в кино!»** Тебя приглашает к разговору о кино кинорежиссер Александр Митта.

В номере — рассказ А. Крестинского **«Далеким знойным летом».**

В номере — научная фантастика: рассказ К. Симоняна **«Луг».**

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

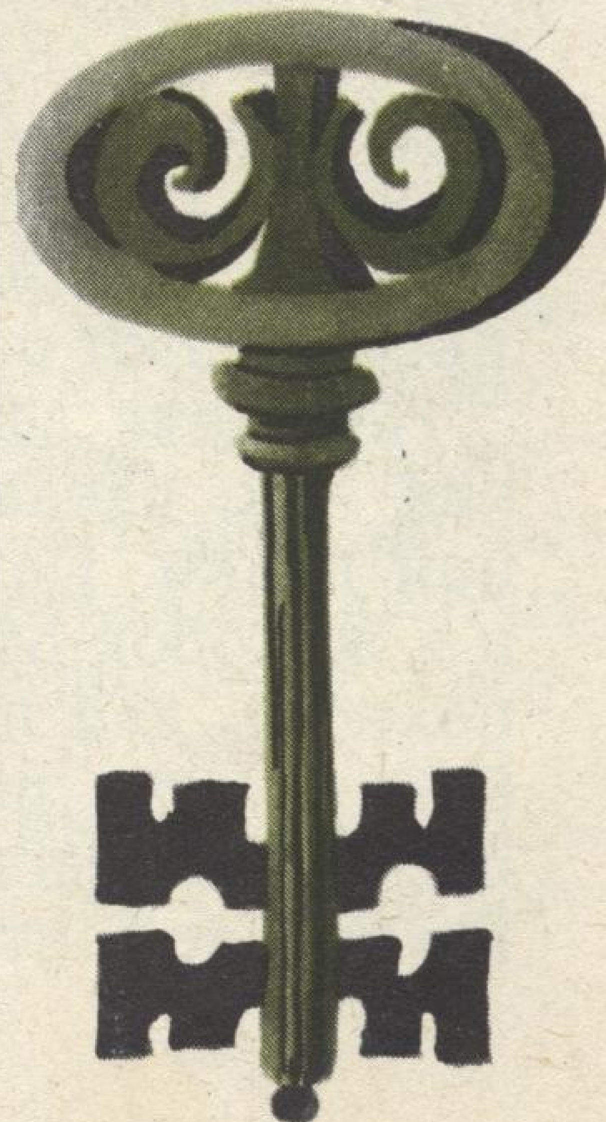
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

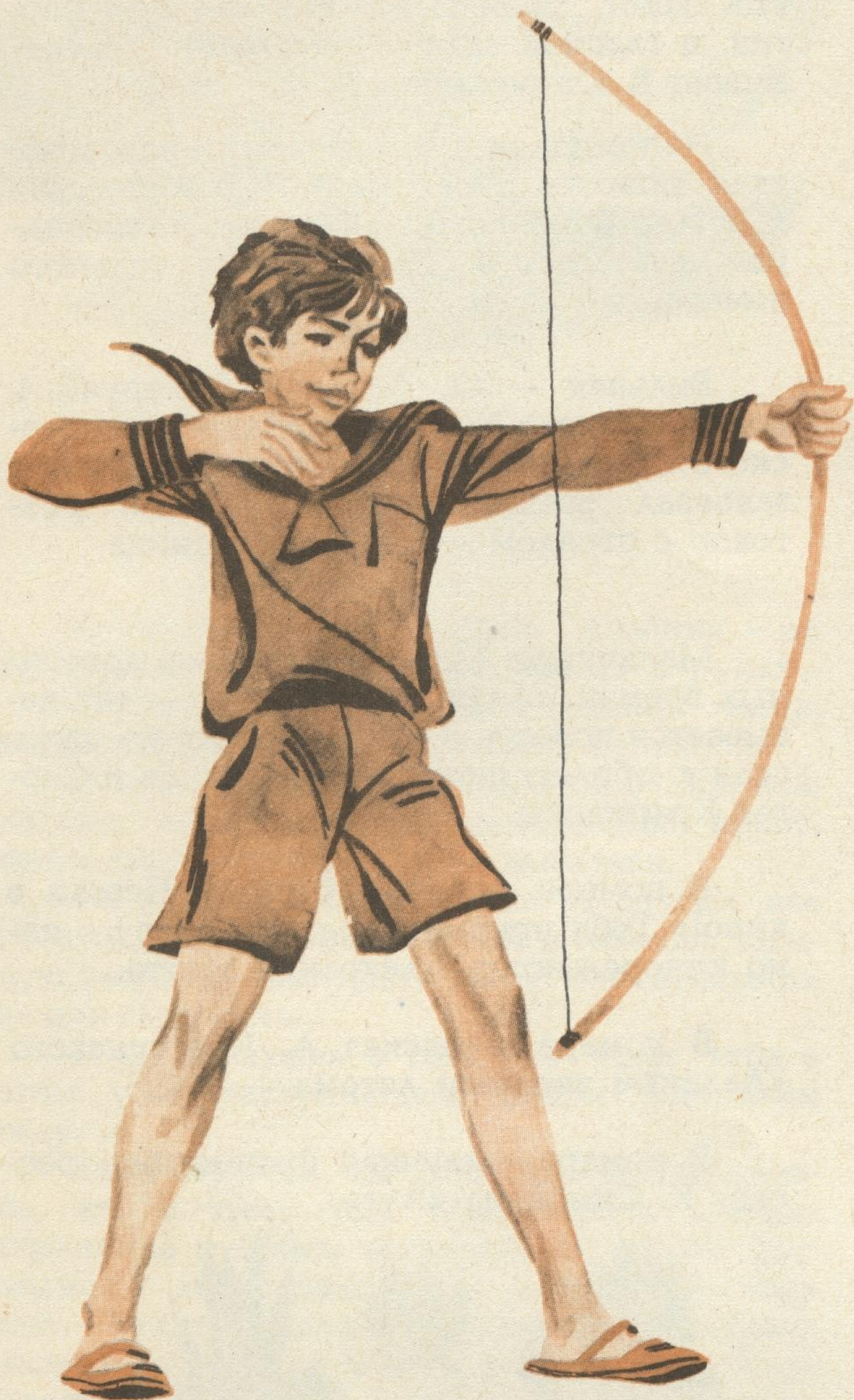
СЕНТЯБРЬ 9

Издательство «Правда»

Москва 1971 г.

Владислав **КРАПИВИН**,
Сергей **КРАПИВИН**

АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ

ПОВЕСТЬ

Памяти нашего отца — очень мирного человека, у которого учились будущие снайперы.

Рисунки **Е. МЕДВЕДЕВА.**

Афишная тумба похожа была на макет крепостной башни: круглая, с остроконечной крышей и коротким шпилем, на конце которого сидел шарик. Чуть покосившись, она стояла на заросшем лопухами перекрестке. С давних времен.

Сделали тумбу, видимо, из фанеры, на каркасе из досок. А потом на фанеру стали клеить афиши. Клеили постоянно, а обдирали редко, и за долгие годы тумба покрылась крепкой броней из бумаги и клейстера.

Митька, однако, надеялся, что его стрела пробьет этот панцирь.

На плече Митька нес лук. Длинный, легкий лук, сделанный из расщепленной лыжной палки. Палка была бамбуковая, пустая, и в желобок Митька вложил узкую стальную полоску для пущей силы и упругости. Лук бил на сто шагов, а легкие тростниковые стрелы забрасывал вообще неизвестно куда. Но сейчас Митька взял только одну тяжелую стрелу с наконечником из пустой винтовочной пули.

На перекрестке было солнечно и пусто. В заросшем газоне за низким деревянным штакетником усердно трещали кузнечики. Штакетник подходил вплотную к тумбе, будто крепостной частокол к башне. Митька шагнул через него в траву и остановился перед коричневой афишей.

На афише нарисованы были остроконечные дома и маленькие марширующие фашисты. Все — коричневой краской. На этом фоне выделялись две главные фигуры: крючконосая тетка в длинном черном платье, со стеклышком в глазу (стеклышко называлось монокль) и мальчишка в таком же, как у Митьки, матросском костюме, только не в белом парусиновом, а голубом. Тетка баронесса выглядела рассерженной. А мальчишка хитро смотрел в сторону и прятал за спиной смеющуюся куколку с красной звездой

Вот это да! На такую удачу Митька и не надеялся: стрела торчала в монокле баронессы.

на шапке. Это был немецкий пионер Карл Бруннер.

Пьеса так и называлась «Приключения Карла Бруннера».

Митька два раза ходил на этот спектакль в летний театр сада «Спартак». И не он один, а почти все ребята из его класса. Взрослым спектакль не так сильно нравился. Они говорили, что артисты эти будто бы не настоящие, а из какого-то клуба.

Ну и что? Пьеса все равно была совершенно правильная! Митька мог это полностью доказать, потому что он и книжку про Карла Бруннера читал. А то, что артисты ненастоящие, так это даже лучше. У настоящих артистов мальчишек играют женщины, и на это просто смешно смотреть. В прошлом году Митька был в городском театре на постановке «Приключения Тома Сойера», и этого Тома там изображала толстоногая тетя в штанах, похожих на футбольные трусы, и с длинными волосами, кое-как заправленными под мальчишеский парик.

А Карла Бруннера играл настоящий мальчик, такой же, как Митька! И правильно. Разве какая-нибудь тетенька сумела бы трахнуть штурмовика головой в пузо или свистеть в четыре пальца? А как этот мальчишка пел в конце пьесы знаменитую песню «Бандьера росса»! Два раза Митька был на спектакле, и оба раза весь зал подхватывал песню.

А баронесса — настоящая змея! Ну, ладно...

Митька резко повернулся и пошел по высокой шелестящей траве, отмеряя дистанцию. Кузнечики зелеными брызгами кинулись в стороны.

Митька отмерил тридцать шагов. Он не сокращал их. Все по-честному, раз он сам пос-

порил, что засадит стрелу в башку баронессе с такого расстояния. С Виталькой Логиновым поспорил, Виталька мог бы и проверить, но не стал, потому что Митька поклялся Алыми Перьями, что не сжульничает.

А промазать Митька не боялся.

Он оглянулся еще раз (нет ли поблизости прохожих), наложил на лук стрелу и медленно потянул тетиву к губам.

Только те, кто стрелял из хорошего лука, знают эту упругую радость, когда в руках такая сила и ты уверен в метком выстреле.

Ш-ших! Тетива больно ударила по запястью (надо бы сделать щиток на руку, да все некогда). Стрела как бы растаяла, и тут же донесся стук наконечника.

Вот это да! На такую удачу Митька и не надеялся: стрела торчала в монокле баронессы.

Митька негромко крикнул «ура!» и бросился к тумбе, путаясь ногами в зарослях мышиного гороха.

Все было здорово. Жаль только, что наконечник вошел не очень глубоко. Видно, слишком толстой оказалась бумажная шкура.

Но Митька знал, что делать. Ведь главное — он попал. И теперь он считал себя вправе помочь стреле. Он встал на цыпочки, дотянулся и выдернул оперенное древко из наконечника. Затем нагнулся, чтоб поискать обломок кирпича. Кирпичом он хотел забить наконечник поглубже и опять вставить стрелу. Так будет надежнее. Но обломка не нашлось. Митька выскочил из газона, присел перед штакетником и дернул к себе деревянную планку. Заскрипели гвозди. Митька дернул еще раз, планка оторвалась и он сел на дощатый тротуар. Шепотом сказал:

— Муй бьен, камарадас.

По-испански это приблизительно означало «Все в порядке, ребята».

— Муй бьен,— согласился с ним насмешливый мужской голос.

По Митьке словно ток прошел. От пяток до затылка. Предчувствуя неприятности, он медленно оглянулся.

И увидел серые брезентовые сапоги.

Митька начал поднимать глаза. Над сапогами он увидел синие галифе, затем синюю же гимнастерку под красноармейским ремнем, малиновые петлицы и молодое, симпатичное, но довольно безжалостное лицо милиционера.

— Безобразничаем...— не то спросил, не то просто сказал милиционер. Митька молчал. Спорить было бесполезно, соглашаться глупо. Митька встал, машинально отряхнул штаны и с упавшим сердцем стал разглядывать сапоги милиционера.

— Ну, придется прогуляться,— сказал милиционер и почему-то вздохнул. — До отделения.

Ну отчего так получается? Только что было все хорошо, и вдруг — раз — валится на человека беда!

Митька чувствовал: если зареветь, сказать что-нибудь вроде «дяденька, больше не буду, простите, я нечаянно», то, наверно, можно еще спастись. Но реветь и унижаться, когда у тебя в руках боевой лук и стрела с алыми перьями на хвосте, было немыслимо. Даже и не получилось бы.

— Идем,— сказал милиционер и подтолкнул Митьку в плечо. — Да не вздумай драпать.

Где уж тут драпать. У Митьки и ноги-то ослабели.

Они пошли по улице Герцена. По той самой, где он, Митька, родился и без особых несчастий прожил почти двенадцать лет. Мимо швейной мастерской, где работала мать Витальки Логинова; мимо забора, где нарисована была мелом старая лошадь, похожая на генерала Франко (Павлик Шагренев рисовал), мимо его, Митькиного, двора с двумя тополями, двухэтажным домом и флигелем.

Хорошо, что хоть знакомые не встретились. Попалась навстречу маленькая девочка с жестяным бидоном, свободная и счастливая. Протарахтел голубой автобус, в нем тоже ехали счастливые и свободные люди. А по тротуару шагал несчастливый, арестованный Митька.

Потом они зашагали по Садовой. «Во второе отделение ведет», — обреченно подумал Митька. Чуть повернул голову и взглянул на своего конвоира. Молодой совсем, новичок, наверно. Обрадовался, что поймал «нарушителя». Жулика или шпиона поймать не может, вот и привязался к Митьке.

Странно даже: такой парень, вроде и не злой с виду, на артиста Алейникова похож, а прицепился, как самая вредная зануда.

— Шагай, шагай,— поторопил милиционер, — не крути головой. — Подумал и добавил: — А еще, наверно, пионер...

— Ну и что...— хмуро сказал Митька.

— Ну и то. Вот узнают в школе, тогда увидишь, что.

— Сейчас каникулы. Мы уже все испытания сдали.

— Ничего, разберемся. Как фамилия?

— Сидоров.

Хоть и растерян был Митька, а сообразил: нет никакого смысла называть свою собственную фамилию.

— Имя?

— Валерий.

— Где живешь?

— На Перекопской. Дом три,— сказал Митька и с грустью вспомнил хорошего человека Валерку Сидорова, который жил раньше на Перекопской, а недавно уехал в Пензу.

— Ладно, шагай, — сказал милиционер.

Рядом был дощатый забор стадиона. В Митьке вдруг будто пружина сработала! Секунду назад он и не думал о бегстве, а тут вдруг кинулся к забору, подскочил, подтянулся изо всех сил, закинул ногу...

Лук помешал! Зацепился.

Крепкие пальцы ухватили Митьку пониже колена.

— Вы куда, гражданин Сидоров? Нам вроде бы не футбол смотреть.

Митька тяжело прыгнул в траву у тротуара.

— Странно даже,— сказал милиционер.— Шли, разговаривали... и вдруг — бац! Ведь договаривались же: не драпать.

— Ну что вам от меня надо? Что я такого сделал? — с прорвавшимся отчаянием воскликнул Митька.

— А тумбу кто дырявил? Может быть, я?

— Дырявил! Одна малюсенькая дырочка! Залепят — вот и все.

— Если все будут по тумбам стрелять, что получится?

— Все не будут,— безнадежно сказал Митька.

— Рейку зачем оторвал от штакетника? Разве не хулиганство?

— Я ее только на минуточку. Я потом бы опять приделал.

— Врешь,— убежденно сказал милиционер.

«Вру», — подумал Митька и сказал: — Ни чуточки.

— Всю траву, можно сказать, в газоне вытоптал...

— Траву? Да там чертополох один, только ноги ободрал. Во! — Для убедительности Митька ухватил себя за щиколотку и подтянул вверх ногу. Царапины были похожи на следы кошачьих когтей. Но милиционер не разжалобился.

— Не скачи. Больше не ускачешь.

Он взял Митьку за локоть.

— Пустите,— хмуро попросил Митька.— Я больше не побегу.

— Знаем мы.

— Ну... честное пионерское, не побегу. Пустите. А то знакомые встретятся, скажут, ведут, как вора.

— Честное пионерское дает... А ты пионер? У тебя и галстука-то нет.

— Просто не надел сегодня. Ну, вот я за значок берусь, он со звездой. Значит, не вру. Ну, честное слово.

Митька ухватился за значок «Ворошиловский стрелок» второй ступени, который оттягивал левый край матроски.

— Не считается это,— возразил милиционер. — Значок-то не твой.

— Не мой?!

— А твой, что ли? Был бы хоть еще маленький, а то взрослый «Ворошиловский стрелок»! Ты голову не морочь. Такой значок заработать — это не стрелы пулять, подвергая опасности прохожих.

— Во-первых,— сипловатым от обиды голосом сказал Митька, — никого я не подвергал. Во-вторых, значок все равно мой! Вот!

Ему часто не верили, и он привык, но сейчас обида была сильная: схватил, ведет куда-то, насмехается да еще и не верит! Сам, небось, и стрелять не умеет как следует, хоть и нацепил кобуру с наганом.

Из нагрудного кармашка Митька выхватил сложенный вчетверо листок, уже порядком измочаленный и потертый на сгибах. С лиловой печатью Осовиахима и подписью военрука. Это было временное удостоверение (для настоящего не нашлось корочек, обещали дать потом). Отпечатанные на машинке слова отчетливо свидетельствовали, что ученик пятого «Б» класса школы-десятилетки № 1 Дмитрий Вершинин выполнил норму... Дмитрий Вершинин! А не...

Митькина рука остановилась в воздухе. Но милиционер выхватил из пальцев бумажку. И на лице его расцвела улыбка. Радостная, как у мальчишки, который выиграл спор.

— Я же говорил — не твой! Тут же не твоя фамилия!.. Постой... — Лицо его опять стало спокойным, а потом строгим.— Ты Сидоров или Вершинин?

— Вершинин,— тихо сказал Митька и стал смотреть в сторону.

Они помолчали несколько секунд.

— Нехорошо, гражданин Вершинин,— задумчиво заговорил милиционер. — Чужая фамилия. Попытка к бегству...

«Издевается», — понял Митька.

Милиционер оторвал глаза от документа и пристально глянул на Митьку.

— А кто у тебя отец?

— Учитель.

— В первой школе?

— В первой...

— Петр Михайлович?

— Ага,— безнадежно сказал Митька. Он не удивился: отца в городе знали многие.

Все еще разглядывая бумажку, милиционер двинулся по тротуару. Видно, случайно он изменил направление и шагал теперь обратно, к улице Герцена. Митька побрел следом: теперь все равно не убежишь. Найдут.

— Я ведь тоже в первой школе учился, — сказал милиционер. — У твоего отца, между прочим. Хороший учитель.

Надежда на спасение ярким огоньком засветилась перед Митькой.

— Да? — вроде бы удивился он. — Я вас не помню.

— Ну, а как ты можешь помнить? Я к вам домой не ходил. Да ты тогда совсем пацаненком был. Я в тридцать первом седьмой класс закончил. Потом работать пошел.

— Я по фотографиям почти всех помню,— бессовестно соврал Митька. — У папы есть фотоснимки всех классов, которые он учил. Может, вы непохожи тогда были? Ваша как фамилия?

— Жарников моя фамилия.

— А зовут вас... Матвей?

— Точно! Вспомнил?

— Угу...— сдержанно откликнулся Митька. Взгляд его стал веселым, а шаг пружинистым. Все-таки ему везет!

Ух, и шумная была история! Полкласса, в основном мальчишки, не выучили урок по немецкому.

— Вот видишь,— наставительно заговорил Матвей Жарников.— Мы с тобой, выходит, знакомые. Как-то неловко получается. Вот пришел бы я сейчас с тобой к твоему отцу, рассказал бы про все... Что он сказал бы?

— Ну, что...— начал Митька, стараясь точнее рассчитать удар.— Он сказал бы: здравствуйте, Жарников, рад вас видеть. Сказал бы: как поживаете? Не делаете больше механизмов, чтобы школьные скелеты махали руками, пускали дым из глаз и кукарекали? Не доводите больше учителей до обморока? Это похвально.

— Ч-черт возьми...— произнес Матвей и свернутым Митькиным удостоверением почесал кончик носа.— Все еще помнит?

— Он мне про это раз десять рассказывал.

— Да-да... Ну, я тогда маленький был.

— В шестом классе,— беспощадно уточнил Митька.

— Пить что-то хочется,— сказал Жарников.— Вот там вроде клюквенный морс продают, киоск открыт. Пойдем?

— Можно... Хотя нет, у меня ни копейки.

— Ладно уж. Возьми-ка свой документ.

Потом, когда они у голубой будки глотали теплый и довольно противный морс, Матвей спросил:

— А все-таки чего тебе приспичило в тумбу стрелять? Ну, нарисовал бы на заборе мишень где-нибудь подальше от глаз да и пулял бы.

— Дак это целая история,— сказал Митька.— Долго рассказывать. Если все по порядку говорить, то даже не знаю, с чего начать... Есть у нас в школе немка Аркадия Францевна. Ты ее... То есть вы ее, наверно, знаете...

Ух, и шумная была история!

Она случилась в середине мая. Полкласса, в основном мальчишки, не выучили урок по немецкому. Ну, сами понимаете, на дворе уже полное лето, а тут сиди и зубри, как два балбеса Петер унд Виктор шпацирен в лесу унд баден в речке. Мальчишки из пятого «Б» предпочитали сами шпацирен и баден, хотя вода была еще зверски холодная.

Но Аркадию Францевну это не интересовало. На каждом уроке она грозила «неудами» и переэкзаменовками. Она требовала прилежания и порядка.

Надо было оттянуть беду. И в самом начале урока маленький, симпатичный и очень вежливый редактор отрядной стенгазеты Павлик Шагренев спросил у Аркадии Францевны, понравилась ли ей пьеса «Приключения Карла Бруннера».

— М-м? — удивилась Аркадия Францевна. — Ах, ты имеешь в виду эту постановку... Ну, конечно, вам она должна нравиться. Но когда вы повзрослеете и станете смотреть на вещи более взыскательно, то поймете, что это совсем не блестяще.

— А почему? — задиристо спросил с места Митька.

— Слишком много пафоса и весьма недостаточно мастерства. Я говорю об игре исполнителей. Вы меня понимаете?

— Вполне,— сказал Павлик.— Только... Вот всем нам кажется, что игра не такая уж плохая. Наоборот. Помните баронессу? Как она...

— Да-да,— снисходительно согласилась немка.— Эта дама играет действительно несколько лучше остальных.

— А Карл?! — воскликнул Митька. Он по правде обиделся и разозлился. Будто его самого задели. Может быть, потому, что у них с Карлом были почти одинаковые матроски?

Аркадия Францевна устремила на Митьку свое пенсне.

— Ты говоришь о мальчике, исполнявшем роль Бруннера? Ну что же, он достаточно мил... Но это просто мальчик, а не актер. Он ведет себя так, словно все это происходит у нас в городе, а не в Германии. А там иной уклад жизни, иные обычаи и мальчики тоже другие.

— Какие это они другие? — недовольно спросил с задней парты похожий на сердитого скворца Игорь Цыпин (по прозвищу Цыпа). — Что, там у ихних пацанов уши на затылке растут, что ли?

— Цы-пин!.. — возмущенно выдохнула Аркадия Францевна.

— Извините, это он нечаянно,— торопливо заговорил Павлик Шагренев, а бестолковому Цыпе показал за спиной кулак.— Но нам всем непонятно... Конечно, у капиталистов дети не такие, как мы. А у рабочих?

— Они такие же пионеры,— агрессивно сказал Митька.

— Ну, безусловно. Я имею в виду не классовые различия, а некоторые особенности... Впрочем, это сложно для вас. Я только хочу сказать, что для этого мальчика полезнее было бы не играть на сцене, а без пропусков занятий учиться в школе. Театр отвлекает его от учебного процесса.

— А может, он отличник,— опять не выдержал Митька.

— Возможно. По крайней мере, я уверена, что с немецким языком у него все в порядке. К сожалению, про вас этого не скажешь. И потому пусть Цыпин выйдет к доске и переведет первые пять строчек текста, который был задан.

Цыпа шумно вздохнул и пошел навстречу неизбежности.

Вторым она вызвала Вершинина.

— Можно, я лучше стихотворение Гете по-немецки прочитаю? — безнадежно спросил Митька.

— Конечно, можно, мы все послушаем с удовольствием. Только после того, как сделаешь заданный перевод.

После Митьки схлопотали «неуды» еще шесть человек.

У Аркадии Францевны от возмущения тряслись на висках рыжеватые букли.

— Елки зеленые,— шепотом сказал Митьке Виталька Логинов и от переживаний вцепился в свой отросший белобрысый чуб.— Как по заказу: почти все из нашего звена.

— Потому что самые лодыри, — тут же влезла в разговор Эмма Каранкевич, председательница совета отряда. Она сидела впереди Митьки.

— Насчет лодырей на перемене поговорим,— пообещал Вершинин.

— Очень испугалась!

Всю оставшуюся часть урока Аркадия Францевна говорила о том, как пагубны лень и легкомыслие. Наконец она велела всем, кто получил «неуды», остаться после занятий и удалилась, держа указку, как рапиру.

Они остались. Но в их душах кипело негодование.

— Теперь три часа будет мучить,— сказал Цыпа и пнул парту. Старая парта крякнула.

— Это она нарочно «неудов» навтыкала,— мрачно сообщил Митька.— Из-за пьесы разозлилась. Потому что мы Карла стали защищать.

— Она, между прочим, сама на ту баронессу похожа,— вдруг заявил Сергей Иванов, человек молчаливый и сосредоточенный. Он говорил всегда немного, но умно и безошибочно. К его словам следовало прислушаться.

— А правда! — подхватил Виталька.— Такая же худая и старая. И вредная. Только не со стеклом в глазу, а с очками.

— Пенсне,— сказал Павлик.

— Какая разница!

— По-моему, она шпионка,— сказал Цыпа. Он был сердит больше всех: отец его часто лупил за «неуды».

— Ну-у, Цыпа! — Виталька от удивления

замотал чубом.— Ну, ты сказал! Она на шпионку похожа, как ты на отличника.

Цыпа молча поддернул длинные, сморщенные на коленях штаны и влез на учительский табурет.

— Дурак ты, а не звеньевой,— сказал он Витальке с высоты. И, как с трибуны, обратился к остальным:— Шпионы разве бывают похожи на шпионов? Их бы тогда сразу всех переловили. Шпионов как узнают? Потому что они вредят. А она разве не вредит? Вот она оставила нас после уроков, а Пашка в авиамодельный кружок опаздывает. Он, может, хочет истребителем стать, а как он станет, если ему не дают в кружок ходить?

Павлик Шагренев, который до сих пор не помышлял о профессии истребителя, подтянулся и стал поправлять под ремнем рубашку.

— А я?! — завопил Митька.— У меня в два часа стрелковая тренировка! Завтра соревнования! Мне на «Ворошиловского стрелка» сдавать!

Он стукнул кулаком по левому карману матроски, на который собирался привинтить значок.

— Во! Я же говорю! — воскликнул Цыпа и возмущенно завертел тонкой коричневой шеей.

Трах! В класс влетела Валька Голдина. Захлопнула дверь и вцепилась в ручку. Обернулась и свистящим шепотом сообщила:

— Гонятся!

Дверь задергали.

— Отпусти,— велел Сергей Иванов.— А сама иди сюда.

Дверь распахнулась. На пороге возник похожий на третьеклассника-отличника Толька Репин, председатель совета отряда пятого «А». По определению Сереги Иванова, «маленький, а вредный».

— Ага! Вся компания! — ехидно сказал Репин.— Знает, куда бежать...

— Чего надо? — суховато спросил звеньевой Логинов.

— Вот ее надо.— Толька подбородком указал на Валентину. У него за спиной сопели два здоровых телохранителя.

— У нас сбор звена,— сказал Виталька.

— А у нас сбор отряда. Чего она со сбора отряда бегает?

— Сбор на тему «Об итогах четвертой четверти и о подготовке к успешной сдаче годовых испытаний...» — нудным голосом продекламировал Павлик.

— Не твое дело,— сказал Репин.

— Не его, не его,— согласился Митька.— И не Валькино. Она в нашем звене. Значит, в нашем отряде! Пора бы понять!

— Как это в вашем? Она в нашем классе учится!

— Одно дело — класс, а другое — отряд! Она с нами в одном дворе живет! С малых лет, с самых детсадовских! Мы проголосовали, чтоб в нашем звене!

— А мы у «СПВ» спрашивали! Она говорит, что так нельзя!

— «СПВ» говорит?! — взревел Виталька.— А она у нас спрашивала? Она сама ничего не знает и даже не разбиралась!

«СПВ» — старшая пионервожатая не была для Витальки авторитетом. Она пришла в школу всего месяц назад.

А спор о Валентине был далеко не первый. Она еще осенью объявила, что хочет быть в звене с теми, с кем у нее «разные полезные дела, а не всякие проработки про успеваемость». «Полезные дела» у нее были с Митькой, Виталькой, Серегой и прочей компанией. Пятый «А» запротестовал. Из принципа.

— Она им нужна, чтоб процент успеваемости поднимать,— пустил шпильку Павлик Шагренев.

— Нам такой процент тоже не лишний,— сказал с табурета Цыпа.

— Завтра приди только в класс,— пообещал председатель пятого «А»,— поговорим...

— Я с тобой и сегодня могу поговорить. На улице,— сказала Валентина. Худая, длинная, темноволосая, сердитая, она выглядела сейчас грозно.

Противник удалился.

— Ух!..— сказала Валька.— Ну, хорошо, что вы тут. А то не знала, куда бежать... А почему не сказали, что сбор? — Она неласково взглянула на Витальку.

— Да какой сбор... Так сидим.

— Разговариваем,— объяснил Серега Иванов.— Про баронессу Аркадию фон Неуд.

— А-а! После уроков оставили! И вы сидите? Ну и олухи!

— Вообще-то мне некогда. У меня тренировка,— сказал Митька.

Спать Митька лег пораньше. На всякий случай. И правильно. Отец, вернувшись из школы, отчетливо спросил:

— Где этот пар-ршивец?

— Что случилось? — захлопотала мама.— Только, пожалуйста, не нервничай, иначе я ничего не пойму. Опять «неуд»?

— Мало того! Их, голубчиков, оставили заниматься после уроков. Аркадия Францевна тратит время, чтобы вытянуть этим балбесам приличные оценки, а эти... эти... Она идет в класс, а дверь заперта! Изнутри! Как потом выяснилось, ножкой от табуретки. В классе никого, окно открыто. Но мало и этого. На двери мелом написано: «Но пасаран!» Эти лодыри решили таким образом прикрыть свою лень и безобразие!

Митька в своей постели начал дышать глубоко и ровно. В этом было единственное спасение.

— Не шуми, он спит,— осторожно сказала мама.

— Плевать! — сказал отец, известный в городе преподаватель русского языка и литературы.— Да-да! Пле-вать! Где мой ремень?!

— Ты с ума сошел!

— Нет, я не сошел с ума! Пусть! Пусть это будет крушением всех моих педагогических принципов, но я этого паршивца... Где ремень?

— Какой ремень? Ты всю жизнь ходишь в подтяжках.

— Не-ет. У меня был. Я в нем ездил на рыбалку.

Митька продолжал ровно дышать. Крушения педагогических принципов можно было не бояться: отцовский ремень он давно пустил на обмотку лука. Но что будет завтра?

Назавтра отменили урок арифметики и устроили классное собрание. Сначала выступила классная руководительница Вера Георгиевна. Сообщила, что за такие дела исключают из школы. Да-да, нечего удивляться. То, что натворили эти семь человек, не простое хулиганство, а... Даже слов нет. Ведь не маленькие! Вон, многие уже в длинных брюках ходят, взрослые прически устраивают, а в голове что?

Митька напряженно смотрел в окно и думал о своем. Из школы, он знал, не выгонят, высказывание о брюках и прическах его не касалось, а в голове у него было вот что: «Не вспомнили бы только, что сегодня соревнования!» А то придет он в тир и услышит от военрука: «Ничего не могу поделать. Приказ директора — не допускать». Конечно, он тоже будет огорчен. Митька у него в кружке самый маленький, но самый способный. А что делать? Приказ есть приказ. Военрук — человек военный.

Вообще-то он славный дядька. Недавно принес в кружок новую «малопульку» ТОЗ-8. Не «семерку», а «восьмерку». У нее прицел совсем другой: поставлен намушник. Черное яблоко мишени легче просматривается, словно само садится на мушку. И спуск мягче. Митьке военрук первому дал ее попробовать. Три патрона. Митька сразу выколотил двадцать девять очков.

Жаль только, что мало военрук дает стрелять. Да еще прежде, чем допустить к винтовкам, целый час рассказывает об иприте и фосгене, потом в противогазе гоняет. А в тир напоследок.

Кроме того, еще полчаса лазают ребята по тиру на коленях и собирают гильзы, потому что каждый патрон у военрука на учете и, если гильза не нашлась, он ругается. Говорит, что не сможет отчитаться.

Военрука старшеклассники прозвали «генерал Скобелев». Никакой он не генерал, конечно, и даже не Скобелев, а младший политрук Кобелев Степан Васильевич. На свою беду, он однажды в школьной стенгазете поместил заметку «Почему в кружках ПВХО и ВС мало девочек?» и подписался «С. Кобелев». Один десятиклассник ядовито заметил:

— Тоже мне, Скобелев. Генерал на белом коне.

Десятиклассника потом чистили на комсомольском собрании, но прозвище к военруку прилипло намертво.

Младшие ребята любили «генерала». Он вместе с ними самозабвенно ползал по школьному подвалу, где расположен был тир. Выискивал затерявшиеся стреляные гильзы, протирая на коленях свои шикарные диагоналевые галифе, и уговаривал:

— Товарищи, найдите еще четыре штуки. Мне же их сдавать...

В тире после недавних выстрелов попахивало порохом, и этот вдохновляющий запах заставлял ребят тоже ползать. В надежде, что Степан Васильевич даст пальнуть еще по разику. И такое случалось: облегченно вздохнув, военрук засовывал найденные гильзы в пустую коробочку, а из другой доставал патроны.

— В порядке поощрения,— официально произносил «генерал Скобелев», отряхивая свои диагоналевые колени...

От мыслей о военруке Митьку отвлек вознесшийся голос директора:

— Речь идет не о наказании! Вернее, не только о наказании. Я хочу, чтобы вы поняли, очень хочу...

Директор Андрей Алексеевич был добрый человек. Сразу было видно, что он добрый: невысокий, полный, с очень круглым улыбчивым лицом. Как мистер Пикквик. Иногда он сердился и пытался быть строгим, но получалось это у него плохо. Учителя знали, что пугать директором бесполезно даже первоклассников. И пугали завучем Сергеем Осиповичем. Но завуча сегодня, к счастью, не было.

— Вы обидели,— продолжал директор,— Аркадию Францевну. Очень обидели. Она работает в нашей школе восемнадцать лет, а вы... Да, она строга. Но, когда вы станете старше, вы поймете, что строгость — это тоже доброта... Кроме того, вы обидели тех, кто сражается в Испании. Да, не спорьте. Вы ради озорства написали лозунг бойцов, которые сражаются с фашистами. Что скажут испанские ребята, когда узнают об этом случае?

— Они не узнают,— успокоил Павлик Шагренев.

— Почему ты уверен? Шесть испанских мальчиков приедут на днях в наш город. Они будут жить у нас, пока там война. А учиться будут в нашей школе, потому что...

Добрый Андрей Алексеевич никак не ожидал того, что случилось. Ведь он просто хотел доказать Шагреневу его неправоту. Оглушительно взорвавшееся «ура» буквально отбросило директора от стола к доске.

— Что такое? — сопротивлялся он.— Я не... В самом деле... При чем здесь «ура»?! Я не понимаю... Когда в гороно узнают про этот случай, их отправят в другую школу.

— А вы не говорите! — вопил Цыпа, вы-

— У тебя все мысли только о стрельбе,— сказал отец.

тягивая из свитера птичью шею.— Мы больше не будем!

— Мы перед Аркадией Францевной сто раз извинимся!

— Это у нас случайно!

— Потому что она за баронессу заступалась! А не потому, что «неуды»!

— Мы извинимся!

— Они извинятся, Андрей Алексеевич! Мы им еще сами напинаем!

— Я тебе напинаю!

— А ты молчи!

Директор махал руками, словно отбиваясь от пчел. Наконец Вера Георгиевна вытянула указкой по столу так, что из щелей взвилась пыль. Стало тихо.

— Я не понимаю...— начал Андрей Алексеевич.— То есть я все понимаю, но почему такой шум? И при чем здесь какая-то баронесса?

Эмка Каранкевич ехидно оглянулась на Митьку.

— Это они, Андрей Алексеевич, из-за пьесы спорили. Вершинин воображает, что он на Карла Бруннера похож. А Аркадия Францевна правильно говорит, что...

— Я воображаю?! — взвился Митька.— Ты лучше помалкивай! Сейчас не пионерский сбор, а классное собрание. Верно ведь, Андрей Алексеевич?

— Ну почему же, почему же... Можно и сбор в то же время. Я не вижу, почему бы пионерскому начальству не высказаться.

— А если сбор, пусть Вальку Голдину позовут, она в нашем звене,— вмешался Виталька Логинов, почуявший, что гроза слегка развеялась.

— Что еще за новости!— возмутилась Вера Георгиевна.— Опять вы об этом? Андрей Алексеевич, они вбили себе в голову, что Валя Голдина из пятого «А» должна быть в их звене. Объясните им, что это абсурд.

Она замолчала, чтобы передохнуть, а вежливый Павлик Шагренев поднял руку и встал.

— Вовсе не абсурд, Андрей Алексеевич. Голдина всегда с нами. Мы даже в один детский сад ходили. У нас все дела вместе и зимой и летом.

— Вроде вчерашнего,— вставила Вера Георгиевна.

— Нет, не вроде,— бесстрашно отрубил Павлик.— У нас хорошие всякие дела. Голдина помогала Иванову по арифметике исправляться. И вообще.

— Ну... я не знаю.— Директор развел руками.— Это какие-то тонкости пионерской работы. По-моему... А впрочем, Вера Георгиевна, есть простой выход. Раз уж они так хотят быть вместе, давайте в будущем году переведем Голдину в «Б». Это несложно.

Нельзя сказать, что Вера Георгиевна засияла от восторга. Но класс опять гаркнул «ура» (хотя и не так громко, потому что кричало главным образом Виталькино звено).

— Ну-ну, голубчики,— сказал директор.— «Ура» — это хорошо, но по выговору вы получите. Учтите.

— Правильно, Андрей Алексеевич! — в припадке самокритики воскликнул Виталька.— Даже по строгому!

— Это уж, дорогой мой, без вас решат... Идемте, Вера Георгиевна, сейчас перемена.

Едва они скрылись за дверью, Цыпа вскочил на парту и сделал страшное лицо:

— Ти-хо, вы...

Класс замер. И слышно стало, как директор за дверью оправдывается:

— Ну что вы, любезнейшая Вера Георгиевна, ничуть я не потворствую... То есть я потворствую, но только в хорошем смысле. А что касается вчерашнего, то я уверен, они поняли и вполне...

В общем, все кончилось «вполне». Для всех, кроме Митьки. Митьку же дома поставили в угол. Как напрокazившего дошкольника!

Митька стоял, прислонившись затылком к

штукатурке, и разглядывал спину отца. Спина была в полосатой рубашке и перекрестье подтяжек. Отец сидел у стола и проверял тетради. В Митькиной голове крутилась неизвестно откуда взявшаяся фраза: «Целься в скрещение подтяжек на спине противника». Но отец не был в полном смысле противником, и ковбойские методы здесь не годились. Нужна была дипломатия.

— В конце концов,— сказал Митька,— это непедагогично.

— Тоже мне Песталоцци,— откликнулся отец.— Выдеру, тогда узнаешь.

— Что я, маленький — в углу стоять?

— Нет,— сказал отец, чиркая пером с красными чернилами.— Не маленький. Маленькие стоят час или два. А ты будешь до самого вечера.

— Не могу я до вечера,— осторожно объяснил Митька.— Что ты, папа. У меня же в четыре часа соревнования.

— Вот как? — иронично спросил отец.

— Ну, я же команду подведу,— шепотом сказал Митька.

— Не ври. У вас личные соревнования. Сдача норм. Степан Васильевич мне говорил... Кстати, я очень жалею, что упросил его взять тебя в кружок. На пользу тебе это не пошло.

Отец действительно просил за Митьку «генерала Скобелева», потому что пятиклассников в кружок не брали. И это был единственный случай, когда Митька извлек выгоду из служебного положения отца. Но ведь он не подвел ни отца, ни военрука! Он же ничуть не хуже старшеклассников!

— Почему ты говоришь, что не пошло на пользу?— обиженно спросил Митька.

— Потому что у тебя все мысли только о стрельбе. Кто много думает об удовольствиях, тот забывает о делах.

— Стрельба, по-твоему, удовольствие? — спросил Митька.— Стрельба — необходимость!

Он, словно опытный фехтовальщик, воспользовался промахом противника. И наносил удар отточенными фразами:

— Если мы не будем уметь стрелять, что делать, когда нападут фашисты? Будем говорить им по-немецки: «Простите, господа, мы не умеем, мы в углу простояли и не научились»!

— Ты демагог,— сказал отец.

— И ни капельки! Нам «генерал»... то есть военрук, говорит, что мы укрепляем обороноспособность!

Отец закрыл очередную тетрадь и заметил, что, если обороноспособность будет возложена на таких шалопаев, то на будущее он не надеется.

— А почему тогда у нас в тире написано: «Каждый новый ворошиловский стрелок — удар по фашизму»?

— А там не написано: «Каждый хулиган и неуч — удар по нам»?

— А что делать, когда нападут фашисты? А...— начал Митька и заплакал.

— А...— начал Митька и заплакал.

Это случилось совершенно неожиданно. Обида прорвалась слезами, и остановить их не было никакой возможности. Митька стал вытирать слезы концами галстука, но это было неудобно. Тогда он дернул серебристый значок-зажим, скреплявший галстук, и широким красным углом стал размазывать слезы по щекам.

Отец удивленно обернулся. Сын его был совсем непохож на сурового снайпера, ворошиловского стрелка и грозу фашистов всех мастей. Это был просто маленький Митька с зареванным лицом, лохматый, в мятом матросском костюме и пыльных, стоптанных уже сандалиях. Отцу стало жаль его, и он поступил непедагогично. Сказал:

— Убирайся.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Гульчехра СУЛЕЙМАНОВА

Рисунок П. БАГИНА.

Без Нигор

Пришла с работы мама
Без Нигор.
Пришла домой
Без маленькой Нигор.
Нигор в гостях
У бабушки осталась:
Мы отдохнем немного
Без Нигор!

Как хорошо,
Что вечером и днем
Мы от ее вопросов
Отдохнем!
Мы отдохнем
От маленькой юлы,
Которой наши
комнаты
Малы!

Окончен ужин.
Во дворе темно.
Уроки приготовлены
Давно.
Бесшумна,
Совершенно
неслышна,
Вошла в квартиру
нашу
Тишина.

Но почему же
В этот тихий час
Так неуютно
В комнатах у нас?
О чем грустят
Игрушки на полу?
О чем медведь
Задумался в углу?
И почему
По дому я хожу
И места для себя
Не нахожу?

Отец сегодня
Мрачен и сердит.
Сама с собою
Мама говорит.
Не рада мама,
И отец не рад.
И оба друг на друга
Не глядят.

И вдруг я вспомнил
Песенки Нигор,
Вопросы нашей
Маленькой Нигор,
И топот ножек
Маленькой Нигор.
И смех и слезы
Маленькой Нигор.
И за руку я тихо
Маму взял,
И маме тихо, тихо
Я сказал:
— Я не могу
Без маленькой Нигор!
Не приходи с работы
Без Нигор!

Перевел с таджикского Владимир ОРЛОВ.

Анвер ДУЙСЕНБИЕВ

Мой дом

Я из песка построил дом —
Большой красивый дом.
Потом террасу для гостей,
Террасу с козырьком.

А дом я садом окружил,
Чтоб с места не сходя,
Ловить гранаты и инжир
Под носом у дождя.

Напялил фартук я потом
И поварской колпак.
Кипит казан над очагом,
Бормочет бешбармак.

И натянул я две струны
На маленькой домбре,—
Пускай приходят плясуны
И пляшут во дворе.

Добро пожаловать! Мой дом
Открыт для всех гостей.
Как хорошо, что ты пришел,
Бродяга-муравей!

Входи, входи, ученый жук,
Ты так устал в пути!
И ты, сверчок, старинный друг,
Без всякого входи!

И все, кто загрустил чуть-чуть,
Кому друзья нужны,
Хоть на минутку заглянуть
В песочный дом должны.

В песочный дом, в песочный сад,
Где просто для красы,
Как новогодний шар, висят
Песочные часы.

Перевел с казахского Юрий КУШАК.

Гульчехра СУЛЕЙМАНОВА

Миндаль

Весть весны, предвестник лета,
Возле дома каждый год
Лиловато-красным цветом
На дворе миндаль цветет.

В самый первый вешний день он
Тень бросает на траву,
Первый ветерок весенний
Теребит его листву.

Ветку, на руку похожую,
Он просунул за дувал,
Будто всем как есть прохожим
Он рукою помахал.

Будто прошептал миндаль:
«Мне для вас добра не жаль!
Не гранаты, не орех
Зеленеют раньше всех.
Расцветать весной земля
Начинает с миндаля!»

Перевел с таджикского Н. ГРЕБНЕВ.

*

Валентин БЕРЕСТОВ

Драчун

Я бы всех своих врагов
Разорвал на сто кусков,
Разметал бы их, развеял,
А потом собрал и склеил,
Ибо собственной судьбы
Я не мыслю без борьбы!

Первый листопад

Свой самый первый
листопад
Встречает этот клен.
В свой самый
праздничный наряд
Переоделся он.

Надеты на его сучки
Пять листьев вырезных.
Они красны и широки,
Совсем, как у больших.

АВТОМОБИЛИ НОВОЙ ПЯТИЛЕТКИ— на магистралях, по бездорожью, под землей

А. САБИНИН

Мелькают корпуса заводов, школы, магазины. Городские улицы сменяются сельскими проселками и автострадами. По дорогам мчатся машины — разноцветные «легковушки» и тяжелые МАЗы, серебристые фургоны автопоездов и тяжелые, обтекаемые автобусы. Никогда еще не было такого оживления на наших дорогах, а в ближайшие пять лет машин станет еще больше! Недаром поднимаются в разных концах страны новые автомобильные заводы-гиганты — Волжский имени Тольятти, Камский и другие...

Вот перед нами машины, которым работать на пятилетку.

Среди них уже знакомые тебе «Жигули», «Запорожец», «Москвич-412», новая «Волга». А вот эту машину, у которой крыша плавно переходит в

ЗАВОДЫ ГРУЗОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ

ЗиЛ — Московский автомобильный завод имени И. А. Лихачева

УРАЛ — Уральский автомобильный завод

ГАЗ — Горьковский автомобильный завод

БЕЛАЗ — Белорусский автомобильный завод

КОЛХИДА — Кутаисский автомобильный завод

МАЗ — Минский автомобильный завод

КрАЗ — Кременчугский автомобильный завод

МоАЗ — Могилевский автомобильный завод

ЗАВОДЫ ЛЕГКОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ

Московский завод малолитражных автомобилей

Горьковский автомобильный завод

Ульяновский автомобильный завод

Запорожский автомобильный завод «Коммунар»

заднюю панель кузова, ты, наверное, еще не знаешь. Это легковой автомобиль «Комби» Ижевского завода (1). «Комби» — красивая и удобная машина с универсальным кузовом. Она может перевозить и пассажиров и небольшой груз. А если груз побольше — можно убрать заднее сиденье и загрузить вещи через пятую дверь. В «Комби» Ижевского завода используются агрегаты от «Москвича-412». Волжский завод тоже готовит «Комби», но уже на основе «Жигулей».

Совсем другие машины — мощные и неприхотливые, которым не страшны самые труднопроходимые участки, нужны на проселочных и грунтовых дорогах. До сих пор таким легковым автомобилем был у нас ГАЗ-69, теперь у него появился младший брат — ЗАЗ-969 (2). Он родился на Луцком автозаводе. В основе этой машины агрегаты «Запорожца». Новые автомобили повышенной проходимости — грузовые, легковые, санитарные — будет выпускать Ульяновский завод.

Очень нужны народному хозяйству большегрузные машины. Их будет выпускать новый завод, который строится сейчас на Каме. Камский завод — ударная стройка девятой пятилетки. БелАЗ-549 — самый большой из великанов (3). Цифры на борту этого самосвала кажутся фантастикой: грузоподъемность его — 75—80 тонн! Но конструкторы Белорусского завода уже работают над новой машиной, она сможет взять 250 тонн груза! Придется ставить на нее уже не поршневой двигатель, а газовую турбину.

Не так давно автомобили у нас стали работать в шахтах и рудниках. Теперь целые автопоезда для работы под землей будет выпускать Могилевский завод. Посмотри, тягач здесь очень подвижно соединен с самосвалом-полуприцепом (4). Машина легко сможет разворачиваться в тесных коридорах шахты. Выхлопные газы не будут отравлять воздух в забоях — поможет специальное устройство.

Растут в стране новые города, заводы — все больше нужно машин для дальних маршрутов. Автопоезда для дальних рейсов недаром называются поездами: это не единый механизм, а подвижное соединение тягача с прицепами — «вагонами» (5). Тягач можно отцепить, как паровоз, и, пока его «вагоны» будут разгружаться, он поведет другой автопоезд. Такие автопоезда строят в Минске. Грузоподъемность одного из самых новых автопоездов — 25 тонн.

В. СТОРОЖЕНКО

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА

От слова «дириго»

Оркестр исполняет симфонию. Музыканты внимательно следят за волшебной палочкой дирижера. Ему нужно все слышать и руководить каждым инструментом, различая его в многоголосье скрипок, флейт, труб, барабанов, контрабасов, литавр.

«Дирижер», «дирижировать»...

Слова эти произошли от латинского слова «дириго», что означает «давать руководящее указание», «определять направление», «указывать путь». Так написано в словаре.

От слова «дириго» произошли также слова «директор», «директивы».

Выходит, слова «директивы», «директор», «дирижер» — родственники?

Слово «директивы» сейчас особенно часто встречается в наших газетах, журналах, звучит по радио и телевидению, на собраниях, в беседах, лекциях. Ты, наверное, знаешь, что директивы означают важное событие в жизни Советского государства — начало новой, девятой пятилетки.

«ДИРЕКТИВЫ ПО ПЯТИЛЕТНЕМУ ПЛАНУ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР на 1971—1975 годы» были приняты на XXIV съезде Коммунистической партии Советского Союза весной 1971 года. Съезд определил главное направление, дал руководящие указания, как развиваться дальше нашей стране. Здесь подходят все значения слова «дириго», которые даются в словаре. Теперь ты и сам видишь, что слово «дирижер» и «директивы» — родственники.

Дирижер руководит сотней музыкантов. В самом большом оркестре, который играет во время парадов на Красной площади, — две тысячи человек.

Директивы дают указание всем заводам, фабрикам, стройкам, совхозам, всем предприятиям Советского Союза. А их в стране двести тысяч!

Вот какой важный и ответственный документ — ДИРЕКТИВЫ.

Дирижер в концертной программе руководит оркестром недолго, самое большее несколько часов. Директивы определяют путь для хозяйства на пять лет вперед.

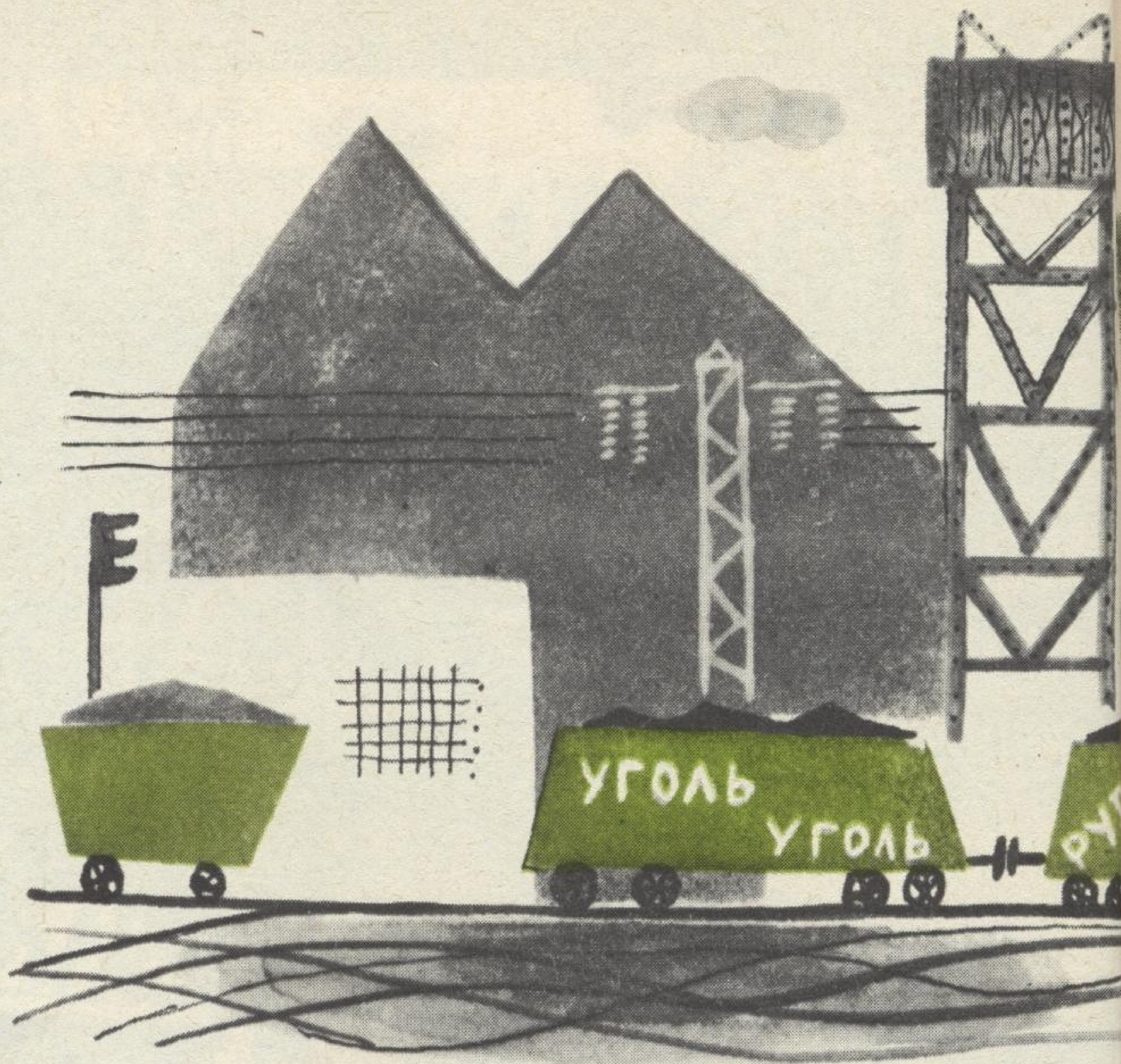
Век знаний

Каждый день у тебя состоит из многих дел. Одеться, умыться, позавтракать, пойти в школу, потом уроки, погулять, в магазин, почитать — только успевай. На безделье совсем времени не хватает.

Пять долгих лет... Сколько же дел — больших и малых — свершится за это время! Какое среди них самое главное, самое важное?

У тебя, по-моему, есть такая самая-самая главная задача в девятой пятилетке — накопить большой и ценный багаж для дальнейшей жизни. Не в чемоданах, конечно, а в голове.

Я говорю о багаже знаний. Без знаний сегодня никуда. Говорят, что наш XX век — век атомной энергии, кибернетики, исследований космоса. А я бы сказал, что наш век — век знаний.

Представь себе крутую лестницу Знаний. Ее ступеньки — школьные классы. Первая, вторая, третья, четвертая, пятая — чем выше поднимаешься, тем дальше и больше видно все, что происходит вокруг. А сейчас, в XX веке, подниматься с одной ступени на другую труднее, чем прежде — двести или даже сто лет назад. Ты уже в пятом классе знаешь то, чего не знали в те времена даже великие академики. Поэтому тебе надо и поработать немало. Иначе грош цена твоему «багажу». Вот почему в твоей пятилетке задача «знания» — главная.

Ну, а в жизни всего народа, всего хозяйства какая главная задача?

О ней так написано в директивах:

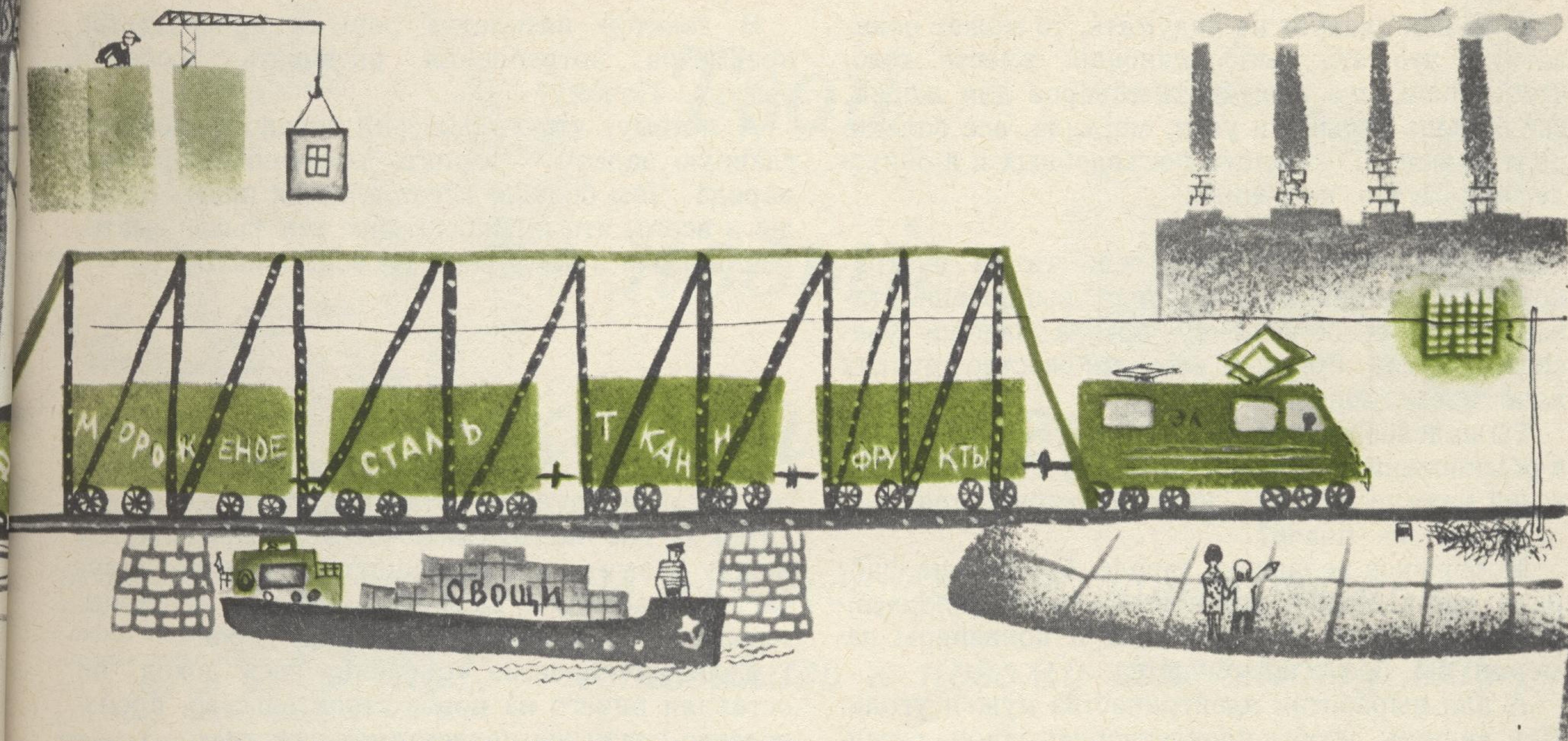
«ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ПЯТИЛЕТКИ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ МАТЕРИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ ЖИЗНИ НАРОДА...»

Директивы — документ очень сжатый, лаконичный. Указания всегда кратки. Кратко говорится и о развитии всего народного хозяйства Советского Союза в течение целых пяти лет. И самое важное в Директивах то место, которое ты только что прочитал, — о главной задаче пятилетки. Поэтому нам обязательно надо в этом как следует разобраться.

Сколько радости в жизни

Ученые спорят. Одни доказывают, что человек должен жить в среднем до ста — ста двадцати лет, другие — что до ста пятидесяти. Есть даже такие, которые обещают людям сто восемьдесят — двести лет жизни.

Вот так спор! Может быть, это отрывок из научно-фантастического рассказа? Разве ученые не знают, что мало кому посчастливилось до-

жить до ста лет, двухсотлетних же и вовсе не бывало.

Сейчас продолжительность жизни в СССР и в других самых развитых странах в среднем около семидесяти лет. А сколько стран на земном шаре, в Африке, Южной Америке, Азии, где люди живут в два раза меньше!

В чем тут дело? Быть может, в национальных особенностях? Англичане, американцы, французы, русские — люди долгоживущие, а индусы, африканские негры не могут жить долго?

Дело, конечно, не в этом. Все люди «устроены» одинаково. Неодинакова лишь их жизнь. В нищей царской России люди жили в среднем до тридцати двух лет. Через десять лет после революции продолжительность жизни народа увеличилась до сорока четырех лет. А к пятидесятилетию Советской власти она достигла семидесяти лет.

Выходит, дело не в национальных особенностях, а в том, как люди живут: как питаются, как одеваются, как работают, как отдыхают, как о них заботятся доктора, сколько радости у них в жизни и сколько горя. От всего этого зависит здоровье людей, продолжительность их жизни.

Теперь ты понимаешь, о чем спорят ученые? Они спорят о том, сколько лет человеку отпущено природой, сколько будет он жить в наилучших условиях, например, при коммунизме.

Кто следит за спортивными рекордами, знает, что люди из года в год становятся сильней. С чемпионами начала века сегодняшние чемпионы разделались бы «одной левой». Рекордная планка по прыжкам в высоту поднимается выше, штанги тяжелоатлетов тяжелеют, молодые пловцы ежегодно торпедируют рекорды во всех стилях. Порой начинаешь опасаться, что не хватит золота на медали.

Люди могут быть и выше, и сильнее, и здоровее, и красивее, и выносливее. Но для этого нужны хорошие условия, нужен «высокий материальный и культурный уровень жизни».

Что же входит в «материальный и культурный уровень»?

Ты и Робинзон

Ученые утверждают: если составить список всего, что нужно людям для работы и жизни, то он займет тысячу томов! В нем будет двадцать миллионов названий. Не удивляйся. В список попадет не только еда, одежда и жилье, но все окружающие нас вещи: кирпичи, кактусы, электровозы, гайки, лыжи, чернила, гитары, самосвалы, вазелин, зонтики...

Конечно, Робинзон Крузо обходился меньшим. Но, согласитесь, у него было не так уж много возможностей устроить себе зажиточную и культурную жизнь.

Но человеку, живущему в наш век среди людей, нужно, как сказал один из героев Антона Павловича Чехова, «...не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа». В космическую эру и этого мало. Земным шаром потребности человека не ограничены. Ему нужны и Луна, и Венера, и Марс, и звезды.

Но потребности и возможности — разные вещи. У тебя, например, есть потребность иметь кинокамеру. А возможностей купить ее нет.

Все люди стремятся повысить свой материальный и культурный уровень жизни. А возможности для этого определяются экономикой государства.

Если в стране много заводов, если ее хозяйство хорошо развивается, у населения много возможностей повысить свой уровень жизни.

Полкило угля на завтрак

Во всех предыдущих пятилетках быстрее росло производство стали, угля, нефти, электричества, машин, чем производство тканей, ботинок, мяса и конфет.

Если как следует не подумать, то может показаться, что это было ошибкой: вместо того, чтобы побольше выпускать товаров для людей, все больше добывали угля, металла, все больше делали машин — вещей несъедобных и в обиходе как будто ненужных.

А если подумать?

Если подумать, то окажется, что за завтраком ты съедаешь полкило угля, выпиваешь стакан нефти, безболезненно проглатываешь увесистый кусок стали и еще множество других явно несъедобных вещей.

Ты надеваешь на себя не средневековые латы, а обыкновенную школьную форму. Тем не менее в ней немало металла, угля, электричества.

А как же иначе?

Мороженое делают на заводе, ботинки на фабрике, где работают машины, автоматические линии, конвейеры. Эти машины и конвейеры замерли бы без электричества.

А для выработки электричества нужен уголь. Как видишь, чтобы удовлетворить твои сегодняшние потребности в мороженом, в ботинках, нужно начинать с угольных шахт и электростанций. Это и было задачей прошлых пятилеток.

А кроме угольных шахт и электростанций, нужны были, понятно, домны, мартены, машиностроительные заводы, то есть, выражаясь по-научному, развитая тяжелая промышленность.

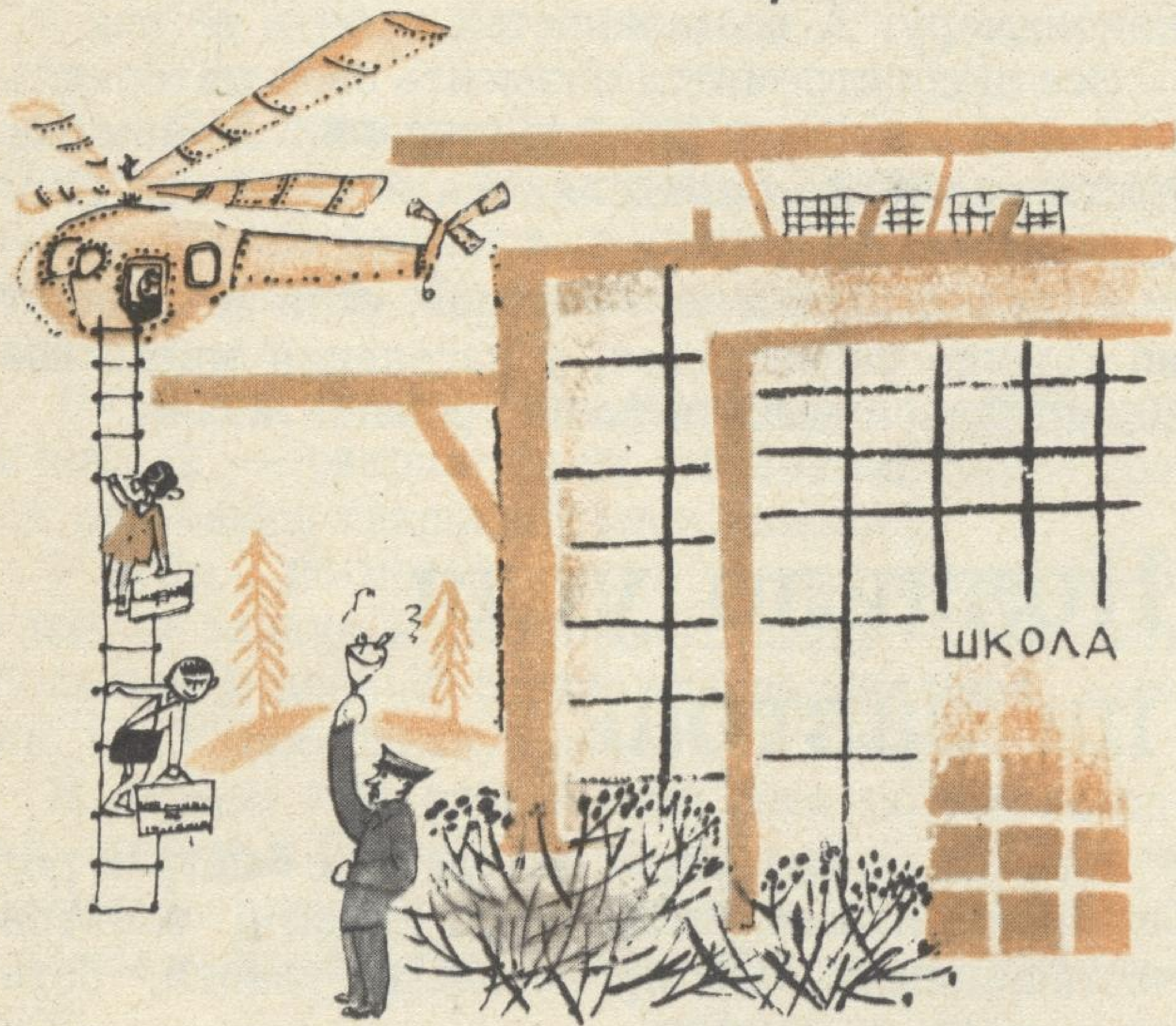
Вот почему тяжелой промышленности уделялось главное внимание.

Ты можешь спросить: если есть тяжелая промышленность, то, наверное, есть и легкая?

Конечно. Костюмы, рубашки, портфели, рукавицы, пальто, шапки, чулки — все это изготовляет легкая промышленность. А хлеб, сахар, колбасу, конфеты, кефир и многое, многое другое вырабатывает пищевая промышленность.

Тяжелая промышленность изготовляет все, что нужно для заводов, фабрик, шахт, строек, колхозов: металл, машины, топливо, удобрения, кирпич. Легкая и пищевая промышленность дают людям предметы потребления.

Рисунки **Ю. КОРНЕЕВА.**

В девятой пятилетке решено производство предметов потребления развивать особенно быстро. Почему?

А потому, что только так можно выполнить главную задачу — поднять жизненный уровень народа. Чем больше изготовляется пищи, одежды и всего, что нужно людям, тем выше «материальный и культурный уровень жизни».

Доход государства

За год в государстве выпускается очень много разной продукции. Эта продукция всегда делится на две части. Одна часть распределяется между всеми членами общества, другую государство расходует главным образом на строительство новых заводов, фабрик, дорог.

Если бы общество «съедало» весь доход, не оставляя ничего на новое строительство, производство сразу же перестало бы расти.

Поэтому экономистам очень много приходится рассчитывать, как наиболее выгодно разделить полученный доход. В предыдущих пятилетках хозяйствовали по правилу: «Чтобы нашим детям завтра жилось лучше, затянем сегодня пояса потуже, будем больше строить».

Робинзон Крузо, собрав за несколько лет своего одиночества приличный урожай зерна, прикинул: если часть зерна оставить на семена, чтобы вырастить такой же урожай, то другую часть зерна можно съесть. Но тогда новый урожай будет невелик — такой же, как в прошлом году. А если потерпеть год, сохранить все зерно на семена, вот тогда нового урожая хватит и на еду и на семена. Робинзон был человек терпеливый и благоразумный. Он так и поступил.

В наследство от капитализма нам досталась нищая, отсталая страна. Подобно Робинзону Крузо, во многом приходилось начинать «с нуля». Но постепенно, пятилетие за пятилетием «урожай» увеличивался. К сегодняшнему дню, к девятой пятилетке доход государства настолько вырос, что теперь можно быстро увеличивать фонд потребления, конечно, не забывая и о накоплении. А это и будет означать «значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа», о котором говорится в Директивах.

Кроме еды, одежды и жилья, материальный и культурный уровень жизни народа включает еще очень многое: охрану здоровья людей, спорт, театр, кино, газеты, книги и, конечно, образование.

Без образования новой техникой не овладеть. Восьми классов сейчас уже недостаточно, чтобы разобраться в современной машине. Надо знать математику, физику, химию, знать иностранные языки. И вот что важно: после десятилетки или техникума легче выбрать себе специальность по вкусу. Вот почему в нашей стране вводится обязательное всеобщее среднее образование.

Как видишь, твоя главная задача на пятилетие крепко связана с главной задачей Директив.

Твой новый школьный год

Ты пришел в школу. Вошел в светлый, чистый, нарядный класс, разложил на парте новенькие, «с иголочки» учебники. А подумал ли ты о тех, кто все лето трудился для того, чтобы первое сентября стало для тебя праздником?

Во всех республиках нашей страны готовились к новому школьному году.

Что говорят цифры

В нашей стране нет ребят, которые не ходили бы в школу. Учатся все. Поэтому и учебников нужно много. К новому учебному году выпущено больше двух тысяч разных учебников на всех языках народов СССР, а для спецшкол — на английском, немецком и французском языках. Их общий тираж — около трех миллионов.

●

Больше миллиона ребят пришли первого сентября в новые, только что построенные школы.

●

Вошли в классы около ста шестидесяти тысяч новых учителей.

●

Во многих школах введены новые программы. Учиться стало интереснее, но и труднее. И вот на помощь ребятам пришла техника: восемнадцать тысяч проекционных аппаратов, семнадцать тысяч магнитофонов, больше восьми тысяч телевизоров, двадцать две тысячи проигрывателей и киноустановок.
В этом году в школах оборудовано больше тысячи лингафонных кабинетов — с помощью магнитофонов и диктофонов ребята в этих кабинетах смогут заниматься иностранными языками.
Почти в каждой семье есть телевизоры, и многие школьники будут слушать и смотреть учебные передачи по третьей программе.

НАМ СООБЩИЛИ

Из южных республик страны

В колхозе имени Ахундова в Узбекистане построена новая четырехэтажная школа с актовым и физкультурным залами, со столовой. Колхоз подарил школе фруктовый сад и пришкольный участок. Тех ребят, которые далеко живут, в школу привозят на автобусах.

●

В пятистах школах Армении ребята получат технические специальности. В тридцати сельских школах есть свои тракторы. Ребята этих школ будут учиться на трактористов.

А вот вести с Крайнего Севера

Вертолеты и самолеты доставили с охотничьих стоянок ребят в школы-интернаты, где они будут жить весь учебный год. Для ребят в интернатах все бесплатно: и питание, и одежда, и учебники. Чтобы они не очень скучали по дому, даже еду для них готовят домашнюю: в меню обязательно входят оленье мясо и свежая рыба.
В школах учатся на родных языках: мансийском, эвенкийском, нанайском, корякском — на Крайнем Севере живут двадцать народностей. А чтобы ребятам легче было заниматься русским, в интернатах есть и магнитофоны, и проигрыватели, и телевизоры. На уроках русского языка школьники с удовольствием слушают пластинки со сказками, рассказами и стихами русских писателей.
Часто в интернатах показывают новые фильмы, а в Ванаварской школе работает свой пионерский кинотеатр.

●

Министерство просвещения РСФСР отправило ребятам Севера на десять тысяч рублей книг, тетрадей, наборов цветной бумаги, комплектов радиодеталей, карт, атласов, таблиц, оборудования для физических и химических кабинетов.

●

Пионеры московской спецшколы № 14 послали в подарок ребятам Севера больше двух тысяч книг.

Начался школьный год, год новых интересных дел, год новых для тебя открытий.
СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

А. КРЕСТИНСКИЙ

Далеким знойным летом

РАССКАЗ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Мальчик приехал на дачу, когда там уже все подружились. Он ходил один по тенистому парку, полному огромных древних елей. Ели источали сверкающую на солнце смолу. Смола оплывала тяжелыми каплями и застывала на бугристых стволах пористыми белыми полукружиями.

Мальчик ходил по парку, одетый в футболку и шорты, прихрамывая на левую ногу. На коленке у него заживала болячка. Коричневая корка едва держалась, но при каждом шаге напоминала о себе. Временами мальчик садился где-нибудь в тени и начинал осторожно отдирать корку. Это приносило мучительную и сладкую боль. Под коркой виднелась нежная розовая кожица.

Мальчик ждал, что его позовут играть, но его никто не звал. Все уже давно объединились или, наоборот, разъединились, и он был вроде как лишним. Окажись у него другой характер, он перемахнул бы через забор и через минуту был принят в компанию (или, наоборот, изгнан из нее?..). Но у него был такой характер, что он глядел через зеленый заборчик и чего-то ждал.

А там шла разнообразная жизнь. Там кричали, дрались, хохотали. На широкой улице, заросшей по канавам шиповником и чертополохом, клубилась пыль — играли в городки. Когда бита с веселым треском накрывала фигуру, на дороге раздавались яростные крики, и мальчик сжимался весь от напряжения, от предвкушения такой же удачи.

Так продолжалось два дня. На третий день на соседней половине дома послышались шум, смех, беготня, звон посуды. Потом насмешливый девичий голос: «Дед, а дед, что сегодня на обед?!» И снова смех — яркий, пугающий.

Мальчик сидел на своем любимом месте, за сараем, у безоконной стены, когда над ним внезапно вырос голос: «Ты кто?»

Мальчик оторвал глаза от своей любимой болячки и сначала увидел загорелые ноги в синих полукедах, высокие ноги с выпуклыми, сильными икрами, в голубых спортивных брючках до колен. Ноги чуть приплясывали, а руки, сложенные крест-накрест на груди, легко и ритмично похлопывали одна другую.

— Эй, ты кто?

Чаща темных волос. И будто окошко в чаще прорублено, а оттуда, из окошка, глаза — выпуклые, карие. Белки крупные, синие, как фарфор. Насмешливый быстрый рот...

— Эй, слышишь, ты кто?

А в общем, лицо ясное, четкое, без всякой утайки, капризное немного, правда. Густые брови, косо уходящие к вискам, придают ему выражение ненастоящего, шутливого удивления: «Ска-ажите, пожалуйста! На-адо же...»

Она смотрела нетерпеливо и требовательно. Он был много младше и растерялся. Как-то ошалел даже. Глотнул воздух. В горле шершаво. Язык неповоротливый. Что случилось? Он никогда не шепелявил, не заикался, а тут вместо своего имени произнес черт знает что!

— Каша? — переспросила она тихо. Губы ее вздрагивали. — Какая каша? Почему каша?

— Паша. Я сказал: Паша.

— Нет, ты сказал: Каша. Я не глухая. Посвящаю тебя в свои приятели, Каша. — И она положила ему на плечо руку. Он увидел эту руку совсем близко — длинную, сильную, с белой полоской от часов на запястье. Надо было спасать положение. Он стряхнул ее руку с плеча и сказал как можно презрительнее:

— А сама-то ты кто?

Она наклонилась к нему. Волосы упали и почти закрыли окошко лица. Только глаза поблескивали. Она склонилась к самому его уху и сказала раздельно:

— Я космонавт девяносто девять. Понял?

И когда она наклонилась, ему стало щекотно от ее волос, и тут мелькнуло такое смутное чувство, что если она скажет: вставай, пойдем! — он встанет и пойдет, хотя все в нем будет про-

Мальчик сидел на своем любимом месте за сараем, когда над ним внезапно вырос голос: «Ты кто?»

тестовать против этого неожиданного подчинения. Не успел он разобраться как следует, что с ним происходит, она схватила его за руку и подняла с земли.

— Ну, давай докладывай, какие у вас тут культурные развлечения?

Леля — такой человек: стоило ей появиться в поселке — и сразу все к ней потянулись, все вокруг нее объединились, даже те, кто до этого ссорился между собой. Она вечно что-нибудь придумывала, на месте ей не сиделось — то поход, то соревнования какие-нибудь. Потом ей вдруг все это надоедало, и с криком «Прочь, малышня!» она куда-то проваливалась.

Живет Леля на даче с дедом. Дед высокий, прямой, как тростина, с выпуклой костистой грудью, весь будто из крученых жил. Спокойный, никогда Лелю не ругает. Разве что воркнет в крайнем случае: «Уймись, зуда!» А Леля: «Дед, не сердись! Каши хочешь?» И с хохотом тащит к нему упирающегося мальчика. «Вот тебе каша, дед!» И убегает.

Дед обнимает мальчика за плечи, сажает его рядом с собой на крыльцо, в косую синюю тень.

Стояли душные, безветренные дни конца июля, и поселок, и холмы вдалеке, и речка в низине — все дрожало в знойном мареве, и в лиловой солнечной мгле люди куда-то плыли, едва передвигая ноги, а собаки и кошки валялись, будто дохлые, под заборами и мостками, вытянув в одну сторону все четыре лапы. Звуки были приглушены, словно у природы не оставалось сил от зноя и она раскинулась, смежив глаза, терпеливо ожидая, когда станет легче.

Мальчик сидел рядом с дедом, бросив меж колен жаркие руки с набухшими жилами, и слушал, как часто и шумно толкается в ребра кровь.

Дед рассказывал про такое же знойное лето, только очень-очень давнее. Из его рассказа выходило, что то, далекое лето было как бы его, дедово, а это, нынешнее, — мальчиково. В нынешнем лете ничто деда живо не затрагивало, не волновало. А то, далекое, где и сушь, и безветрие, и даже гусеница вредная на черемухе были такими же, как сейчас, — то далекое лето было деду по-прежнему дорого и ярко. Он жил в нем, как живут в сегодняшнем дне, переживая все, что случилось когда-то, ревниво, взволнованно и деловито.

— Иду я, друг Паша, через лес. Слышу, гудит. А я, молодой, веселый, ни черта не боюсь. Гудит — пускай гудит. Иду, посвистываю. Потом все же остановился, слушаю. Гудит! Да как! Печь до неба поставь, дров полную наложи — вот так она и загудит. Пожар! Побежал я. Выбегаю на просеку, гляжу — лошадь привязана. Бьется, копытами землю перепахала, кричит. Подбежал я к ней, смотрю — Чайка, нашего лесника кобыла! Я ее отвязываю, а у нее слезы на глазах... Во какие! Я кричу: «Корнеич! Корнеич!..» — так лесника звали — не откликается...

Дед рассказывал, как заплыли они с Чайкой в лесное озеро и как пожар подступил к его берегам, а потом, по счастью (для кого, конечно...), ветер переменился.

— А у меня, друг Паша, голос неузнаваемый с того случая. Раньше был высокий, тонкий, а с той поры хриплый. От переживаний, знаю...

— А Корнеич? — спрашивал мальчик.

— Сгорел Корнеич... Да что там Корнеич — две деревни дотла сгорели, друг Паша! Во как ветер подул — кому на счастье, а кому на горе.

— А сейчас может быть такой пожар? — спрашивал мальчик. — Здесь может быть?

— Сейчас? Здесь? — Дед ухмылялся. — Нет! Не может. Разве это сушь? Ерунда, а не сушь. Тогда земля в пыль и камень обратилась. Теперь не та природа, друг Паша...

Мальчик не знал, верить ему или нет. Наверно, так и есть, как дед говорит, только ведь каждому хочется, чтоб и у него хоть раз в жизни было такое же великое и страшное лето...

А потом дед рассказывал, как вернулся в деревню на кобыле, а его уж и не ждал никто... Дед говорил, молодо подбоченясь, с прищуром да щербатой улыбочкой. Видно было, что гордится он своей молодой ловкостью и быстротой, своей удачливостью и везением, дорожит своим далеким знойным летом. И в его острых еще, но уже выцветших глазах мальчик видел сполохи лесного пожара, в них мелькало порой рядом с веселым грозное, и у мальчика просыпался тогда меж лопаток легкий холодок.

Дед глядел, усмехаясь, в небо. Там, в глубокой синеве, тихо летал биплан, самолет лесной авиации, — кружил над поселком, над лесом, над озером. Изредка с неба слышался голос: «Все в порядке. Все в порядочке». И вдруг: «Мамаша, ставь щи. Иду домой!»

Мальчик просыпается, потягивается, хрустит косточками и, еще не открыв глаза, знает: комната полна солнца. Оно давит на плотно прикрытые веки, пробивается сквозь них, требует: «Открывай! Открывай глаза!» А он сопротивляется еще и потихоньку, не сразу впускает в глаза солнечный свет.

Пробуждение — радость! Большая, сильная радость. Веселым подвижным комком подступает она к горлу, раздвигает грудь, кипит, рвется наружу. В этой радости все — и зябкое огневое прикосновение росистой травы, когда прыгнешь в нее из окна; и душистая прохлада еловой аллеи, по которой он побежит к реке; и упругие солнечные лучи — вот они толкают его в грудь, он чувствует их приятные, мягкие толчки... Все радостно — каждый звук и запах, каждое прикосновение. Звон ведер на улице, стук да бряк умывальника, смех за стеной, звяканье ложечки о стакан.

Видно, дед встал... Мальчик представляет себе холодную струйку на костистой дедовой спине и вздрагивает, настолько сильно это ощуще-

ние. Каждая клеточка в нем кричит: «Живу! Живу! Живу!»

С бессмысленно ликующим криком вскакивает он с постели, прыгает по комнате, кидает к потолку подушку, молотит ее кулаками... «Ты что, с ума сошел!» — врывается в комнату бабушка и застывает на месте, задохнувшись от гнева, в который ее приводит всякое нарушение порядка: нечто, похожее на гибкую, тоненькую рыбу, вылетает через окно в сад — мягко, плавно, будто при замедленной съемке.

И вот уже эта рыба плывет по утреннему парку, где каждая травинка блестит и сверкает, а каждое дерево и цветок словно только и ждали этой минуты, чтобы выдохнуть навстречу весь накопленный за ночь аромат. Рыба с красной поперечной полоской плывет через парк. Мальчик в малиновых плавках.

...Прикоснуться к шершавому, липкому стволу. Обжечься о влажную синюю осоку. Обколоться о густую россыпь хвои на тропинке. Вскрикнуть от боли и, подпрыгивая на одной ноге, отколупнуть от ступни белый острый камешек — на его месте останется вмятина — и снова плыть в густом хвойном воздухе, весело отмечая мелькающие по пути предметы, людей, животных. Плыть, покуда не встанет перед глазами иная, плотная, манящая среда, и тогда, не останавливаясь, с размаху ухнуть в нее!

И только выскочишь с выпученными глазами, с широко открытым ртом, только перехватишь каплю воздуха да так и застынешь на месте: плавно, почти без толчков, навстречу тебе движется по зеркальной поверхности голова на гибкой шее. Мокрые, блестящие волосы обрамляют лицо, точно занавес сцену, а на сцене еще все неясно, и не знаешь, куда пойдет спектакль — в грустную ли, в веселую ли сторону... В двух шагах от тебя внезапно, не меняя безразличного выражения глаз, голова резко уходит в глубину, и в ту же секунду — очухаться не успеешь! — сильные руки хватают тебя за ноги, дергают, и ты, бессмысленно хлопая по воде ладонями, вполне натурально тонешь.

Каскад воды, шумные брызги — и вот они уже стоят друг против друга, и отплевываются, и хохочут, и Леля говорит:

— Тренируйся, Каша. Вдруг русалка нападет, что тогда? Схватит за ноги и утащит...

Не утащит! Если уж говорить честно, он угадывает ее маневр заранее, и ждет его, и радуется той минуте, когда быстрые пальцы охватывают его лодыжки. Он даже поддается, если уж совсем честно...

По выходным дачу заполняли взрослые. Они шумели, пили пиво, хохотали, стучали костяшками домино.

Лелины родители были непохожи на остальных. Оба широкоплечие, коренастые, дочерна загорелые, в белых теннисках, на самом жарком солнце — крутом, палящем — они бегали целый день по теннисному корту, и плотный серый песок шуршал под их спортсменками. Досыта наигравшись, они рядом, бок о бок, шли купаться в быстрой коричневой речке Желтухе, а после долго, очень долго на ярко освещенной веранде пили чай со смородиновым вареньем.

Мальчик нарочно проходил мимо веранды, останавливался, замирал, не дыша, меж деревьев, и глядел-глядел на них, на взрослых, чего-то ожидая, что-то пытаясь понять, завороженный плавными движениями рук, медленным поворотом головы, чайным дымком, внезапным блеском ложечки, беззвучным движением губ и книжных страниц...

Три метра вечерней тишины и сиреневого сумрака, отделявшие его от веранды, эти три метра воздуха, травы, земли, комаров и мошек — вот зыбкая граница между ним и взрослым миром. Зыбкая, но ее не переступишь. А эти двое — загорелые, уверенные в себе, — они вдвойне загадка для него, потому что они ее родители...

Вот так же он стоял перед аквариумом в магазине «Природа» и тоже не мог оторваться, а когда вернулся в реальный мир, не сразу привык к его шуму, говору, запаху...

А еще раньше вот так же стоял он перед тигриной клеткой в зоосаду, и только помнит, как голова кружилась легко, приятно, радужно от непрерывного мелькания полосатой шкуры за прутьями решетки.

Факелы горят с сухим треском, остро пахнет еловой смолой. Белые призраки носятся среди деревьев, танцуют, размахивая огненными палками, поют дикие гимны, гоняются друг за другом... Никто не придумывал этой игры, она возникла сама собой из этого теплого таинственного вечера и смолистых деревьев, похожих на театральные декорации. Вот Леля, легкая и быстрая, прячется за стволом, а вот опять появляется внезапно, пронося по темной поляне свой факел. Сердце мальчика бьется радостно и гулко. Он скользит меж деревьев в своем белом одеянии, предвкушая внезапную радость — угадать среди призраков Лелю. Вот... Кажется, она... Он идет навстречу, высоко подняв над головой брызжущий искрами факел. Громадные мрачные ели, белые пятна между ними, шипящие факелы над головами... Она? Да! И он пляшет на поляне, высоко вскидывая ноги и стряхивая с факела золотые брызги.

На дороге от станции к поселку, в кустах, они устанавливают шест. Водружают на него выдолбленную тыкву. В тыкве проделаны отверстия: нос, рот, глаза. Изнутри тыквенная голова освещена свечой. Как только на дороге появляется прохожий, невидимый хор начинает завывать, а внутри тыквенной головы зловеще дрожит и мечется тонкий язычок огня. Какая-то женщина охает и возвращается обратно. Через минуту

она снова появляется на дороге в сопровождении двух мужчин, и слышно, как она оживленно о чем-то им рассказывает... Дьявольский хор завывает по Лелиной команде. В ту же минуту мужчины перемахивают через канаву.

«Полундра!» — кричит кто-то, и все бросаются врассыпную. В последний момент мальчик видит, что Леля заметней всех — на ней полосатый свитер с белыми полосами, — и, опасаясь, что ее могут поймать, он нарочно шумит в кустах, чтобы отвлечь внимание.

«Вот он, держи!» На мальчика сверху наваливается кто-то тяжелый. Сильная рука хватает его за шиворот, тащит на дорогу. Он вырывается. «Ах, сукин сын!» Железные пальцы стискивают ухо. «Как не стыдно! Хулиган! В милицию его!..» — это та женщина. Железные пальцы скручивают, мнут его ухо, будто тесто. Перед глазами вспыхивают и множатся круги. Вырваться невозможно. Подвешенный к собственному уху, он вот-вот оторвется... «Ну, будешь еще?» Ни звука. Прикусил губу. «Хватит! Отпустите его! Он больше не будет...» — это опять та женщина. «Ну, смотри!..» Его отпускают. И, смеясь, уходят.

Из кустов на дорогу выскакивают ребята. Впереди Леля. Она подбегает к нему, гладит по голове.

— Больно? Очень больно?

— Что ты, нисколько! — отвечает он.

А ухо пылает и гудит, как большой костер, и дотронуться до него нет никакой возможности.

Мальчик носит за ней ракетку, продуктовую сумку, водит велосипед. И все это ему не в тягость и не стыдно — вот что удивительно. Если бы кто-нибудь неделю тому назад сказал ему, что так будет, он не поверил бы. И когда добродушный Аркадий, играя своими красивыми мускулами, говорит ему: «Ну, чего, пажом заделался?» — он даже внимания не обращает. Однажды только смутился. Пошел за ней следом, а она: «Ты куда? О, господи! Сбегать не дадут». — И засмеялась. Он так тогда растерялся, и покраснел, и не знал, куда руки девать, и чтоб хоть как-то спастись от всеобщего хохота, стал хохотать вместе со всеми.

У дачницы Варвары Петровны беда случилась с породистым котом по имени Кипарис. Кипарис — красавец дымчатый, глаза с поволокой, на ушах кисточки — был страшный трус. Гулял он по саду, замечтался, а сбоку на него налетел полосатый безымянный кот, каких немало в окрестностях. Кипарис взвизгнул и помчался к дому. Двери и окна оказались заперты. Тогда Кипарис с ходу прыгнул на березу и быстро вскарабкался по стволу. Добравшись до развилки — на уровне второго этажа, — Кипарис засел там и, распластавшись в седловине, огласил улицу бесстыдно трусливым воем. Враг его сидел под березой и, склонив квадратную голову, с любопытством смотрел вверх, изредка вздрагивая, — в нем не простыл еще азарт погони.

На вопли Кипариса сбежалась вся улица. Варвара Петровна, пышная, с багровым румянцем на щеках и подбородке, всплескивала руками и кричала:

— Кипа! Кипочка! Он убьется! Упадет! Товарищи, кто его снимет? Я заплачу́! Товарищи!

Мальчик увидел, как через забор перелезает Аркадий. Потом он оглянулся, обежал глазами собравшихся, заметил: оставив у калитки велосипед, в сад вошла Леля. Тогда он бросился вперед и закричал:

— Я! Я!..

Чьи-то руки подсадили его. Он уцепился за сломанный сук, подтянулся, полез выше. Кажется, никогда еще его так не слушались руки и ноги. Он взбирался точно, быстро, ловко.

Очутившись под самой развилкой, мальчик не торопился протягивать руку, потому что Кипарис совсем ошалел от страха. Он шипел, открывая розовые десны, скалил острые зубы. Мальчик опасался, что Кипарис заберется еще выше, а там ветви были совсем тонкие — дальше лезть опасно.

Он посмотрел вниз. Сверху фигуры людей на поляне казались чуть приплюснутыми. Толстыми короткими руками махала Варвара Петровна и кричала жалобно:

— Бери его, мальчик, ну что же ты!..

Вот Аркадий стоит, руки в карманы. А вон Леля... Поймала его взгляд, махнула рукой, крикнула:

— Паша, скорей!

Мальчик повернулся к Кипарису. Тот все еще шипел, но больше по инерции.

— Кипа, Кипочка! — ласково сказал мальчик и поднялся чуть выше. Теперь кот был на уровне его макушки. Мальчик слышал его угрожающее подвывание. Кипарис дрожал мелкой дрожью. Мальчик схватил его за шиворот. Кипарис дико взвизгнул, затрепыхался, затряс всеми четырьмя лапами, хотел вырваться.

— Ты что, дурак, я ж тебя спасаю, — говорил мальчик, а сам запихивал кота под рубашку. Кот сопротивлялся так, словно у него было не четыре лапы, а все шестнадцать. Наконец мальчику удалось спрятать кота за пазуху, и он стал быстро спускаться. Но Кипарис от страха совсем потерял голову и не хотел видеть, где его спасение. Он выл и дико царапал когтями по чему попало. Рубашка, живот, грудь — ему было все равно. Мальчику оставалось одно — спускаться как можно скорее. А Кипарис — подлая душа! — времени даром не терял... Почти с трехметровой высоты мальчик прыгнул на землю, и все увидели его искаженное от боли лицо. Он резко выдернул из штанов рубашку, и Кипарис, помятый весь, с перекошенной мордой, вывалился на землю. Еще секунда — и он

Мальчик не торопился протягивать руку, потому что Кипарис совсем ошалел от страха.

удрал бы, куда глаза глядят, но Варвара Петровна упала на него, как вратарь на мяч. Она крепко держала его, приговаривая: «Кипа, золото мое...»

А мальчик стоял, и кривился на свои царапины, и удивлялся, как их много, а потом поднял голову и увидел, что Леля спешит к нему, расталкивая всех. В высоко поднятой руке она держала флакон с йодом.

Он покорно поднял рубашку и, втянув живот от предчувствия йода, глядел, как она торопливо открывает флакон, а сама смотрит на его царапины широко раскрытыми глазами — он даже заметил черные точки вокруг зрачков...

Флакон не открывался, она спешила, дергала пробку, крутила ее... Наконец, пробка выскочила, йод брызнул на траву. «Паша ты, каша, — сказала она, макая мизинец в йод, — будешь ты у нас, Паша, раскрашенный». — И провела пальцем полосу во всю длину царапины. Потом отодвинулась, полюбовалась...

Он готов был так стоять бесконечно. Пускай больно, пускай щиплет! Лишь бы прикасался к его животу этот щекотный мизинец, лишь бы не сводила она с него своих насмешливых и заботливых глаз.

Варвара Петровна надвинулась широким телом, заслонила Лелю...

— Вот... Купи себе что хочешь. Мороженого, конфет... — Варвара Петровна раскрыла его ладонь, вложила в нее остроугольный квадратик, потом закрыла ладонь и похлопала по ней рукой. — Я тебе очень, очень благодарна...

Разжал ладонь — рубль. Поднял глаза. Из-за широкой спины Варвары Петровны выглядывала Леля — смотрела выжидающе, без улыбки.

Он протянул деньги.

— Возьмите. Не надо.

— Ну, почему же, почему?.. Ты рисковал...

— Не надо, — твердо повторил он, — я не за деньги, я просто так. И ничего я не рисковал. — Он презрительно усмехнулся.

— Мальчик, — ласково сказала Варвара Петровна, — но ведь в этом нет ничего дурного. Ты заработал честно...

— Да ничего я не заработал! — закричал он и пошел прочь, глядя себе под ноги и чувствуя, как прикасается к царапинам рубашка.

— Ну, как хочешь, как хочешь, твое дело, — бормотала Варвара Петровна.

Он подошел уже к калитке и услышал позади себя быстрые шаги. Кто-то фуркнул ему в затылок, засмеялся. Не оглядываясь, он уже знал: это Леля. И был счастлив.

*

Потом она опять исчезла на несколько дней, пропадала где-то с утра до вечера. Появилась внезапно перед домом, где сидели в тени на скамейке дед с мальчиком, раздвинула их руками, села посредине. Некоторое время насвистывала, разглядывая небо, потом закричала.

— Вот! — Схватила деда и мальчика за руки. — Слушайте! Слушайте!

Над лесом появился биплан. Он медленно и, казалось, неуклюже поворачивал от леса к поселку, описывая полукруг, и постепенно оказался почти над головами у них. Он летел низко, покачивая темно-зелеными крыльями, и из густого полдневного неба внезапно донеслось:

— Леля! Привет! Леля! Привет!

— Слыхали?!

Она обожгла мальчика счастливыми глазами. Он отвернулся.

— Вот шалая... — пробормотал дед и спутал ей волосы.

— Леля! — донеслось опять сверху. — Леля!

— Чего? — вполголоса спросила она, и все они трое на земле засмеялись.

— Леля, на танцы пойдешь? — спросило небо.

— Пойду! — закричала она, как будто ее можно было там услышать. — Пойду! — и пустилась отплясывать, подкидывая ногами скошенную утром траву. Запахло остро, пряно.

— Ну и ведьма!.. — сказал дед.

— Ах так! — Она стала хватать охапками траву и кидать в деда, а тот, усмехаясь, оборонялся широкой, голубовато-белой ладонью.

Мальчик не участвовал в игре. Он смотрел в небо — провожал глазами лесной самолет. Того уж и не видно было, только попиливал едва-едва мотор в глубине спелого матового полдня.

*

После обеда тихая улица наполнилась внезапно лихорадочным мотоциклетным треском. Мальчик был в это время на чердаке, подошел к окну. Сквозь неплотную листву березы разглядел: у калитки вздрагивает и приглушенно тявкает «Ява». Верхом на мотоцикле, уперев ноги в землю, стоит длинновязый парень в синем берете.

Мальчик вышел на балкон, услышал быстрые шаги за домом, догадался и тут же увидел Лелю. В розовом платье, с вязаной кофтой на плече, она подбегала к калитке. Вот протягивает руку, калитка скрипит, и слов не слышно, потому что мотоцикл взлаивает и, круто развернувшись, уносится прочь. В просветах между деревьями мелькает розовое платье.

— Что нам с девкой-то делать, друг Паша? — спрашивает дед и деликатно кашляет. Он сидит на крыльце и острым ножом снимает кожицу с прута, и она открывается слоями — коричневым, светло-зеленым, нежно-желтым. Кожица скручивается тонкими пружинками, пружинки падают на крыльцо. — Ухажер появился. Дело сурьезное, знаю. Знакомиться придет. А чем угощать будем?..

Мальчик опускает голову, ему неловко и хотелось бы перевести разговор, но не придумать, как. И оттого он злится на себя.

*

Днем он высмотрел в саду на краю поселка пионы.

Дождался темноты, вышел из дому, спустился с горы в низину, где его сразу охватил влажный и холодный воздух, и спрятался в кустах. Когда погасли огни и умолкли голоса, он перелез через забор, наломал букет влажных пионов и тем же путем выбрался наружу. Он шел по темной дороге, держа пионы под пиджаком, и чувствовал сквозь рубашку их прохладную тяжесть.

Он положил цветы на Лелино окно — в доме все спали с открытыми окнами — и постоял несколько секунд, прислушиваясь. Тишина...

Тогда он пошел к себе, на цыпочках миновал скрипучий коридор и нырнул под одеяло, но тут же спохватился: сдвинулся на кровати так, чтобы ступни были на весу, — ноги-то немытые, перепачкаешь простыни, достанется от бабушки!..

Перед тем, как уснуть, он представил себе весь прошедший день, улыбнулся и подумал: «Хорошо!» И это означало: «Все хорошо». С улыбкой он и уснул, едва-едва ощущая, как приятно щиплет и стягивает ноги после холодной земли, росы и крапивы.

Утром он вскочил с постели, переполненный предчувствием какой-то развязки, и от этого испытывал такое состояние, словно внутри натянулась живая струна. Чуть дотронешься — она вздрогнет и зазвенит.

Вышел в сад. Услышал голос — мужской, незнакомый. Весь обратился в слух. Встал за углом дома. Машинально ковырял пальцем мох между бревнами, машинально следил глазами за жуком, который как-то странно — рывками — двигался по бревну... Незнакомый голос произнес:

— Ну так что, поедем на Долгое? Это же близко — пятнадцать километров! Пользуйтесь, я сегодня выходной...

— Если признаетесь, поеду... — Это Леля.

— В чем признаться?

— Сережа... (Укоризненно.) Ну говорите, когда вы принесли цветы?

Мальчик замер.

— Цветы? — Искреннее удивление в голосе.

— Не притворяйтесь, вот эти. (Пауза, покашливание, растерянный смех...)

— Вы знаете, это как-то странно...

— Угадала! Угадала! По глазам вижу! Признался! Признался!..

— Честное слово, не знаю. Но если вам так хочется... Пожалуйста.

Мальчик почувствовал, что краснеет с головы до ног. Он хотел потихоньку уйти, но неловко ступил на щепку — она треснула под ногой. Из-за угла выглянула Леля.

— Каша!.. Иди сюда!

Он пытался вырваться, но она крепко держала его за руку, и чем больше он вырывался, тем настойчивее она его удерживала.

— Каша, ты что? Совсем одичал! Сережа, помогите мне Кашу притащить!

— Какую кашу?..

Симпатичное круглое лицо. Толстые, чуть оттопыренные уши. Крепкие плечи под светлой ковбойкой. Соломенная косая челка на лбу. И взгляд зеленовато-серых глаз — одновременно хитрый и простодушный.

— Познакомьтесь. Это Сережа. Оттуда. — Она показала пальцем вверх и передразнила: — «Все в порядочке, все в порядке...» А это Каша, мой верный приятель Каша, храбрый человек Каша, Каша, — спаситель Кипариса, Каша — мятые уши... Его за уши подвешивали, а он хоть бы что! Посмотрите, Сережа, на Кашу, брови-то у него какие странные — домиком! Я и не замечала раньше!.. — И она расхохоталась.

В эту минуту он ее просто ненавидел. Кривляка, пижонка, дрянь... А он стоит, как дурак, и роет землю большим пальцем ноги...

Выручил летчик, спросил:

— Как зовут?

Отрезал, не глядя:

— Павел.

— Ну, давай знакомиться.

Мальчик ощутил свою руку в широкой, твердой ладони, попытался ответить на пожатие как следует, но при этом так явно напрягся, что летчик не удержался от смеха. Про Лелю и говорить нечего. Мальчик дернул плечом и отвернулся.

— Паша! Дед проснется — скажи: я на Долгое озеро уехала. Слышишь?

— Слышу, — ответил как можно небрежнее и добавил нарочно: — Не спросишься — попадет.

— Что-о? — И пошла, потянув за собой летчика.

Мальчик проводил их глазами и повернулся к окну: пионы стояли на подоконнике в большой стеклянной банке и заслоняли пол-окна. Он вздохнул — у него была тайна, а что толку с нее. И тут же подумал с откровенной горечью: ей даже и в голову не придет, что он, Паша, мог принести цветы. Никогда не придет!

Мальчик вытаскивал из колодца бидон с молоком и слушал разговор у крыльца.

— Мой в сорок третьем погиб, — тихо говорила бабушка, — здесь, под Ленинградом. И подробностей никаких. Вам-то сколько?

— Мне? Семьдесят вроде, — отозвался Лелин дед.

— Значит, мы одногодки с вами. А моему было бы сейчас... шестьдесят семь годочков. Он помладше меня был.

— Три года — это пустяк, — сказал Лелин дед.

— Конечно, пустяк, — подтвердила бабушка.

А мальчик подумал: «А у нас какая разница? Пять? Или шесть лет? Разве это пустяк?..»

Мальчик не знал еще, что одно и то же соотношение возрастов воспринимается людьми поразному — в детстве, отрочестве, юности, зрелости, старости. Разница одна и та же, а оценка ее, отношение к ней совершенно неодинаковые.

Мальчик охватил ладонями холодный бидон. Хотелось прижаться к нему щекой.

— А моя старуха младше меня на семь лет была, и вот... — Дед вздохнул.

— Царство ей небесное, — сказала бабушка.

«А Сергей? — подумал мальчик. — Насколько он старше ее? На семь? На восемь? Нет, это не пустяк...»

Мальчик открыл бидон и, зажмурив глаза, стал пить большими глотками ледяное молоко. Оно прекрасно утоляло жажду. А кроме того, обладало еще одним удивительным свойством: с каждым глотком дурные мысли исчезали, уступая место хорошим.

Они сидели на скамейке друг против друга верхом — он добродушный, мягкий, широкий, весь такой спокойный и домашний в распахнутой на груди ковбойке, в синих спортивных брюках. Ничто в нем не напоминало о его профессии, о небе, о самолетах — словом, о том, что в представлении мальчика неразрывно было связано с серыми, стального оттенка глазами, крутым подбородком, строгим профилем... А тут что-то круглое, розовое, и это: «Все в порядочке... В порядке... Грей щи...»

Леля крутилась напротив него на скамейке, порывалась встать, вела себя неспокойно и дерзко. Мальчик, сидевший на траве рядом с ними, переводил взгляд с одного на другого и испытывал странные, противоречивые чувства. Несмотря на свою простоватость, этот Сергей ему нравился. В нем была спокойная уверенность и щедрое добродушие, которым так часто отличаются сильные люди. Мальчика тянуло подойти, сунуться головой ему под руку, почувствовать тяжесть его ладони на своем плече, бежать куда-то по поручению этого человека...

Но сначала пусть они поссорятся. Да, пусть поссорятся. Он мечтал об этом. Он ждал очередной Лелиной насмешки, колкости, шутки, и подзадоривал ее про себя, и высматривал на лице Сергея следы обиды, и злился, что тот непробиваем: благодушная улыбка не сходила с его лица.

— Сережа, — говорила она, — почему вы такой сонный?

Он добродушно пожимал плечами.

— Больше не поеду на вашем мотоцикле.

— Почему?

— А заснете за рулем, и врежемся.

— Честное слово, не засну! — уверял Сергей.

— Ну вот, все понял буквально. Скучища с вами. Вы совершенно лишены чувства юмора.

Сергей улыбался широко и застенчиво, и на лице его можно было прочесть примерно следующее: «Я ж не виноват. Какой есть, такой есть. Не притворяюсь». И еще во всем его облике было терпение взрослого по отношению к ребенку, который возится, лезет на руки, мешает, шумит, а прогнать его нельзя: ребенок ведь! Прогонишь — заплачет. Надо терпеть.

— Сережа, вы зануда. Хоть бы возразили, поспорили...

— А зачем?

— Как зачем? Скучно! — Она взяла с земли острый камешек и провела поперек скамейки черту. — Вот граница. И не смейте ее переступать!

Сергей внимательно слушал ее, склонив голову и спокойно скрестив на груди большие руки.

— Ну, что вы за человек! Дисциплина ходячая.

Он, все так же улыбаясь, положил правую ладонь на скамейку, и мальчик поразился, какая эта ладонь широкая. Медленно двигалась она к запретной черте. Леля, озорно прищурясь, выставила навстречу худенькую загорелую руку.

Сергеева ладонь остановилась у черты, замерла.

— Ну!

Ладонь пересекла границу. Лелины пальцы выталкивали ее обратно, и та сначала сопротивлялась, а потом стала уступать — мальчик видел: Сергей нарочно уступал, как уступают ребенку в борьбе.

— Ах так, вы нарочно уступаете!

Она тряхнула головой, волосы осыпали лицо. Она с силой ударила кулаком по Сергеевой ладони. Мальчик даже вздрогнул. От нее всего можно ждать. Мальчик с сочувствием поглядел на Сергея.

— Слышите, не смейте уступать!

Сергей вздохнул и поглядел на мальчика, словно ища его поддержки. Тот опустил глаза. Тогда Сергей сказал: «Ну, ладно» — и прикрыл своей ладонью ее ладонь, так что той совсем не стало видно. Леля дернула руку. Сергей не отпускал. Она снова дернула. Ни в какую. Мальчик видел, как она прикусила губу, и с внезапно возникшей тревогой наблюдал эту безмолвную борьбу. Леля тянула руку, выворачивала ее, упиралась ногами в землю, пыталась освободиться внезапным рывком — Сергей не двигался. Он сидел, точно глыба, и, хитро прищурясь, смотрел на нее. «Ты этого хотела, — казалось, говорил его взгляд, — вот и получай...»

А мальчик, не отрываясь, следил за этой борьбой, и к чувству тревоги внезапно примешалось чувство неловкости.

Наконец она выдохнула:

— Пусти!

«Пусти», а не «пустите», — отметил про себя мальчик.

Сергей перестал улыбаться и поспешил освободить ее руку. Леля резко встала и, помахивая рукой, пошла к колодцу. Сергей поднялся следом.

— Простите, но вы сами...

Она молчала. Загремело ведро.

Мальчик смотрел на пустую зеленую скамейку с четкой белой линией посредине. Он представил себя на месте Сергея и, протянув руку, провел ею по шершавой поверхности скамейки. Задержал руку на тонкой пограничной линии,

Он положил цветы на Лелино окно и постоял несколько секунд, прислушиваясь.

представил себе, как сильно и резко вырывается из-под его руки ее рука, и подумал: «Что же делать? Отпускать? Или не отпускать?»

Он не мог ответить на этот вопрос.

По ночам мальчик внезапно просыпается и долго, неподвижно лежит на спине, слушая ночные поезда. Они идут часто, и кажется, что совсем близко, хотя до станции полчаса ходу. Ночью в тишине все расстояния сокращаются. Вот, тонко свистя и дробно постукивая по рельсам, мчится пассажирский, оставляя за собой длинный звуковой след. Вот, грузно оседая на рессорах и мелко-мелко пыхтя, идет с Ладоги груженный камнем товарняк. Иногда ритм его сбивается, и тогда земля грозно вздрагивает, и дом, в котором спит мальчик, тоже вздрагивает. Особенно же много шуму от порожняка, идущего из Ленинграда. Порожняк останавливается на станции, ждет встречного, и мальчик все не засыпает, все ждет: вот сейчас грохнет, звякнет, стукнутся друг о друга буфера цистерн, платформ — и пойдет перестук на всю округу!.. Стихнет — тогда и засыпать можно.

Слушая ночные поезда, мальчик воображает себя на каждом из них: то машинистом, то кочегаром, то пассажиром. Он переживает сейчас свои будущие странствия и видит их так ярко и отчетливо, словно у него уже была какая-то предыдущая, до отказа заполненная событиями жизнь. А теперь он ее лишь вспоминает. На самом деле он вспоминает будущее, как ни странно это звучит. Он живет будущим. Предвкушает его.

Особенно часто он видит себя в поезде дальнего следования — офицером-пограничником. Он едет к месту нового назначения, на дальнюю-предальнюю границу. Он видит себя загорелым, ладным, широкоплечим, сдержанным, насмешливым, снисходительным, веселым, удачливым... Слушание ночных поездов легко и незаметно переходит в сон, а оттуда — опять в явь.

В этих ночных полуснах-путешествиях обязательно участвует Леля. Собственно, все так подсознательно складывается, чтобы в какой-то момент, не раньше и не позже, она появилась. Особенно приятно представлять себе, как она садится в поезд на какой-то станции, и, конечно, именно в его вагон, и, конечно, в его купе. Садится напротив и не узнает. (А он-то ее сразу узнал!) Проводница приносит чай в больших гладких стаканах, прямоугольные пакетики «цукор», сухари... Они пьют чай, рассеянно и бегло поглядывая друг на друга, как случайные попутчики. А потом он внезапно говорит: «Здравствуйте, Леля...» Она вспыхивает: «Откуда вы меня знаете? Кто вы?» Он называет кой-какие подробности того далекого знойного лета, но так, чтоб она не сразу догадалась. Надо помучить ее как следует. Это ведь так забавно — сказать: «Я вас знаю, а вы — меня?» — и глядеть, как человек ломает голову и густо краснеет, потому что стыдно ведь — тебя помнят, а ты — нет...

И вот он видит, как она улыбается жалко, растерянно, и защитная маска равнодушия, которую обычно люди надевают на себя среди посторонних, вдруг падает, и он видит ее обезоруженное лицо. И тогда он, такой красивый, такой недоступный, весь в скрипучих ремнях портупеи, с гладко выбритым лицом и, может быть, с пробивающейся на висках сединой, — но седина... это не обязательно, — он, мягко улыбнувшись, говорит: «Ну, так я Паша». И в глазах ее — а он будет в упор смотреть на нее, — в глазах ее отразится удивление, и восторг, и горечь, и боль о далеком знойном лете, которого никогда не вернешь...

Дальше ему неинтересно воображать. Главная, важнейшая — вот эта минута: «Я Паша...» «Неужели Паша?..»

— Леля, — говорит он тихо, — Леля...

Она улыбается, склонив голову, и ждет, не задавая глупых и насмешливых вопросов, как это было бы в жизни. Здесь, в его воображении, она все понимает, все! Она понимает, как ему нравится произносить ее имя.

— Ле-ля! Ле-ля!

— Да.

— Хочешь посмотреть ласточкино гнездо, Ле-ля?

— Хочу.

— А раков ловить пойдем? Я место знаю. Ле-ля!

— Пойдем, — кивает она.

— А костер будем жечь?

— Будем.

— А картошку печь? Ле-ля!

— Да, — кивает она, — конечно...

— И ты не будешь больше звать меня Каша?

— Не буду, ни за что!

— Только со мной будешь дружить? Ле-ля...

— Только с тобой!

. . . .

Мальчик лежит в высокой траве за спортивной площадкой и прислушивается к ее шуму. Он любит находить в этом шуме Лелин голос, вытаскивать его, словно ниточку, из запутанного клубка, где чего только нет: смех, крики, свист, велосипедные звонки, стук пинг-понга, глухой удар по большому резиновому мячу, звонкая встреча ракетки и волана...

Мальчик вытягивает ее голос из клубка, и подносит к уху, и вслушивается, хотя слов не разобрать. Потом вдруг ниточка пропадает, голос исчезает в общем шуме, и мальчик начинает гадать: «Ушла? Домой позвали? Или Сергей приехал...» Однако мотоцикла не слышно...

Мальчик еще раз с напряжением вслушивается и, по-прежнему не находя ее голоса, вскакивает и бежит. Лавируя между деревьями, он

выбегает на тропинку и в разноцветной толпе сразу находит ее — в синих джинсах, в тельняшке с закатанными рукавами, она играет в бадминтон с какой-то незнакомой девчонкой в белой футболке. И с первого взгляда видно, что эта беленькая играет в сто раз лучше, свободнее, легче. Она выигрывает с большим перевесом. Любо-дорого посмотреть, как она финтит, как режет. Леля нервничает, мажет из отличных позиций, она даже кричит на судью. А какой уважающий себя человек будет кричать на судью?.. Мальчику и жаль ее и стыдно за нее — так стыдно! Человек, который дорог тебе, на твоих глазах поступает некрасиво, и такое чувство, словно и твоя вина здесь...

Ну, вот и проиграла. «Еще будешь?» — спрашивает беленькая. «Нет, ногу ушибла...» И уходит в сторону, потирая ногу, а мальчик понимает, что это хитрость и скорей всего не ушибла она ногу, а просто так легче перенести свое поражение. И он улыбается своей догадке...

— Чего улыбаешься, Каша? — говорит она тихо. — Рад, что проиграла?

Как ты могла такое подумать? Как тебе в голову пришло? Да если б ты знала!.. Но разве такое скажешь вслух?.. И он говорит первое, что в голову приходит, лишь бы не молчать:

— Гляди, я шишку могу съесть...

И тут же, на ее глазах, подымает с земли зеленую сосновую шишку, надкусывает ее и начинает жевать...

Она нетерпеливо машет рукой. Хочет пройти мимо. Тогда он говорит:

— Я и кору могу...

Отламывает с ближайшей сосны кусок красновато-коричневой коры — и в рот.

— Каша, ты что, очумел? — Она смотрит на него с досадой.

Он видит, что привлек всеобщее внимание, что на него смотрят с любопытством и отступать ему некуда, и хотя уже стянуло рот и в горле першит, он срывает с кустика листья и с хорошо разыгранным удовольствием начинает их поедать. «Каша с ума сошел!» — кричит кто-то, а мальчик для пущей потехи корчит из себя шута, кривляется, бегает на четвереньках, рвет губами какие-то цветочки... Все кругом хохочут. Кроме нее. И это ужасно. Ведь ему только одного и надо — чтобы она засмеялась. Нет, не смеется, смотрит на него брезгливо и говорит:

— Ты просто дурак. Иди выплюни. — И тут же оборачивается, потому что на всю площадку раздается треск мотоцикла.

Сергей, шагающий от дороги, наверно, видит их лица: ее — светлое, протянутое к нему, как ладонь, и его — жалкое, багровое, с зелеными губами.

А может быть, Сергей и не успевает этого разглядеть, потому что мальчик тут же срывается с места, и бежит — через парк, напролом, к ручью, — там долго сидит, и плюется, и подбирает губами быструю золотистую воду.

*

Они шли впереди него шагах в двадцати, и на вечерней дороге, в свете редких фонарей, их фигуры были слабо различимы. Однако в иных случаях зрение и слух становятся необычайно острыми.

Он видел, как они шли, держась за руки, близко друг к другу. Или вдруг расходились на расстояние вытянутых рук и перегораживали всю дорогу. Он видел, как Леля кружится на месте, тихо смеясь, а Сергей стоит рядом и ждет.

Мальчик хоронился в глубокой тени высоких елей, что росли по обе стороны дороги. Эта дорога выбегала из поселка и широкой дугой опоясывала покатую гору, на склоне которой дымил бетонный завод. Где-то на исходе этой дуги, там, где асфальт готов был повстречаться с гравием, дорога замыкала в петлю старое, заброшенное кладбище.

Здесь, у завалившейся кладбищенской изгороди, они и остановились. Мальчик подкрался ближе и замер под широким навесом ели.

— Сережа, — сказала она, — ты боишься кладбища?

Неожиданное «ты» кольнуло мальчика.

— А чего его бояться? — Голос звучал снисходительно.

— Как чего? Это ведь кладбище! Я боюсь, — созналась она, — а ты, значит, не боишься...

— Не-а...

— Ну, тогда... — Мальчик почувствовал в ее голосе какой-то подвох и подумал, что вот так она к нему подплывала спокойно, даже безразлично, а потом вдруг как нырнет!.. — Ну, тогда, Сережа, докажи свою храбрость. Пройдешь через кладбище? Я буду ждать на той стороне. Если пройдешь, я тебя на-гра-жу...

Когда мальчик услышал это «на-гра-жу», он сжался весь. Сергей засмеялся: «Идет!» И шагнул через поваленную изгородь.

Кладбище было небольшое — старый сельский погост, на котором давно не хоронили. Леля стояла под одиноким тусклым фонарем и прислушивалась. Видно было, что ей зябко и страшновато одной. Наконец она не выдержала: «Сережа!» С кладбища донесся тихий свист. Потом слышно стало, как кусты трещат... С земли подымался сырой травяной запах.

— Эй! — раздался голос Сергея. — Где ты?

— Я здесь! Сюда! — радостно закричала Леля, стала махать руками, петь... От чернильной темноты кладбища неожиданно отделилась человеческая фигура, затрещали сухие доски. «А, черт!» — И Сергей перепрыгнул через канаву.

— Ну, вот и я...

— Сережа! — Она подошла к нему, положила руки на плечи, поднялась на цыпочки и громко поцеловала.

Мальчик крепко зажмурил глаза, заткнул пальцами уши. Сколько времени он так сидел: минуту, пять, десять?.. Ему казалось, что глаза закрыты неплотно, он жмурил их еще сильней, изо всех сил жмурил, и в ушах его при

этом раздавался протяжный гул... «Ну, все, хватит»,— наконец сказал он себе, сосчитал до трех, открыл глаза, освободил уши...

Вокруг стояла тишина.

...Он уже давно об этом подумал, а теперь, когда остался один, подумал снова — отчетливо и беспощадно: «Смогу?» И понял, что от этого вопроса ему никуда не спрятаться. Даже если повернется сейчас и уйдет. Даже если он будет слушать свой страх, этот хитрый страх, который говорит: «А кому это надо? А зачем?.. Ведь никто же тебя не увидит, ни одна душа!..» Но другой голос, настойчивый, требовательный, твердил свое: «Надо! Надо!»

Он набрал полную грудь воздуха, словно нырять собрался, и, выбравшись из канавы, нащупал руками изгородь. Она подалась и затрещала. Замер. Снова тихо. Еще шаг — и будет легче.

Он ступил вперед. Отдышался. Стал привыкать к темноте. Разглядел мохнатый крест в двух шагах от себя. Почувствовал липкий страх в ногах, в животе, необоримое желание вернуться на дорогу... И тогда он сильно укусил палец. Резкая боль отвлекла его. Он шагнул еще и взялся за крест. Под его рукой перекладина стала оседать и упала. Он судорожно отдернул руку. Тошнотворная слабость охватила тело. Он опять стал кусать палец и твердил про себя: «А вот пройду! Пройду!..» И, протягивая руки вперед, точно слепой, двигался в глубь кладбища. На мгновение обернулся: фонарь желтым пятном маячил позади. Он ускорил шаг. Пока фонарь за спиной, не страшно. Он заторопился, заспешил, нащупывая руками железные изгороди, стволы деревьев, кусты, обходя их и снова натыкаясь — на те же самые или на другие, неизвестно. Оглянулся снова. Фонарь пропал за деревьями. Неожиданно что-то зашелестело листьями перед его лицом и с шумом поднялось в воздух. Он хотел закричать, но не смог — язык прилип к гортани. Потом различил хлопанье крыльев и понял, что разбудил какую-то птицу. Бросился вперед — упал, ударился о камень. Вскочил, оглянулся — непроглядная темень. «Дурак, дурак, зачем полез, зачем!..» И почувствовал, как слезы подступают, щекочут. И вдруг увидел расплывчатый желтый круг и сразу понял, что это фонарь, и бросился к нему, не разбирая пути, падая, подымаясь и не чувствуя боли от ударов о камни...

Под фонарем он отдышался, потрогал рваную штанину на коленке — пальцы его стали липкими, сочилась кровь. А, ерунда! Зато он прошел, прошел, прошел! И, подняв голову к небу, по которому, точно сцепленные вагоны, бежали плотные облака, он закричал: «А-ааа!»

Наверно, так кричали первобытные охотники, когда им выпадало охотничье счастье: «А-аааа!»

И все, что тревожило и мучило эти дни, отступало, освобождало его. Широко размахивая руками, он побежал по дороге, глубоко дыша и улыбаясь. Он испытывал острое счастье оттого, что бежит, оттого, что ноги его упруги, а сам он смел и быстр.

Однажды в детстве я прочитал книгу...

В Библиотеке имени Ленина

Бабкен КАРАПЕТЯН

Почти благоговейно
С другими по утрам
Вхожу в библиотеку,
Как входят люди в храм.
Похожие на соты,
Все книгами полны,
Ряды высоких полок
Темнеют вдоль стены.
Несчетные страницы —
Бегущая река;
Тугие переплеты
Тверды, как берега.
И в дальнюю дорогу
Пускаюсь я опять —
Все заново увидеть,
Все заново понять.
Легко меня уносит
Могучая река
В забытые пределы,
В минувшие века.
Характеры и судьбы,
Черты оживших лиц
Видны мне сквозь теченье
Струящихся страниц.
Безвестные герои
В отчаянном бою
С врагами бьются насмерть
За родину свою.
Распахнутые дали
Встают передо мной,
Приветливые люди
Зовут к себе домой.
Лучистые созвездья
Таинственно горят;
Философы со мною
О мире говорят...
Дорога не из легких —
Я здорово устал.
Захлопываю книгу,
Оглядываю зал.
В глубокой, заповедной,
Нетронутой тиши —
Грузины, украинцы,
Киргизы, латыши.
Несхожих меж собою
Незримо в этот час
Прочитанные книги
Соединили нас...
Спасибо ж вам за мудрый,
За вечный свет добра,
За то, что я сегодня
Богаче, чем вчера,
За все, что приобрел я,
Придя в читальный зал,
За все, что я осмыслил,
За все, что я узнал!

Перевел с армянского Я. СЕРПИН.

ГОВОРИТ ЕВГЕНИЯ РУБЦОВА, журналист. Всю свою жизнь она пишет для вас, ребята, рассказывая об ученых, о науке, о тайнах природы, разгаданных и неразгаданных.

Почти сто лет живет книга. Много это или мало? Ведь книгам Шекспира уже пятьсот лет, «Витязю в тигровой шкуре» восемьсот, книгам Софокла и Эврипида больше двух тысяч. Но то книги поэтов и драматургов. А наша долгожительница — книга о науке. Книги о науке обычно старятся быстрее, чем стихи, трагедии, повести. Старятся потому, что наука движется вперед, рождая новые открытия, меняя представление о мире. Однако эта книга живет, не старея.

Полная бодрости и мудрой силы, она продолжает служить людям. Сегодня, как и девяносто лет назад, она открывает им дверь в науку. Впрочем, вернее сказать, что она сама и есть дверь в науку.

Этой книге в полном соответствии с ее содержанием можно было бы придумать множество завлекательных названий. Ну, скажем, «Тайны зеленой фабрики», или «Рассказы о зеленом друге», или «Чудеса хлорофилловых зернышек», или «Похищенное Солнце», или... **Но книга называется просто, даже буднично: «Жизнь растения». Так почему же ее читают с интересом поколение за поколением вот уже скоро сто лет?**

Потому что большой, талантливый ученый рассказывает в ней не только о растениях, которые изучает, но и о самой своей науке, о поисках и экспериментах, о том, как делались открытия.

Читая, узнаешь о неисчислимых полчищах крохотных химиков, которые трудятся в зеленых пластинках листьев, в тонких травинках, в нитях водорослей. Узнаешь, как они век за веком, вот уже миллиарды лет ловят и консервируют энергию Солнца, как они делают Землю живой. Узнаешь о том, как автор книги, профессор ботаники Тимирязев заглянул в глубь таких знакомых с виду листочков глазами физика, вооружившись точным физическим прибором—спектроскопом, помогающим разгадывать даже тайны далеких звезд. И как он в микроскопически малых хлорофилловых зернышках распознал другой физический прибор — линзу, концентрирующую солнечный свет. И какая связь между этими крохотными зелеными линзочками и судьбами всего живого на планете.

Тимирязев в этой книге ничего не предлагает брать на веру. С великим уважением и любовью к читателю он отчитывается перед ним за свою науку, за ее открытия.

С какой яростной точностью, словно фехтовальщик в поединке, он на глазах читателя ведет бой с противниками дарвинизма и с другими представителями реакционной науки!

А как он рассказывает о жизни растений! Перед читателем предстают все величайшие законы природы, начиная от законов сохранения вещества и сохранения энергии и кончая законом развития жизни на Земле, законами движения и изменения всего живого.

Книга, ведущая в глубину просяного зернышка и в еще более загадочную глубину живой клетки; книга, через зеленое растение ведущая в неоглядную ширь земной природы и в кипучий муравейник человеческого общества.

Вот что такое **«Жизнь растения» Климентия Аркадьевича Тимирязева. Откройте строгую, обшитую зеленым дверь-обложку, и вы не пожалеете, прочитав и другие книги, о которых рассказывается в этом номере. Они тоже написаны большими учеными: историком, геологом, натуралистом, бактериологом, астрономом.**

Прочитанные однажды, эти книги на всю жизнь остаются с человеком.

РАССКАЗЫВАЕТ ИГОРЬ СОСНОВСКИЙ, заслуженный деятель культуры, в школьные годы — один из юных биологов Московского зоопарка, а теперь вот уже более двадцати лет его бессменный директор.

Когда я был мальчишкой, дома у меня постоянно жили птицы, рыбы и другие животные, я собирал коллекции, мастерил клетки, аквариумы. **И книга А. Брэма «Жизнь животных», эта энциклопедия животного мира, стала для меня первым источником знаний.**

Труды замечательного натуралиста продолжают служить мне и сейчас, когда я знакомлюсь с тем или иным зверем, птицей, рыбой, жучком, с которым не приходилось встречаться раньше.

В Берлинском зоопарке несколько лет назад построено огромное сооружение, которое называется «Альфред Брэм хауз», что означает «Дом Брэма».

В Доме Брэма в условиях, приближенных к естественным, живут самые разнообразные животные. Они как бы служат живыми иллюстрациями к трудам зоолога, который всю свою жизнь посвятил изучению диких животных.

Первое издание сочинений А. Брэма появилось более ста лет назад. Но и до сих пор мы постоянно обращаемся за советами к его трудам.

И вы, дорогие ребята, познакомьтесь с книгами А. Брэма. **Они, несомненно, многому вас научат, а для натуралиста всю жизнь будут книгами, которые именуются настольными.**

Кто там на правом фланге?

В. МАТВЕЕВ

— Мы, отряд имени Пятраса Цвирки!

— Почему вам такая честь?

Отряд правофланговый. Первый в дружине. Единственный пока. Значит, самый лучший? В чем лучший? Почему именно этот? Интересно, какие там ребята? Вдруг одни честолюбцы? Любители первых мест, искатели почетных званий? Нет, не может быть!..

— Кто начнет рассказ?

ВИДА АМБРАСАЙТЕ (вожатая). Всего два года назад ребята даже не знали друг друга, а если встречались случайно на улице, то проходили мимо — совсем друг другу незнакомые люди.

— Почему?

ВЕРА ТАРАНЕНКО (вожатая). Просто отряд родился 1 сентября 1969 года — всего два года назад, — а этой весной, тридцатого марта, в день открытия XXIV съезда партии, уже получил звание правофлангового!

— С чего же все началось?

Как все начиналось

Рассказывает Гядиминас Синкявичюс

Папа остался летом в городе, а мы — мама, сестренка и я — жили на хуторе у бабушки.

Однажды возвращаемся мы с бабушкиной собакой Мурзой из леса (куда бы я ни пошел, Мурза всегда за мной, ей без меня тоже скучно было) и вдруг узнаем, что мы получили новую квартиру.

Тут, конечно, все очень обрадовались, и каждый много дней старался угадать, какая она, наша квартира, и как в ней все устроено. Даже ссориться с сестрой мы почти перестали.

Мама скоро уехала в город переезжать, а потом, уже в августе, и я за ней — надо было переводиться из старой школы в новую.

Она была совершенно новенькая, прямо сверкающая какая-то. Я таких школ раньше не видел: окна во всю стену!

Все ребята, что два года назад начали учиться в пятом классе «А», как, впрочем, и во всех других классах этой новой школы, переехали из плохих, неудобных квартир в новые. Папы и мамы этих ребят работают на заводах и фабриках города Вильнюса. Сначала в классе ребят было немного — всего двенадцать мальчиков и девочек.

— Как двенадцать незнакомцев стали дюжиной дружных?

ГЯДИМИНАС. Ну, сначала нам немножко помогли старшие. В конце августа мы уже собирались все вместе и готовили концерт к 1 сентября и, конечно, все перезнакомились. В перерывах сидим, бывало, разговариваем, а один мальчик все в сторонке. Не знаю почему, но мне сразу захотелось с ним дружить. Первого сентября он пришел в класс и сначала растерялся: куда сесть? Я говорю: «Садись со мной!» С той поры мы с Римасом и дружим. Мне кажется, тогда многие выбрали себе друзей.

ВИДА (вожатая). В первые дни вообще в отряде очень часто, почти каждый день, устраивались то спортивные игры, то литературные конкурсы, то турниры остроумных, то смотры умелых — такие дела, которые помогли ребятам увидеть, узнать, оценить своих будущих друзей.

— И когда пришли выборы, все уже знали, кого выбрать в командиры?

ВИДА. Конечно!

ГЯДАС. И все очень быстро привыкли держаться вместе.

Это важно для всякого отряда, а уж тем более для только что родившегося: поскорее научиться держаться вместе. «Держаться вместе!» стало с тех пор лозунгом, девизом, правилом отряда.

— А что, если в отряд приходит новичок?

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Что такое новичок

Рассказывает
Кястутис Версоцкас

Один мальчишка пришел в класс, когда отряду был уже год,— в ноябре семидесятого. Он как-то сразу почувствовал: тут все вместе, а он один. Он новенький, и все ему чужие. А там, в той школе, где он еще позавчера учился, там были свои, знакомые-презнакомые ребята, и все его знали, и ему всегда было хорошо.

Он сидел в новом классе, смотрел, слушал, и никто кругом не догадывался, что его здесь нет, что он там, со своими старыми друзьями, он видит тот класс и ту дорогу от дома к школе, и тот свой двор, и все-все, что осталось **там...**

Как бы удивились его теперешние одноклассники, если б узнали, что каждый день после уроков мальчик садился в трамвай и ехал... в школу.

Он снова приходил в класс, в свой прежний (класс учился во вторую смену), садился за свою парту, рядом с самым лучшим своим другом Альвидосом и просиживал два или три урока. А потом снова через весь город ехал домой делать уроки.

Он думал, что так будет продолжаться долго, весь год, но оказалось, что в новом классе не такие уж плохие ребята. На переменке кто-нибудь обязательно скажет ему:

— Пошли с нами в футбол!

— Меня зовут Витас, а вот его — Гядка, мы с тобой будем одна команда.

— Ты не думай, у нас ребята что надо!

Или еще что-нибудь такое скажут, отчего сразу перестают быть чужими, а становятся знакомыми, симпатичными парнями.

Конечно, со старыми друзьями мальчишка не раздружился, с Альвидосом, например, они как дружили с первого класса, так и сейчас дружат, но и здесь, в этом классе, в этом отряде, у него все ребята — друзья.

Кястутис Версоцкас (как выяснилось, это он о себе рассказывал) не знал тогда, что отряд, в который он попал, уже имел какие-то жизненные правила. И одно из них гласило: «Новичку у нас должно быть хорошо, потому что каждый знает, как новичку трудно».

А новичков в новом отряде было много. Строились рядом со школой новые дома, приезжали новые ребята. Когда еще только собралось, тридцать семь человек — полный состав отряда имени Пятраса Цвирки!

И многим новичкам уже сам Кястутис говорил в первый день:

— Меня зовут Кястутис, хочешь, я тебе о всех ребятах наших расскажу? У нас ребята отличные, тебе просто повезло, что ты попал к нам.

А девочки — те вообще встречали новых подружек у канцелярии, и тут же знакомились, и вели новенькую девочку в класс всей гурьбой.

...Если читатель здесь на минуточку остановится и подумает, он согласится: трудновато бывает иной раз даже дружным, хорошим ребятам преодолеть холодок неприязни, который окружает в классе новичка. И если в отряде все умеют быть чуткими друг к другу, это славный, по-настоящему хороший отряд.

— А почему у вас в отрядном альбоме нарисован ручей?

Пока бежит ручей

Рассказывает
Ниёля Валайтите
(председатель совета отряда)

Пока ручей бежит, он чист и весел, вот и у отряда не должно быть и дня без дела! Это как будто бы и просто, а на самом деле хоть и трудно, но здорово.

— Куда вы сегодня? — спрашивают нас.

— Поучимся ходить строем под горн.

— Куда это вы опять?

— Едем в Каунас, в Одиннадцатый форт.

— Что это у вас будет?

— Сбор «Литовские писатели на войне».

— А сегодня что?

— Трудовой десант.

Если у одного отряда событие, а у другого за то же время десять, то понятно, что у одних ребят жизнь, а у других что?

А потом: сегодня Лопетайте достала всем билеты в кино, и все ей благодарны. Наши мальчишки вызвали на встречу по баскетболу седьмой класс и пусть проиграли, но мы все равно в них верим, и они это знают. В походе у нас промок весь сахар, чай пили несладкий совсем, но всем было весело, и это чаевание под дождем у костра, который даже ливень не смог погасить, все будут долго-долго помнить.

Каждое дело нас всех еще больше соединяет.

Про успехи ребят из отряда Пятраса Цвирки на Марше знает вся дружина. Отряд уверенно продвигается по всем семи маршрутам.

Учится без двоек.

Отлично шефствует над октябрятами.

Активнее других участвует в операции «Чукотка».

Ведет переписку с друзьями из Москвы и с Украины.

Участвует, и почти всегда успешно, во всех спортивных соревнованиях дружины.

А уж что касается строя — его четкости и красоты, тут уж с правофланговым отрядом никто не может сравниться. Что ж, это, пожалуй, вполне естественно.

Ребята рассказывали, и все меньше и меньше оставалось сомнений. Нет, эти ребята, что стоят теперь на правом фланге дружины,— дружный отряд, легкий на подъем и в делах спорый. Нет сомнений. И все-таки захотелось задать ребятам еще несколько вопросов. Непростых вопросов. С закавыкой. Для раздумья, для размышления.

Вопросы для себя и для всех

— Выходит, вы лучше всех?

— Да,— согласились ребята,— выходит...

— Ну, а чем вы лучше ребят, скажем, из отряда шестого класса «Ц»?

Задумались.

КЯСТУТИС. Спортколлектив у нас лучше. И поведение хорошее.

ДАЛЯ. Учимся лучше.

НИЕЛЯ. Хорошая у нас работа с октябрятами. Потом у нас всегда чисто.

ГИНТАРАС. Потому что хорошо дружим.

ГЯДИМИНАС. На Марше идем хорошо.

— Значит, шестой «Ц» — второсортный отряд?

Помолчали, подумали еще. Уловили в вопросе закавыку, но ответ нашли не сразу.

ГИНТАРАС. Почему? Мне кажется, отряд шестого «Б» лучше.

ГЯДАС. Там тоже ребята хорошие.

КЯСТУТИС. Мне кажется, все отряды в чем-то хорошие, а в чем-то не очень.

Кто-то промолчал, кто-то ответил уклончиво. Но все понимали: нет, не то, не то пока говорится, мысль, ясная мысль еще не родилась.

АЛДОНА ЛОПЕТАЙТЕ:

— Нет второсортных отрядов! Я даже думаю, что нет лучших и худших! Есть такие, где все чуть больше захотели, чуть теснее сошлись, чуть больше поработали и оказались впереди. Я думаю, что каждый отряд может стать таким же, как мы,— правофланговым. И чем их будет больше, тем лучше!

И все сразу обрадовались. Все разом почувствовали: Алдона сказала правильно! Все тоже так думали. И заговорили теперь все, вскакивая, перебивая друг друга.

И это были правильные слова и правильные мысли.

— Конечно же! Звание правофлангового не привилегия! Это просто признание дружины: «Вы сейчас впереди. На вас равняются остальные». И жизнь от этого не легче, а труднее.

НИЕЛЯ. И у правофлангового отряда есть с чем сражаться.

— А с чем вы пока еще не справились?

КТО-ТО. Если бы один мальчик отважился дружить с девочкой, то неизвестно,

как бы к этому отнеслись все ребята! Стали бы дразниться и завидовать.

НИЁЛЯ. Одни бы стали, а другие нет.

ГЯДИМИНАС. Мальчики не стали бы.

ГИНТАРАС. А девочки стали бы!

Все согласились, что дружбе мальчика и девочки, если она настоящая, отряд может помочь выстоять против насмешек, но получилось так, что каждый в себе был вполне уверен, а в некоторых других не очень...

НИЁЛЯ. Потом если бы нам удалось справиться с Арунасом... Он пришел в класс недавно, за три месяца до конца прошлого учебного года. Он старше всех на два года, а учится неважно. Вот у него-то двойки проскальзывают одна за другой, хотя все говорят, что он способный.

КЯСТУТИС. Все заметили, что способный. Географию на переменке раз прочитает, а ответит, если спросят, так на пятерку.

ДАЛЯ. Он просто ленится.

ГИНТАРАС. Он мне сказал, что не ленится, а отвлекается.

ГЯДАС. Я тоже с ним говорил — спрашивал, почему у него плохо с учебой, а он сказал мне, что в общем-то он хотел бы заниматься хорошо, но у него не получается.

КЯСТУТИС. Он сказал, что у него нет воли, вот в чем вся беда. Совсем нет. Знает, что безвольный, а поделать ничего с собой не может.

— А отряд не пробовал ему помочь?

ВСЕ. Кястутис с ним занимался.

Кястутис действительно начал было с Арунасом и еще с одним его приятелем заниматься. Договорились, что оба будут приходить к Кястутису домой. Ну, раз приятели пришли и даже тетради с собой захватили, другой пришли, потом два раза пропустили, потом еще раз пришли, и на этом все кончилось.

— Неужели Арунасу ничего уж не могло помочь? Как стоило бы действовать отряду?

На эти вопросы ребята не ответили. Честно признались:

— Не знаем.

— А скажите: списывают у вас в отряде?

Вопрос поверг ребят в полное смущение, но ответили на него прямо с завидной откровенностью.

— Да.

— И считают, что это хорошо? Плохо? Или что без списывания не обойтись?

НИЁЛЯ. Ну... может быть, иногда хорошо, если, списывая, разбираешься в задачке или начинаешь понимать правило...

ГЯДАС. Просто списать не годится!

ДАЛЯ. А как годится?

ГЯДАС. Иногда списать-то списал, а потом сел и все сам снова сделал.

ДАЛЯ. И просто и не просто, списывать — всегда плохо!

— А ты, Даля, сама?..

ДАЛЯ. Списываю...

Вот какая история... Гинтарас Климавичюс припомнил, что некоторые ребята в отряде, кажется, никогда не списывают. Вот Роже Миколайтите как будто не списывает. Но тут ради полной справедливости кто-то заметил, что видел раз, как она списывала алгебру, а другой — задание по русскому...

И тогда Ниёля Валайтите спросила.

НИЁЛЯ. А есть такие пионерские отряды, где никто никогда не списывает? Хорошо бы узнать, как они этого добились.

Договорились: зададим вопрос Ниёли в журнале. Потому что споры тотчас разгорелись большие; одни с жаром убеждали: «Есть!» Другие отрицали: «Нет!» Без сообщений наших читателей о своем отряде тут никак не обойтись.

И попросили ребята еще: если уж печатать в журнале весь наш разговор, то с предложением:

ПУСТЬ ЧИТАТЕЛИ «ПИОНЕРА»—ПИОНЕРЫ РАЗНЫХ ОТРЯДОВ, И ТЕХ, ЧТО СТАЛИ ПРАВОФЛАНГОВЫМИ НА МАРШЕ «ВСЕГДА ГОТОВ!», И ТЕХ, КТО ЕЩЕ ПОКА НЕТ, ПУСТЬ ТОЖЕ ПОДУМАЮТ:

Что делать, если отряд добился звания и скис?

Если другие отряды несправедливо обвиняют правофланговых в зазнайстве?

А если справедливо?

Если отряд и дружит, и трудится хорошо, и живет интересно, но с двумя-тремя ребятами, которые держатся особняком и в общих делах не участвуют, ну, никак не может справиться, что ему нужно посоветовать?

С таким предложением нельзя было не согласиться. И вот теперь «Пионер» ждет от вас, друзья-читатели, и писем с ответами и писем с вопросами.

Пожалуй, вопросы тут важны не менее, чем ответы!

Карен СИМОНЯН

ЛУГ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Мальчик пришел в ту часть звездолета, которая называлась лугом. На лугу никого не было, вокруг царила полутьма. Мальчик ступал с опаской. Он еще раз оглянулся, убедился, что он один, и осторожно шагнул на луг.

И сразу мальчик оказался среди зеленой травы, среди цветов, бессовестно ярких и крупных.

Вдруг ему показалось, что кто-то идет по коридору,— он поспешил сделать безразличное лицо и уселся на скамейку. Эту скамейку все на звездолете почему-то называли *деревянной*. Деревянная скамейка не была деревянной, мальчик знал это, хотя никогда в жизни не видел дерева, ни одного деревянного предмета. Искусственные материалы. Только искусственные материалы.

Мальчик знал, что луг любят все обитатели звездолета. Луг — единственное место, которое навевает людям воспоминания, бесконечные, как Вселенная, воспоминания о родной Земле. На луг приходили в минуты счастья и приходили в минуты горя.

Мальчик понимал, что, когда он вырастет и вырастут другие мальчики и девочки, им придется самим вести звездолет дальше. В специальном классе ребята учились каждый день, чтобы стать настоящими межзвездными путешественниками.

Полет во Вселенной продолжался уже очень долго, десятки лет. Об этом мальчику рассказывала бабушка. Он любил бабушкины рассказы и с нетерпением ждал, когда опять у бабушки будет свободный вечер и она расскажет сказку о Земле — комочке, катящемся где-то в далеком уголке Вселенной.

У бабушки было много сказок. Сказки о горах и широких равнинах, об огромных океанах и прозрачных озерах, о джунглях без края и о городах. А больше всего бабушка любила сказку о маленькой горной стране, которую считала своей родиной. Она часто произносила непонятные мальчику слова, они были странные, и от них дрожало в груди. «Земля и вода»,— говорила бабушка. «Вода» — это мальчик знал. Но «Земля»... Он никогда не видел ее, он и не мог ее видеть, потому что родился здесь, на звездолете. Это было девять лет назад. Даже родители мальчика не видели того, о чем любила рассказывать бабушка. А она рассказывала, устремив мечтательный, тоскующий взгляд куда-то далеко. «Ветер, дождь, снег, солнце». Было странно, очень странно и неспокойно. Мальчик знал смысл этих слов, но это были абстрактные понятия, как цифры. Вода была соединением кислорода и водорода. Ветер — движением воздуха. Солнце — рядовая звезда, каких много во Вселенной.

Для бабушки, как и для всех бабушек и дедушек на звездолете, эти слова имели особый смысл. Ведь старики родились в разных уголках Земли, под синим-синим небом. Мальчик не мог представить себе, какое оно, это синее-синее небо. Он не мог до конца понять, что есть другой мир, гораздо больше звездолета.

— Когда я была маленькой,— рассказывала бабушка, — такой, как ты сейчас, мы гурьбой уходили на луг.

— Такой, как наш? — спросил мальчик.

— Почти. Но он был очень большой. Мы уходили на луг и собирали синдзовую жевалку. Синдз, ты не знаешь,— это такая травка. Как трава на нашем лугу. Когда синдз выдергиваешь из земли, на корне бывают маленькие пузырьки, полные сока. Очень вкусно было жевать синдз.

— Ели? — спросил мальчик.

— Нет, только жевали.

— Долго?

— Часами,— ответила бабушка.

— Но почему?

— Просто так. Нам нравилось. Ложились на землю, глядели на облака и жевали. Жаль, что ты не видел облаков.

— Облако — это сгустившиеся пары, да, бабушка?

Она засмеялась.

— Облако — это облако. Какие там сгустившиеся пары!

— Бабушка, а почему здесь нет облаков?

— Невозможно,— вздохнула бабушка.— В звездолете не может быть облаков, они бывают только на небе Земли и еще на небе других миров, похожих на Землю.

— Скажи, почему вы улетели с Земли?

Бабушка молчала, думала. Потом сказала:
— Чтобы открыть еще один мир. Может быть, где-то, на другой планете, живут похожие на нас люди.
— Разве на Земле было мало людей? — удивился мальчик.
— Много.
— Тогда, может быть, Земля была плохим миром?
— Земля? Земля была самым лучшим миром. Не знаю, увижу ли я еще когда-нибудь такой прекрасный мир.
— Так почему же вы улетели с Земли?
— Почему? — Трудно было бабушке объяснить девятилетнему мальчику почему.— Знаешь, наверное, так устроен человек.
— Как? — не унимался мальчик. Он хотел понять бабушку.
— Человек любит все время искать новое, находить и снова искать что-то новое.
— А потом?
— А потом? А потом он начинает тосковать о том, что оставил на дорогах исканий.— Бабушка печально смотрела перед собой.
— Нет, бабушка, что потом вы делали на своем большом лугу? Только жевали?
— Потом... Мы еще собирали цветы.
— Как собирали цветы? Разве можно собирать цветы?
— Мы срывали их с кустов и делали охапку. Букет, понимаешь? Приносили цветы домой.
— Почему?
— Ставили в вазу,— монотонно говорила бабушка. Она, видно, забыла, что разговаривает с мальчиком, и просто вспоминала.— Эти цветы жили в комнате много дней. И в комнате жил запах луга.
— А это ничего, что вы рвали цветы? Ведь нельзя.
— На Земле было можно. Там цветов было много. На каждом шагу цветы. Сорвешь один, скоро вырастет новый. Земля ведь такая большая. На звездолете нельзя рвать цветы.
— Бабушка, а я увижу когда-нибудь Землю?
— Возможно, если это путешествие окончится удачей.
— Бабушка, ты, наверное, хотела бы, чтобы в твоей комнате сейчас появились цветы?
— Конечно,— дрожащим голосом ответила бабушка.— Но на нашем лугу цветы рвать нельзя, ты даже не думай об этом, мальчик.
— Почему нельзя?
— Потому что луг — единственное место, где люди чувствуют себя, как на родной планете. Это единственный лоскуток подлинной природы, который мы вывезли с Земли. Теперь подумай, что было бы, если бы мы рвали эти цветы. Сначала мы, потом твои родители. Тогда бы ты и твои ровесники никогда не увидели бы луга. Верно?

Мальчик кивнул.
— Вы должны этот луг передать своим детям и внукам. Тогда не погаснет огонь — они будут знать, откуда пришли и куда должны вернуться.
Мальчик сидел на скамейке, которая почему-то называлась деревянной скамейкой. Он ждал, когда затихнут шаги, он знал, зачем пришел сегодня на луг.
Стало тихо. Мальчик быстро встал и побежал по лугу. Нигде в звездолете не пахло так прекрасно, как на лугу. Этот запах опьянял сердце. Цветы были такие яркие, разные. У одних лепестки были маленькие, а листья большие. Другие росли на высоких стеблях и доставали мальчику до пояса. А были такие, которые едва выглядывали из травы.
Мальчик стал торопливо рвать самые большие и самые яркие цветы. Он не умел делать букетов, но это было неважно! Спрятав охапку цветов под куртку, он убежал с луга.
Бабушка дремала в кресле. Не открывая глаз, она спросила:
— Пришел?
Мальчик положил цветы ей на колени.
— Смотри, что я принес.
Бабушка посмотрела и сразу же закрыла лицо ладонями.
— Принес с луга,— признался мальчик.— Для тебя. Чтобы в твоей комнате пахло цветами, как на Земле.
Впервые за пятьдесят восемь лет с луга были сорваны цветы. Это было неслыханно. Бабушка должна была рассердиться, наказать мальчика. Нельзя было рвать цветы на звездолете. Но мальчик принес их для нее, он нарушил запрет ради нее. Бабушка погрузила лицо в охапку цветов.
И вдруг она уронила цветы на пол и долго сидела, разочарованно опустив руки.
— Уходи, уходи,— словно издалека услышал мальчик голос бабушки.
Обиженный мальчик попятился к двери. Он почувствовал, что комната наполняется неприятным запахом искусственных смол. Расстроенный, он зашагал по длинному пустому коридору. Ведь он хотел обрадовать бабушку.
Откуда было знать мальчику, что бабушка не прогнала бы его, если бы цветы были настоящие. Она рассердилась не потому, что он не послушался и нарвал букет, а потому, что он раскрыл тайну, которую она не хотела знать. Тайну луга. Эту тайну знали лишь несколько человек, построивших звездолет. Но они не полетели в космос, они остались на Земле. А здесь, на звездолете, ни один человек не знал, что и луг был ненастоящим. Искусственный луг, искусственные цветы. Прекрасные искусственные материалы.

Перевела с армянского Л. МАТВЕЕВА.

НАША НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

Когда твоя мама была девочкой, а папа мальчиком, они тоже читали «Пионер», и тогда уже редактором его была Наталья Владимировна Ильина.

— Это было так давно! — удивляемся мы.

— Это было так недавно! — смеется Наталья Владимировна.

Теперь, когда Наталья Владимировна подписала к печати восьмой номер и ушла на пенсию, мы все, сотрудники редакции, хотим рассказать тебе о Наталье Владимировне.

Мы делаем это втайне от нее. Если б она узнала, она бы здорово рассердилась.

Наталья Владимировна стала редактором «Пионера» 22 июня 1941 года. Сразу опустели редакционные комнаты: сотрудники-мужчины уехали в действующую армию, на фронт. Фашистские самолеты рвались к Москве. Но и в прифронтовой, голодной, затемненной Москве продолжал выходить пионерский журнал.

Наталья Владимировна вместе с единственным тогда сотрудником «Пионера» Валентиной Алексеевной Поддубной ночами дежурила на крыше дома «Правды», рыла окопы в пригородах и выпускала журнал.

А надо тебе сказать, это непростое дело.

Прежде чем ты увидишь и прочтешь что-то в номере, прежде чем ты скажешь: «Вот это да! Это мне нравится», — какая длительная, незаметная для твоих глаз идет работа. С авторами, рукописями, художниками.

Наталья Владимировна как-то сразу умела узнавать среди людей, приходивших в редакцию, талантливых, знающих, увлеченных и умела помочь им поделиться с ребятами своими знаниями и своей жизнью, потому что в ней самой живет неиссякаемое любопытство к миру, к людям.

А о самой Наталье Владимировне рассказать очень трудно. Но ведь ты ее тоже знаешь, только прежде об этом не задумывался: ее улыбку, ее потребность в справедливости, неуступчивую принципиальность и ее щедрость к людям. Ты знаешь это, если читал «Пионер».

Когда человек так долго и так много работает в журнале, они — журнал и редактор — становятся немного похожи. А Наталья Владимировна Ильина тридцать лет была главным редактором «Пионера».

Наша Наталья Владимировна награждена орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, другими правительственными наградами и наградами комсомола.

Редакция.

Недавно редакция «Пионера» приготовила специальный выпуск журнала. Его не печатали в типографии. Он был рукописный. Мы подарили его Наталье Владимировне. На этой странице мы поместили один из рисунков, сделанных для шуточного номера журнала. Ты, наверное, узнал руку художника Е. Медведева? А героев повестей тоже узнал? Все эти повести были напечатаны в «Пионере».

Андрей МАЛЫШЕВ из Улан-Удэ

Наступление вечера

Однажды вечером я наблюдал из окна за небом. Оно было хмурым, с темными облаками. Дальше к горизонту они становились розоватыми. Солнце почти скрылось за горизонтом. Только краешек еще торчал над лесом.

Над солнцем небо приняло вид радуги, которая потом расплылась по всему небу. Чем ближе сюда, тем небо темнее.

Вот солнце совсем скрылось.

Стало быстро темнеть.

Через короткое время на землю легли сумерки. В небе зажглись первые звездочки. И стало совсем темно.

Из-за крыши соседнего дома выплыла луна.

Все кругом озарилось бледноватым светом.

Так наступил вечер.

Игорь ЗДАНОВИЧ.
Он живет в г. Донецке, ему 11 лет.

Человек вечен

Чтобы было человечество вечно,
Оно должно быть человечно.

Если человек не будет вечен,
То кто же будет человечен?

Леопарды?
Нет!
Тигры?
Нет!
Гепарды?
Нет!
Но кто?
Человек!
Он будет существовать весь земной
век.

Ромас ЭНКУС, 12 лет.
Оборона крепости Пиленай, осажденной немецкими псами-рыцарями.

* * *

Лена ЕГОРОВА из Нальчика.
Она учится в 7-м классе.

...Я шла с базара и проходила через сквер. В нем было очень пусто, тихо и только одна скамейка сиротливо стояла под деревом.

Листья облетели,
Всюду белизна.
В этом старом сквере
Только я одна.
Тишина такая,
Что звенит в ушах,
Только редко-редко
Треснут ветки — «крах!».
Никого тут нету,
Всеми сквер забыт.
Но скамейка старая
Все еще стоит.

...Это стихотворение про нашего кота. У него было очень много имен: Кисин-Мисин, Басмач, просто Кисин, Чекис, Чертик и т. д. Однажды он пропал, ушел и не вернулся. Тогда я написала о нем стихотворение.

Был кот у нас,
Имен имел он много,
По-настоящему же
Звался он Басмач.
Был черный весь,
Как смоль,
И недотрога.
Чуть тронешь,
сразу в драку:
«Будешь знать!»

Светлана **АМАЛИНА.**
Город Усть-Каменогорск.

Черное озеро

Черное озеро летом.
Кувшинки лежат на воде,
Шепчет камыш,
Отражаясь,
В черном, прекрасном
стекле.

Черное озеро осенью.
Листья летят понемножку,
Челн рассекает листву
И оставляет дорожку.

Прекрасно Черное озеро!
Все отражается в нем,
И желтое солнце блестит
Зеленоватым огнем.

Эльвира **ГЕДГАУДАЙТЕ,** 12 лет.
На колхозной ферме.

Авторы этих двух рисунков учатся в Жаренской школе Тельшайского района Литовской ССР. Там все любят рисовать.

Толя **ФЕСЕНКО** из г. Липецка.

Солнце

Солнце зимою под стать светофору —
Светит холодным осколком стекла.
Это же солнце, но в летнюю пору —
Сколько в нем света и сколько тепла!

Фонари

Фонари на улице выстроились в ряд,
Словно собираются на ночной парад.
Диск луны небесной отражает снег,
И полет снежинок замедляет бег.

Оля **КОЛОСКОВА,** Москва.

*

Тихо дождик идет по полям, по лесам
И на речке танцует по прибрежным
кустам.

Две девчонки бегут с сенокоса домой.
Белоногий теленок кричит, как немой.

Звонко пляшет вода сотней тысячью ног,
И легонько бежит вслед за ней ветерок.

Красноватых лучей золотая дуга —
Над рекой коромыслом висит радуга.

И слезинки с сирени звонко падают вниз.
А земля будто просит: улыбнись,
улыбнись!

Светлана **РЫСАЕВА.**
13 лет, город Кирово-Чепецк.

Я ищу друга

«Я мальчик. Меня Вовкой зовут. Я очень хочу найти друга. Я буду с ним очень дружить и никогда не буду ссориться. Честное пионерское!»

Это объявление косо висело на обшарпанном столбе, и около него стояли люди.

— Подумаешь, Вовкой зовут... Нельзя так искать друга! — воскликнул тощий, очкастый парень в джинсах.

— Друга ищут всю жизнь и, может быть, не находят,— тихо проговорил печальный пожилой гражданин.

— Ему, наверно, очень плохо одному,— пожалела смуглая девушка.

Так говорили люди у столба, старого и обшарпанного.

...«Я мальчик. Меня Вовкой зовут. Я очень хочу найти друга...»

Вовка каждый вечер доставал из стола это объявление, читал его, шевеля губами, долго сидел молча, а потом... снова прятал в стол.

МАСТЕР из города МАСТЕРОВ

Эти игрушки я привезла из Самарканда вместе с двумя осколками изразцов — густо-синего и голубого. Я, конечно, догадываюсь, что мои изразцы сделаны не древними мастерами: я подобрала их во дворе мечети, которая реставрировалась. Но они напоминают мне о Самарканде, о мечетях и мавзолеях, стены которых выложены такими изразцами, и о мастерах, которые живут в этом прекрасном городе.

С одним из мастеров я даже познакомилась. Бродила по городу и вдруг увидела маленькую дверцу в длинной белой стене, а на дверце надпись: «Декоративная мастерская».

На улице стояла жара 33°, а в мастерской гудела печь для обжига под широким колпаком и вовсю заливалось радио. На гончарном круге голый по пояс человек формовал пиалу и пел. Другой мастер расписывал блюдо для плова величиной (как бы не соврать) с колесо телеги и тоже пел.

Узнав, что я из «Пионера», оба мастера закричали: «Так вы к Зарифу Мухтарову!» И тут я увидела стол в углу у окна, портфель, приваленный к ножке стола, и мальчика лет четырнадцати. Он сидел за столом и разминал пальцами глину.

Мальчик нагнулся и достал с нижней полки стеллажа картонную коробку из-под ботинок. В таких коробках обычно хранятся солдатики и другие мальчишеские сокровища. Мальчик вынул из коробки какие-то фигурки — и на столе встали живые, ну совершенно живые глиняные игрушки.

Теперь и вы тоже можете посмотреть работы Зарифа.

Невидимой ниточкой эти игрушки были связаны с далеким прошлым, с народной традицией, и в то же время не оставалось сомнений, что они сделаны сегодняшним мастером, и каждому из своих созданий он подарил душу, наделил характером.

В ослике Зарифа я тут же узнала не осла вообще, а одного своего знакомого ослика. Сколько мы встречали их во время поездок по Средней Азии, терпеливо ждущих под деревьями или прямо под палящим солнцем! С наклоненными мордами, с ушами, лопочущими в такт движению, бредут они по дорогам. Одного, показавшегося особенно забытым и одиноким, я дружески похлопала по шее — пыль поднялась в воздух, будто выбивали старый коврик.

Но тот ослик, про которого я вспомнила, — он не умел ждать. Он летел через улицу, грохоча тележкой: у него была такая же вскинутая голова, вытянутая шея, трубные ноздри. Это был Том Сойер среди ишаков. Казалось, он удрал с урока (в дополнение сходства в тележке перекатывался и прыгал ученический портфель) и летит, сам не зная куда. В его своеволии, в упрямом движении наперекор было что-то чуть-чуть глуповатое и невозможно привлекательное.

В мастерскую пришел отец Зарифа Абдурахим Мухтаров, и Зариф стал убирать игрушки в коробку. Оказывается, между отцом и сыном существует договор: Зариф прибегает в мастерскую прямо из школы, и отец на два часа уступает ему свой стол для работы. Вот уже три года каждый день он прибегает в мастерскую прямо из школы.

Абдурахим Мухтаров рассказал, что сын с детства любил рассматривать в книжках изображения животных. И когда он впервые лепил слона и верблюда, то видел их только на картинках, это потом уж в Самарканд приехал зоопарк. Еще Зариф любит читать, ну, и кино, как все мальчишки.

А другие мастера тоже стали рассказывать, как они с Зарифом поют во время работы, а еще он хорошо играет на дойре (это такой небольшой барабан).

А Зариф так ничего и не сказал. Только десять его пальцев неустанно мяли глину (вот пальцы его умели «разговаривать»!). И к концу нашей короткой встречи встал на ладони Зарифа верблюд. Такой гордый, такой высокомерный верблюд, с таким заносчивым выгибом шеи, что она почти свалила, смяла на сторону горб. И мастер подарил новорожденному верблюду звездочку или цветок, чтоб ему было чем гордиться перед своими собратьями. Ведь это был не противный, а только немножко смешной верблюд.

И тогда я поняла, чем так привлекательны игрушки Зарифа Мухтарова, мастера из Самарканда: он улыбается, когда лепит своих зверей, и эта улыбка заставляет улыбаться и нас.

И. АНДРЕЕВА

Однажды в детстве я прочитал книгу...

ВСПОМИНАЕТ ФЕДОР БУРЛАЦКИЙ, доктор философии — «науки наук», дающей путеводную нить и тем, кто изучает историю развития Вселенной, и тем, кто изучает историю человечества.

Как-то в поисках книг, которых я еще не читал, рылся я в школьной библиотеке, и тут **попалась мне на глаза объемистая книга о Наполеоне, написанная академиком Тарле.** Мне в ту пору было лет двенадцать или тринадцать, и до этого времени я не читал таких больших исторических книг. Брал я ее в руки с большим сомнением: взять или оставить на полке?.. Тут же в библиотеке я стал листать ее, и она захватила меня. Дома я тоже не мог оторваться от книги. **Она поразила меня своей необычностью. Научное исследование. Но как написано! Как образно, как интересно!**

Книга эта посвящена событиям и лицам, которые не могли не волновать: то была пора Великой французской революции, она выдвинула на сцену десятки крупных личностей, сильных, самоотверженных, смелых. Но главное в книге, конечно, судьба и личность Наполеона. Вы, вероятно, знаете, ребята, какую огромную роль сыграл Наполеон в истории Франции на рубеже XVIII — XIX веков, да и не только Франции.

Меня увлекли не военные сражения Наполеона. **Я увидел деятельность живых людей с их страстями, страхами, разочарованиями.** Государственные деятели стали после этого представляться мне не в виде статуй, возвышающихся на постаментах, а как люди, вполне понятные любому человеческому разумению, люди, наделенные большим или меньшим талантом, темпераментом, энергией.

Особенно запомнилась мне сцена, в которой рассказывалось о том, в какой обстановке Наполеон Бонапарт был провозглашен первым консулом. В книге описывалось, как сильно помятого, напуганного Наполеона удалось протащить на сцену через возмущенную толпу депутатов Национального Собрания и наспех, скороговоркой облечь новыми полномочиями.

Книга поразила меня, и я думаю, что именно тогда пробудился во мне интерес к политической истории, к философии.

Меня сейчас глубоко волнуют политические драмы прошлого, я уж не говорю о крупных современных политических событиях, событиях нашего времени, насыщенного острыми столкновениями и конфликтами.

РАССКАЗЫВАЕТ АЛЕКСАНДР ШМИДТ, кандидат геолого-минералогических наук. С юных лет влюбившийся в камни, он исходил с экспедициями и горы и полярную тундру, исследуя подземные богатства нашей земли.

Недавно я был у своего друга и на столе у его дочери Лены увидел стеклянную баночку с прозрачным раствором, а в нем на конце шелковинки висел маленький прозрачный кристалл.

— Ферсмана читаешь! — сразу догадался я.

Девочка утвердительно закивала головой (во рту у нее была новая шелковинка).

А мне вспомнились первые послевоенные годы, я учился тогда в шестом классе, **мне подарили книжку в малахитово-зеленом твердом переплете, на котором отблескивающими медью буквами было написано «Занимательная минералогия».** И вспомнилось, как я, не дочитав книгу и до середины, бросился, как и Лена, выращивать кристаллы. До того это было необыкновенно: камни растут! Неужели прямо дома можно их вырастить, такие красивые! И уже на следующее утро у меня в баночке появились первые кристаллы. А потом я научился выращивать целые гирлянды кристаллов, нанизанных на нитку, как бусы, крупные призмы зеленого и синего купороса и многое другое.

С того памятного времени жизнь моя невозвратно изменилась. И вот уже четверть века я «вожусь» с камнями. Побывал я и в Хибинской тундре, и в Забайкалье, и на Полярном Урале — и всюду находилось то, о чем уже написал Ферсман в своей замечательной книге, чего — не будь этой книги — я, может, и не увидел бы.

Вы открываете ее первую страницу и читаете: «...Я пытаюсь утверждать, что минералогия — наука очень занимательная, что мертвый камень живет своей собственной жизнью и что эта наука занимается такими важными и интересными вопросами, что ей, пожалуй, могут позавидовать даже науки о живых существах».

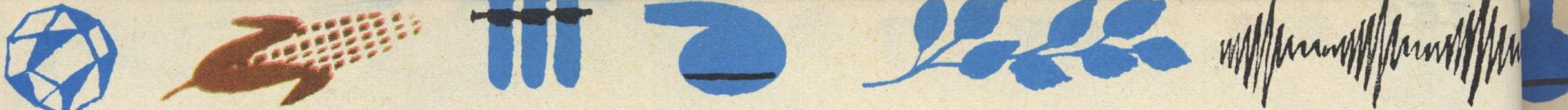
А когда закроете последнюю страницу, то, уверяю вас, убедитесь, что Александр Ферсман, крупнейший советский ученый, много писавший для ребят, имел право так сказать.

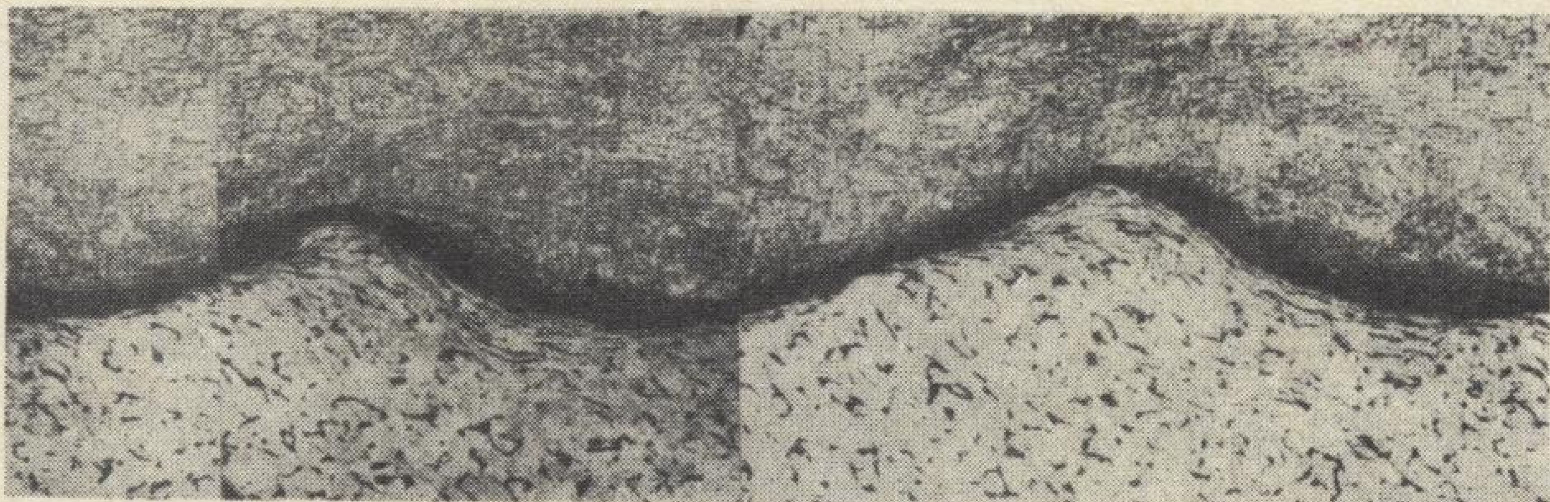
Книга увлечет вас в незнакомый мир камня и кристалла, вы узнаете таинства зарождения минералов и скоплений огромных масс руды, приобщитесь к «великим законам природы, по которым построена Вселенная».

Я знаю, после этой книги вы не сможете спокойно пройти даже по мостовой: в булыжниках вы начнете узнавать розовые граниты, зеленые диабазы, полосатые габбро, кварциты и другие породы! Я уже не говорю о том, что вы увидите в горах, на берегу моря или реки. Так или иначе, но ваша жизнь непременно изменится. Может быть, и навсегда вы привяжетесь к камню, станете петрографами или минералогами, съемщиками, поисковиками или разведчиками. А если вы любите точные науки — геофизиками или геохимиками: в геологии наук на всякий вкус найдется.

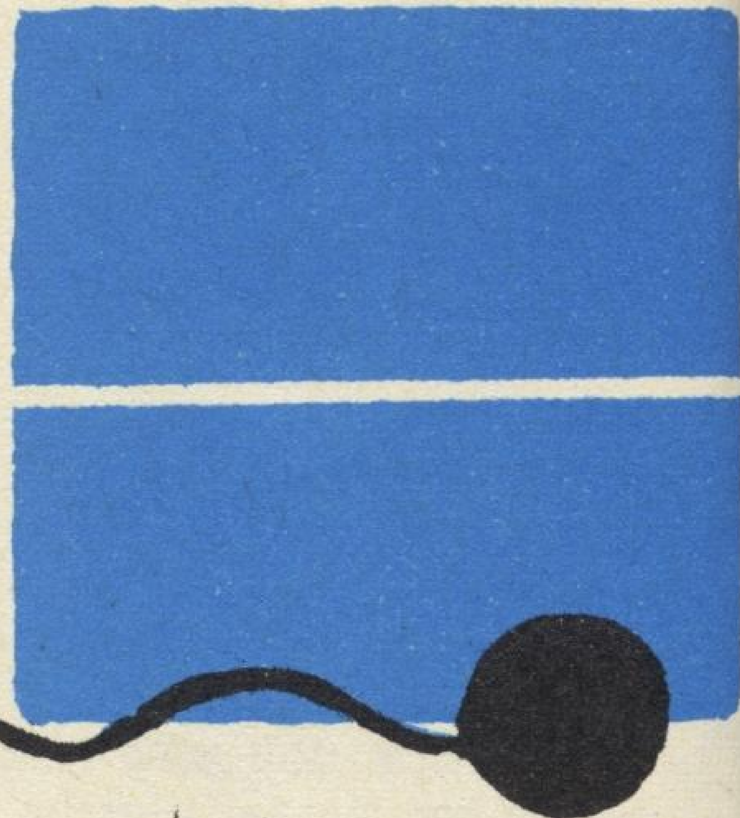
Один совет — для первого знакомства постарайтесь раздобыть книгу А. Е. Ферсмана, не пожалеете.

Шумная сварка

...Шел военный 1944 год. На одном из сибирских полигонов испытывали новую двухслойную броню для танков. По броне били прямой наводкой, а потом смотрели, как выдерживает она взрыв бронебойного снаряда. Защита для танков оказалась прочной. Во время испытаний известный советский ученый, ныне академик М. А. Лаврентьев заметил любопытное явление: оба слоя брони после взрыва намертво сваривались друг с другом. Так было впервые обнаружено новое свойство взрыва — сваривать металлы.

Прошло больше двадцати лет. Ученые и инженеры научились с помощью взрыва обрабатывать сложные детали, добывать полезные ископаемые, прокладывать туннели. А вот первые надежные сварные швы, созданные взрывной волной, были получены совсем недавно. Казалось бы, дело нехитрое—уложить металл на металл, сверху — кусок взрывчатки, отойти в безопасное место и включить взрыватель. Однако пришлось провести десятки тысяч опытов-взрывов, прежде чем удалось точно подобрать и мощность заряда, и размеры свариваемых пластин, и состав взрывчатого вещества. Зато теперь можно сваривать такие металлы, соединить которые друг с другом инженеры уже отчаялись. Например, сталь с серебром.

Инженеры говорят, что сварка взрывом — самый простой и самый дешевый способ сварки. Однако предупреждаем юных техников, не вздумайте ставить опыты со взрывчатыми веществами. Во-первых, без точного расчета металлы сварить все равно не удастся, и, во-вторых, это опасно.

Газ, как алмаз

Где это слыхано, чтобы газ был твердым? Между тем твердый газ существует, причем не искусственный, а природный.

Инженеры давно замечали, что газопроводы зимой иногда забиваются кристалликами льда. Стали этот лед исследовать и обнаружили, что в нем, помимо воды, есть еще природный газ. И вообще это был не лед, а сложное твердое соединение природного газа с водой — так называемый кристаллогидрат.

До поры до времени твердый газ был помехой. Но совсем недавно о нем заговорили иначе. Оказалось, что глубоко под землей есть огромные залежи твердого газа. В одной только нашей стране около 15 000 000 000 000 кубометров! И его можно добывать из-под земли. Конечно, не рыть шахты, а прямо в глубине разлагать на газ и воду.

Сравнение с алмазом, пожалуй, преувеличение. Но что газ твердый — это уж совершенно точно.

Знакомьтесь: ТЭП

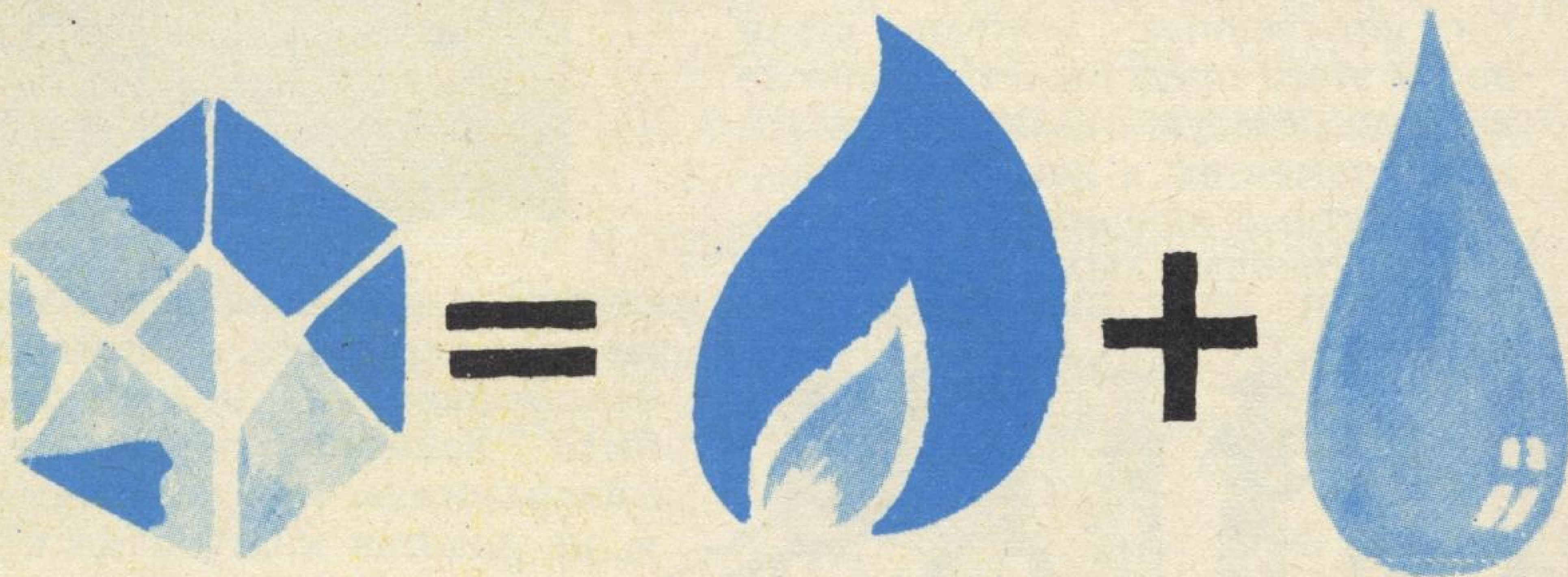
ТЭП — это термоэмиссионный преобразователь. Устройство с таким сложным названием работает в принципе просто. Два электрода: один горячий, другой—холодный. По законам физики между ними возникает электрический ток. Без сложных паровых котлов, турбин, генераторов тепло прямо превращается в электричество. Однако сделать ТЭП оказалось очень сложно. Годами бились ученые и конструкторы во многих странах мира, и вот теперь эта задача решена, и решена успешно: мощность испытанной в нашей стране установки достигает нескольких киловатт.

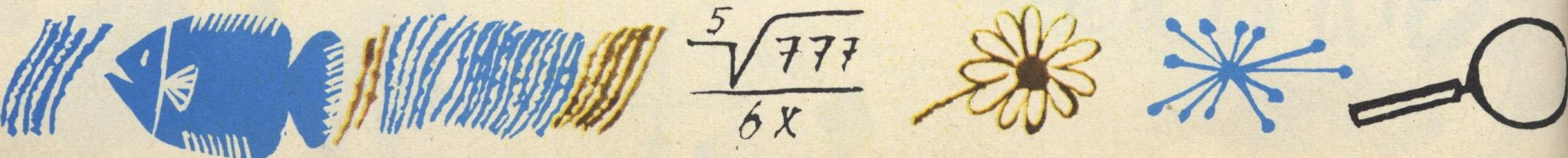
Мы уже говорили, что один из электродов в ТЭП должен быть горячим. Так вот, в советской атомной установке его нагревают с помощью тепла, которое выделяется при распаде ядерного горючего.

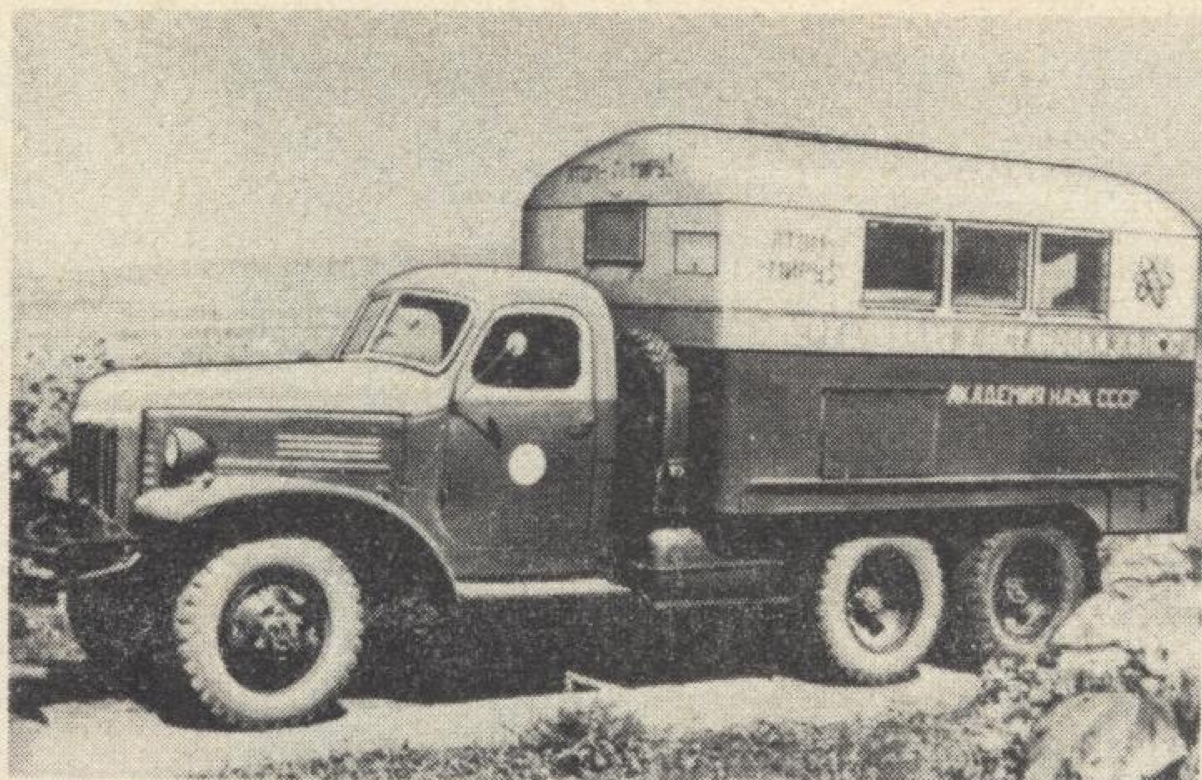
Жила-была собака с искусственной кровью

Для спасения жизни людей часто требуется срочное переливание крови. Вот почему кровь всегда должна быть под рукой у хирурга. Ее берут у доноров, но хранить донорскую кровь подолгу трудно...

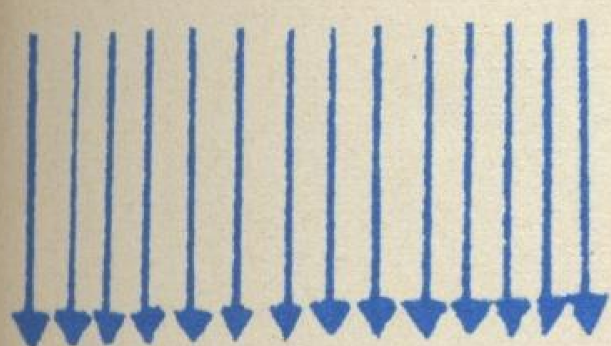
Очень заманчиво, конечно, иметь заменитель — искусственную кровь. Но, увы, химический состав удивительной «жидкости жизни» — крови — очень сложен. Тогда решили испробовать другой путь: подобрать вещества, которые, подобно настоящей крови, несли бы тканям кислород и выводили углекислый газ. Первые серьезные опыты были поставлены на четвероногих пациентах. В Японии у одной из собак девять десятых крови заменили искусственной. Более чем полгода собака обходилась без настоящей крови.

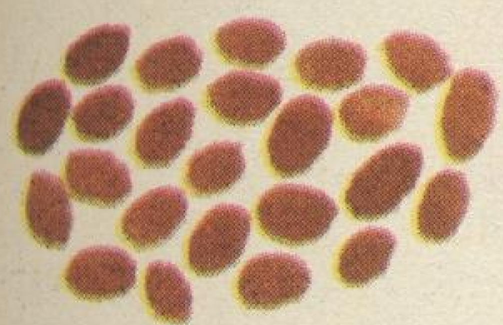

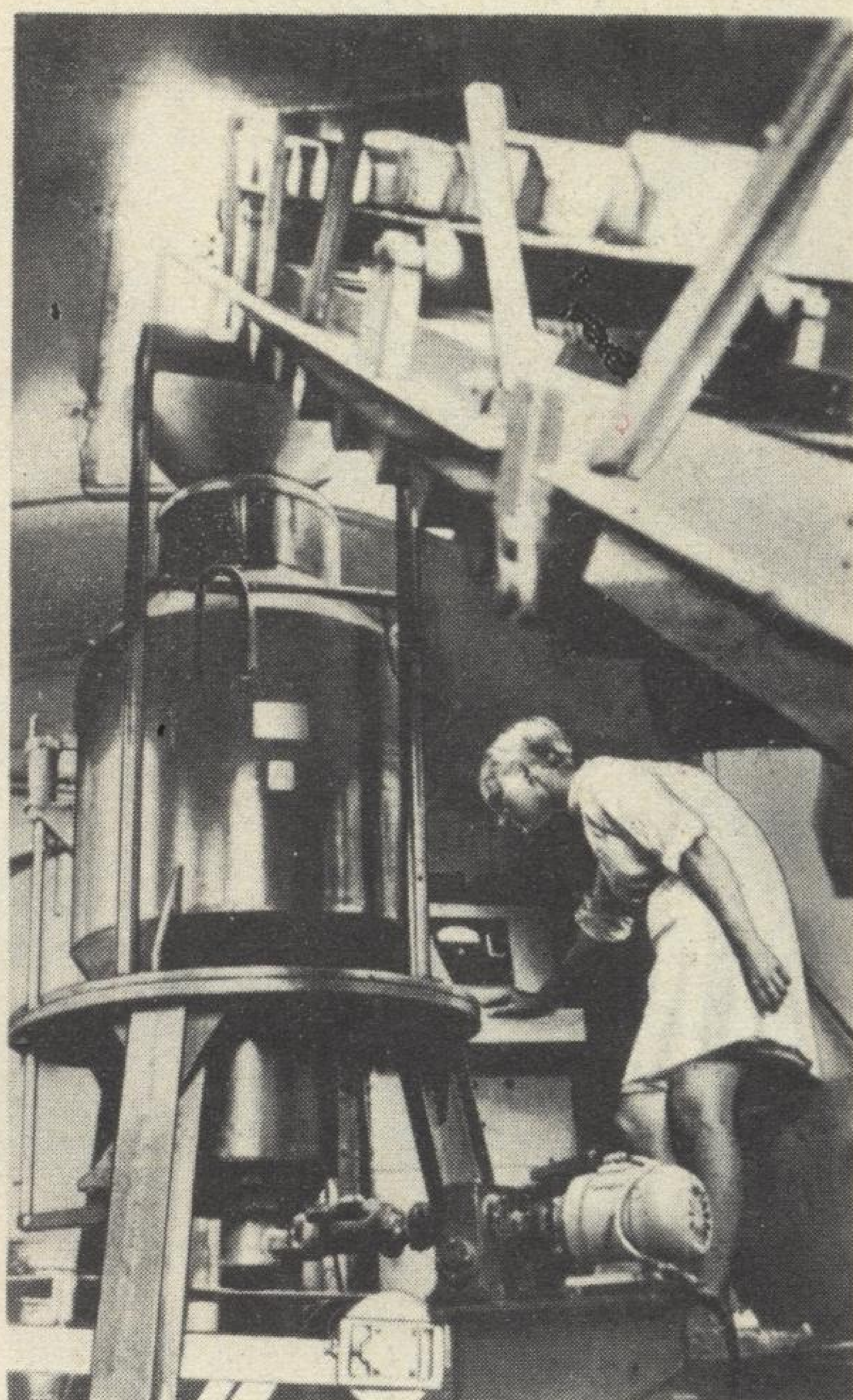
Взгляни на фотографию на соседней странице. Так выглядит под микроскопом разрез сваренных взрывом металлов. Почему шов волнистый? А потому, что взрывная волна с такой силой сжимает металлы, что они немного плавятся и, расплавленные, немного проникают друг в друга.
На этих двух фотографиях — рентгеновская установка на колесах «Колос».

Научный телеграф

Семена под рентгеном

Их помещают под рентгеновские лучи не для того, чтобы узнать, как они устроены внутри,— это и так хорошо известно. Цель облучения иная: повысить урожай пшеницы, кукурузы, вики. Рентгеновские лучи, проникая в зерно, разлагают в нем воду. Образуются активные химические соединения — перекиси — с большой энергией. И эту энергию они отдают молодому растению, ускоряя его рост.

Не подумай, что облучают зерна в специальных лабораториях вроде рентгеновского кабинета в поликлинике. У нас в стране создана установка на колесах, которая называется «Колос». Она уже испытана на полях Молдавии. За один час «Колос» может обработать целую тонну семян кукурузы. А польза от этой работы такая: на каждом гектаре поля — прибавка урожая зеленой массы — 60 центнеров.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

В заключение сводка погоды

«Год был холодным» или «год был теплым» — такие выводы делают метеорологи в конце года. А когда метеорологов не было, летописцы отмечали изменения климата. И вот недавно ученым представилась возможность проверить точность летописей. Для этого пришлось отправиться в покрытую льдом Гренландию. А чтобы стало ясно, зачем понадобилась такая дальняя поездка, расскажем коротко, как образуются полярные льды.

Из Мирового океана испаряется вода, тучами растекаясь над планетой. В холодных краях она возвращается на землю хлопьями снега. Ты слышал, наверное, о тяжелой воде, которая всегда ничтожной примесью присутствует в реках, морях и океанах? Так вот, в теплые годы в тучи попадает чуть больше тяжелой воды, чем в холодные. И ровно на столько же больше выпадает в эти годы «тяжелого снега», больше образуется «тяжелого льда». А приборы сейчас могут точно определить, сколько во льду, образовавшемся в тот или иной век, тяжелых примесей.

В Гренландии ученые взяли образцы льда с разной глубины, вплоть до полутора километров. Проанализировали этот лед и узнали, в какие века было жарко, в какие — холодно. Оказалось, что самые холодные времена — это XV век, конец XVII и начало XIX. А теплее всего было примерно в середине XVI века и в тридцатых годах нашего столетия. Кстати, эти результаты подтверждаются и записями летописцев и позднее сообщениями из газет.

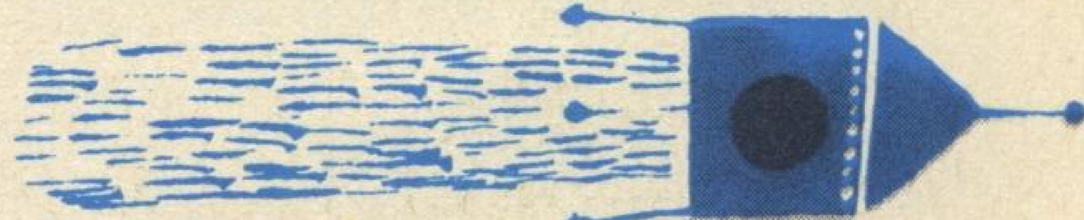

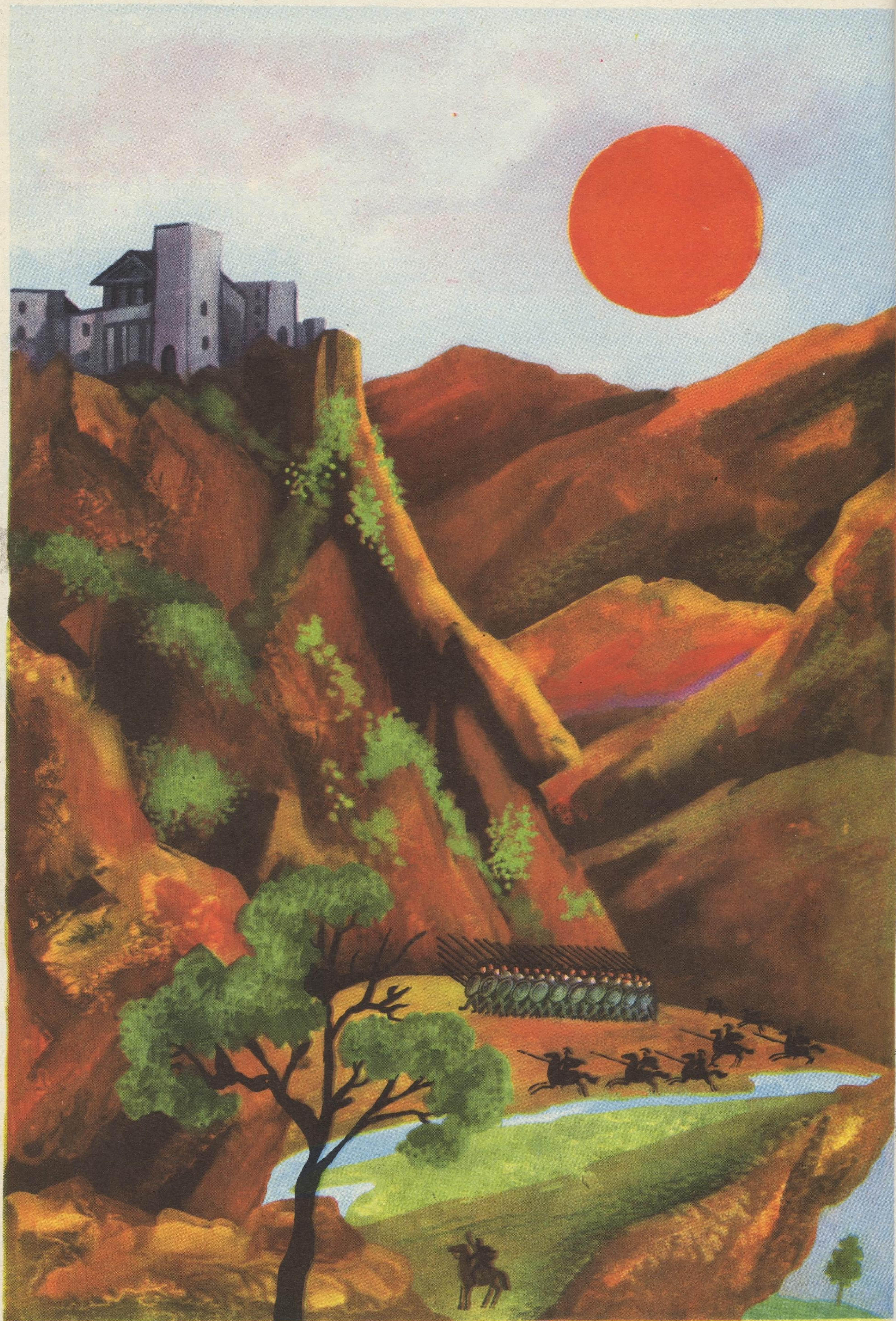
Но самое интересное в том, что климат меняется не случайно, а как бы волнами. Самая теплая погода отмечается каждые 63—66 лет. А поскольку последняя жаркая точка пришлась на тридцатые годы, то мы, как нетрудно догадаться, переживаем сейчас довольно прохладные времена.

Не стоит огорчаться: самый холодный участок уже позади. С каждым годом должно становиться все теплее и теплее. Понятно, что будут годы — исключения из правила. Но все же к концу века температура на Земле станет выше.

М. ГУРЕВИЧ,
О. ЛИБКИН.

Казалось, что македонцы идут на безрассудн

Л. ВОРОНКОВА

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА

Остров на Истре

Если бы не войско, которому надо давать отдых в пути, Александр мчался бы день и ночь, не уставая. Его тренированное тело могло выдерживать любые лишения, а жажда действия и победы не давала покоя. Кроме того, тайная, еще не вполне осознанная страсть к открытиям — а что там, за этими горами? А что за Истром? — гнала его вперед. Но Александр считал это мальчишеским любопытством и скрывал даже от друзей свою смешную слабость.

На третий день, когда войско уже подходило к Истру, Александр все зорче, все встревоженней всматривался в даль. Уходя из Македонии, он послал гонцов в Византий с требованием прислать на Истр несколько кораблей. У него был договор с этим городом о взаимной помощи. Но захочет ли теперь Византий помочь Александру?

— Что за горы впереди?

— Это Бабагадские горы, царь.

Горы, приближаясь, вырастали, заслоняли горизонт. Александр начал торопить коня. И вот наконец перед ним открылось спокойное голубое сияние большой реки. Это был Истр. Александр окинул реку мгновенным взглядом. Корабли?..

Несколько ниже по течению, над берегом, поднимались мачты, державшие яркую белизну парусов. Пять длинных кораблей стояли у берега, подняв высоко над водой свои изогнутые носы. Александр облегченно перевел дух.

Он первым поднялся на корабль и первым повел его осаждать остров.

Остров Певка, высокий и скалистый, стоял, как неприступная крепость. На нем, скрытые густым цветущим лесом, таились трибаллы. Преодолевая стремительное течение воды, Александр подвел свой корабль к острову. Но лишь только изогнутый нос корабля коснулся отвесного берега, сверху обрушился на македонцев

Казалось, что македонцы идут на безрассудную гибель...

звенящий ливень стрел и дротиков. Они застучали по бортам и палубе, по железным бляхам щитов. Высадиться было невозможно: крутой берег стоял, как стена. К тому же бурное течение не давало бросить якорь и закрепиться...

Александру пришлось отвести суда. Он был раздражен. Кое-кто из его друзей пробовал склонить Александра к тому, чтобы вернуться домой.

В ответ он угрожающе сверкнул глазами.

— Уйти, не победив? А кто отомстит за царя Филиппа, за его кровь!

Взять Сирма необходимо. Но как? Александр поднимался на крутой холм и подолгу глядел на тот берег, на прибрежную равнину у подошвы Бабагадских гор. Дни бездействия были томительны. Цветущий май уже шествовал по горам и долинам. Солнце становилось все горячее... Так не заметишь, как и лето подступит. А они все еще стоят здесь, у большой синей реки, жгут по ночам костры да смотрят, как передвигаются в небе блистающие светила...

В половине мая вечером македонцы заметили, что на том берегу происходит какое-то движение. У Александра были зоркие глаза, и он увидел, что к Истру подошли в сумраке толпы людей, будто возникла откуда-то из-за гор темная туча и растянулась по всему берегу. Сквозь шум воды слышались негромкие голоса, ржание лошадей...

В македонском лагере не спали. Военачальники собрались у царского шатра.

— Кто живет на том берегу, за Истром? — обратился Александр к старым этерам, которые не раз бывали здесь с его отцом.

— В этих местах живут геты.

— Зачем они пришли сюда?

— Боятся, как бы ты не переправился к ним. Как видно, пришли помочь Сирму.

Эти слова упали, как искра в сухую солому.

— Так мы переправимся туда, — сказал Александр, — клянусь Зевсом, довольно нам сидеть и сторожить Истр.

В ту же ночь была назначена переправа. А как переправиться через такую широкую реку? На чем? Кораблей мало, целое войско на них не посадишь.

Но македонцы были опытными воинами, они знали, как и на чем переправляться. Весь день они готовили мехи, набивали ветками и сухой травой овечьи и козьи шкуры, которые служили им палатками. Кроме того, Александр велел собрать рыбацкие челноки, выдолбленные из дерева, их множество лежало на отмелях.

Ночью, когда на реке поднялся туман, македонцы пошли в наступление. Тихо, стараясь не плеснуть веслом, словно бесчисленные стаи водяных птиц, тронулись по воде узкие челноки. Будто призраки, отошли от берега черные корабли. На одном из них в полном вооружении стоял Александр. Неслышно, как тени, македонцы выбирались на вражеский берег. Александр первым спрыгнул на еще неизвестную ему землю фракийских гетов.

Майская ночь коротка. Пока македонцы переправлялись и высаживались, над горами забрезжил зеленоватый рассвет. Военачальники быстро построили войско. Четыре тысячи пехотинцев и полторы тысячи конницы встали перед Александром.

Македонская конница, внезапно обрушившаяся на гетов, сразу смешала их. Ошеломленные геты пытались отбиться. Но, увидев тесно построенную фалангу, которая шла на них, геты поняли, что сопротивление их бесполезно, и бежали. Они бежали в свой город, лежавший километрах в пяти от Истра, под защиту городских стен. Закрыв городские ворота, геты еле перевели дух. Они не могли понять, как случилось, что Александр за одну ночь перешел через эту величайшую реку. Как он мог подойти так неслышно и так внезапно?

Никто уже не говорил о войне с Македонцем. Только бы отсидеться в городе, дождаться, пока он уйдет обратно, в свою страну.

Но очень скоро они поняли, что надежды на это напрасны. Стража, стоявшая на городской стене, с ужасом увидела, что по равнине к городу движется большое желтое облако пыли. Оно расплывалось, ширилось, угрожая охватить город со всех сторон. Сквозь пыль уже светились шлемы воинов и острия копий... Македонцы шли к городу.

Началась паника. Поспешно запрягали быков, сажали в повозки детей и всех, кто был стар или слаб и не мог уйти от врага. Геты уходили и убегали из города в пустынную степь. Они знали, что там нет ни воды, ни земли, пригодной для пахоты. Но уже было все равно куда бежать — лишь бы спастись от македонцев!

Македонцы вошли в безмолвную, покинутую крепость гетов.

Александр, сидя на своем высоком коне, нахмурясь, смотрел на разорение печальных улиц и убогих домов... И это город! И это народ, который захотел противостоять ему, македонскому царю! Александр шел наказать трибаллов и не собирался воевать с гетами. Они сами выпросили себе эту войну. Выпросили — и получили.

Около рта появилась жестокая морщинка. Да, выпросили — и получили. Будут знать наперед, что в Македонии по-прежнему есть царь.

К вечеру македонцы вернулись к Истру.

Здесь, на зеленом берегу, среди высоких цветов, уже стоял алтарь. Жрец, в белом одеянии, с венком на голове, окропил маслом жертвенных быков. На широких рогах животных красовались пестрые венки. Мы греки, и все, как у греков!

На высоком берегу, над алой закатной водой Истра, Александр торжественно принес жертву богам. Он принес жертву Зевсу — спасителю, сохранившему жизнь ему, Александру. Принес жертву Гераклу — предку его отцов, который даровал македонцам победу. Принес жертву и могучему Истру в благодарность за то, что Истр позволил македонскому войску переправиться на северный берег и тем помог победить врага.

Потом он вынул из ножен меч и провел острием черту позади расположения войск.

— Здесь северная граница нашего государст-

ва Македонии. И пусть варвары знают, что через эту границу переступать нельзя.

В этой войне македонцы не потеряли ни одного человека, раненые были, но убитых не было ни одного.

Западня

Александр вел свое войско обратно, в Македонию. Господство над варварами восстановлено. Граница на Истре утверждена.

Войско шло быстрым маршем. Оно уже вступило на дружественную землю агриан и почти миновало ее, когда разведчики, скакавшие впереди, вернулись.

— Дальше идти нельзя. Иллирийский царь Клит, сын Бардилея, занял горный проход Пелиона. Царь тавлантиев Главкия, как слышно, опытный и смелый полководец, уже ведет свое войско на помощь Клиту. Автартиаты сговорились с ними и приготовились напасть на нас, когда мы пойдем через горы.

Александр сдвинул брови. Положение серьезное и опасное.

Он остановил войско. Один неудачный бой, и погибнет все, чего добились македонцы. Надо действовать обдуманно и точно. Александр не собирается рисковать своей фалангой и положить ее в горной теснине, у варваров.

Македонцы раскинули лагерь. Утром, когда на цветущих травах еще лежала тяжелая роса, к царскому шатру неожиданно подъехал, окруженный свитой, Лангар, царь агриан.

Александр не скрыл радости. Он сам вышел встретить друга, столь дорогого сейчас, среди опасностей и вражды окружающих племен.

Лангар, искушенный в боях и в делах государственных, давно рассчитал, что сын македонского царя мальчик Александр когда-нибудь сам станет царем. А союз с Македонией выгоден каждому разумному правителю.

Но не только деловые соображения руководили Лангаром, он любил Александра. Бывая во дворце царя Филиппа, он обязательно привозил царскому сыну какой-нибудь подарок. Лангара восхищала та недетская серьезность, то достоинство, с которым держался Александр, его смелость, о которой Лангар был наслышан, его подкупающая красота...

— Я и теперь пришел к тебе с подарком, царь! — сказал Лангар, указывая на отряд молодых воинов, стоявших за его спиной. — Это мои щитоносцы, самые сильные и самые красивые из всего моего войска!

Щитоносцы стояли перед Александром, блестя большими щитами и вооружением. Александр от всего сердца поблагодарил Лангара.

Потом он приказал устроить пир в честь агрианского царя. А пока готовили пир, созвал своих военачальников, и они сели вместе с Лангаром обсудить сложившееся положение.

— Мне надо занять крепость Пелий, — сказал Александр, — если мы успеем ее занять, то это будет несокрушимой позицией...

— Ты опоздал, царь, — со вздохом сказал Лангар. — Пелий уже занят Клитом.

Наступило угрюмое молчание. Клит захватил крепость Пелий на горе Пелион. Оттуда иллирийцы могут ринуться прямо в Македонию.

Александр видел, что ему с его сравнительно небольшим войском штурмом крепости не взять. Решили окружить город и вести осаду.

В тот же день Александр запер Пелий.

Но едва македонцы начали осадные работы, на помощь Клиту явился Главкия. Войска тавлантиев прихлынули к Пелиону.

Александр искал решения. Послать за помощью к Антипатру? Для этого нужно время, а времени у него нет. Нет у него и провианта для войска и корма для лошадей. Он отправил было одного из этеров с крепким отрядом поискать провианта. Но Главкия узнал об этом, тавлантии погнались за македонцами и чуть не захватили их в плен вместе с вьючными животными и повозками. Александру пришлось выручать их.

Гибель глядела в глаза македонцам. Уже нашлись люди, которые потихоньку убегали из лагеря и скрывались в лесу.

Клит и Главкия держали совет.

— Македонец не может стоять здесь вечно. У него нет запасов. Я вчера чуть не поймал его отряд, который рыскал в долине. Крепости ему не взять, это он понимает. Значит, он станет пробиваться через горный проход. Это единственный путь, куда он ринется. А там узко, с одной стороны река, с другой — отвесные горы. Там и четырем воинам, если со щитами, не пройти в ряд.

— Вот там-то мы его и настигнем! Ты прав, Главкия, ты прав!

Иллирийцы и тавлантии послали свои войска занять ущелье.

Но Александр сделал совсем не так, как они ожидали.

Наступил час, когда все можно погубить. И все можно спасти.

Александр встал перед войском и потребовал полной тишины. Ему нужно было, чтобы каждый военачальник и каждый воин слышал его команду. Сегодня ошибаться нельзя. Тишина в долине наступила такая, что слышно было, как где-то на утесе лепечет под ветром осина.

Александр выстроил свою фалангу глубиной в сто двадцать человек, и сто двадцать человек стояло в ширину. На каждом крыле фаланги он поставил по двести всадников.

— Выполнять мою команду молча и молниеносно! — Голос Александра был слышен всему войску.

Обычно он говорил по-гречески, как и царь Филипп, и требовал того же от своих придворных. Но сейчас, когда смерть стояла перед их глазами, Александр командовал на родном македонском языке. Голос его звучал отчетливо, уверенно, непреклонно. И воины чувствовали, что сегодня только находчивость и мужество

полководца и безупречное выполнение его команд могут спасти их.

Александр приказал гоплитам поднять вверх копья — и тотчас острия копий длинными огнями вспыхнули над войском.

— Взять наперевес!

Огни погасли — копья мгновенно взяты наперевес.

— Сомкнуть. Склонить вправо!

Копья сомкнуты, их жала смотрят вправо.

— Влево!

Копья сомкнуты и склонены влево.

— Фаланга, вперед! Фаланга, направо кругом! Фаланга, налево кругом!

Иллирийцы и тавлантии в изумлении смотрели, как с необыкновенной точностью и быстротой выполняет македонское войско разные маневры и построения. Это было непостижимо. Это поражало, это внушало ужас... Что будет дальше? Что собирается делать Македонец?

А Македонец вдруг двинул вперед свое войско. Потом повернул фалангу влево, построил ее клином и сам повел на приступ.

Казалось, что македонцы идут на безрассудную гибель. Но они шли твердым шагом, ни одно копье не дрогнуло в руке, ни один конь не нарушил строя.

Подойдя ближе, македонцы, повинуясь команде царя, принялись метать дротики. И, прикрываясь ими, как железным навесом, начали наступать на высоты горы Пелион.

Тавлантии, когда македонское войско поравнялось с ними, бросились было на его правый фланг. Но македонцы мгновенно, всем войском сделали поворот направо и двинулись на тавлантиев. Те дрогнули, отступили, рассеялись.

Тогда на македонцев пошли в наступление тавлантии с левой стороны. Македонцы так же, с непостижимой быстротой и точностью перестроились, обернулись всей массой на левый фланг и сбили тавлантиев.

Так, сменяя свои позиции, подчиняясь точной команде полководца, македонское войско занимало высоты одну за другой и двигалось все выше между неприятельскими отрядами. Тавлантии и иллирийцы смотрели с каким-то суеверным ужасом на такое непонятное им искусство воевать, похожее на чудо. Убегая в чащу, они видели, как неотвратимо идет на приступ македонское войско, которое движется, как один организм, которое повинуется с такой необыкновенной точностью одинокому голосу своего царя...

Снова короткая команда — и македонцы вдруг со страшным боевым криком ударили копьями в щиты. Звон и гром пошел по горам. Это было невыносимо. Тавлантии в ужасе бросились наверх, в крепость, обнажая свои позиции на склонах гор.

Высоты опустели.

Чтобы подойти к крепости, надо было переправиться через небольшую речку Эриган. Александр послал вперед гипаспистов-щитоносцев, а следом — фалангу. Он приказал им, перейдя реку, построиться в боевой порядок, выставить на том берегу метательные орудия — башни, стреляющие камнями и стрелами. И, повернув их на неприятеля, привести в действие, защищая идущую через реку фалангу.

Сам он вместе с арьергардом остался на возвышенности и следил отсюда за переправой своего войска и за действием неприятеля.

Иллириец Клит, увидев, что войско Александра идет через реку, а сам он почти беззащитный стоит на утесе, тотчас послал сильный отряд, чтобы захватить царя. Но тут фаланга приостановила переправу и сделала вид, что хочет вернуться. Иллирийцы тотчас отступили и снова ушли в крепость.

Как только македонское войско перешло через реку, Александр со своими стрелками бегом бросился к реке. Неприятельские камни и дротики летели в них градом. Александр переправился первым и, чтобы защитить своих стрелков, тотчас приказал повернуть метательные орудия на тавлантиев, которые появились из-за стен. Стрелки, еще не успевшие перейти реку, стояли в воде и отстреливались от врага. Отогнав тавлантиев, они благополучно присоединились к своим.

Македонцы остановились под самой горой, на которой стояла крепость. Александр только теперь мог оглянуться на тот путь, который грозил им неминуемой гибелью и пройдя который они все-таки остались живыми.

— Много ли убитых?

— Никого, царь!

Александр кивнул со вздохом удовлетворения. Он вдруг почувствовал, что очень устал. Перед глазами у него дымился какой-то туман, а скалы и палатки лагеря двоились и расплывались.

Друзья окружили его в тревоге.

— Что с тобой, царь? Ты не ранен?

Александр потрогал свою голову.

— Кажется, да.

Немедленно призвали врача. Оказалось, что Александр получил тяжкий удар по голове камнем, пущенным из пращи. Ранена была и шея — ударили тяжелой суковатой палицей.

Тотчас нагрели воды.

Александр принял ванну — ванну для царя возили в обозе за войском. Ему дали лекарства, уложили в шатре. Самые близкие его друзья — Гефестион, Клит Черный, Неарх, Гарпал, Эригий — остались около него на бессменное ночное и денное дежурство.

Александр болел недолго, ему некогда было болеть. Еще чуть пошатываясь, он встал с постели и тут же потребовал доспехи.

Царь иллирийский Клит не понимал стратегии Александра. Сейчас бы Македонцу идти на приступ. Но он не идет. Почему? Испугался? Это ведь не то, что разогнать тавлантиев. Это все-таки крепость, и стоит она неприступно.

Клит поставил свое войско перед горой Пелионом. Оно растянулось длинной полосой, защищая Пелий. Клит не знал, что македонская разведка лучше его самого разглядела слабые места его позиции.

*Крепость горела.
Она полыхала со всех концов,
заволакивая дымом
вершину Пелиона.*

Александру уже было известно, где лагерь иллирийцев плохо защищен. Он знал, что ни рвов, ни защитного вала вокруг Пелия нет. Он знал и о том, что форпосты у Клита содержатся небрежно, а стража беспечна...

Две ночи македонская разведка незаметно высматривала расположение войск иллирийцев и тавлантиев. На третью ночь, в самое глухое время, когда даже часовые дремлют, опершись на копье, Александр вместе со своими щитоносцами, стрелками верных агриан и с пехотой, построенной двумя фалангами, двинулся в наступление. Он так спешил, что не стал дожидаться, когда остальное войско присоединится к нему.

Иллирийцы спали у догорающих костров. Спали простые воины, отложив оружие. Спали военачальники, укрывшись в шатрах. Спал и сам Клит, царь Иллирийский, посреди своего огромного, нелепо расположенного лагеря...

Тут-то и нагрянули на них македонцы. Крики ужаса, предсмертные вопли наполнили лагерь. Македонцы рубили мечами кого где застали. Иллирийцы и тавлантии падали под копьями, убегая по длинной, непомерно растянутой линии лагеря. Их полководцы умирали беззащитно в шатрах и палатках. Иллирийские воины, успевшие схватить оружие, не знали, что делать, они не слышали команды военачальников и погибали в бессмысленной битве... Многие бежали в горы, в лес — и тоже погибали, настигнутые македонцами.

Александр искал царя Клита. Он рыскал всюду, без устали поражая варваров своим тяжелым мечом. Он врывался в шатры, где мог укрыться Клит. Клита нигде не было.

Неожиданно окрестные горы, покрытые угрюмым лесом, обагрились заревом пожара. Горела крепость. Она полыхала со всех концов, заволакивая дымом вершину Пелиона.

И тогда Александр понял, что Клита ему не поймать. Это он велел зажечь крепость, а сам, бесславно положив свое войско, бежал.

Александр не ошибся. Царь Клит поджег крепость и бежал вместе с Главкием в страну тавлантиев.

Александр победил и на этот раз. Он восстановил старую македонскую границу, которую захватили было варвары. Заключил с царями варварских племен мир и дружбу, которых очень скоро они пришли у него просить. Утвердил над ними свою власть.

И, сделав все эти дела, наконец, построил войско походным строем и вышел вместе с ним на горные дороги, ведущие в Македонию.

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Поэтичный талант

Среди любимых писателей, дорогие ребята, одним из первых вы, конечно, назовете Р. Фраермана. Вы все читали и любите его добрые, интересные книги. Но едва ли вы знаете, что в сентябре этого года Рувиму Исаевичу Фраерману исполняется восемьдесят лет. Большая жизнь! Большая, трудная, честная, смелая.

Не правда ли, надо быть смелым, чтобы вступить в партизанский отряд? И еще надо сильно любить свою Советскую Родину, быть настоящим патриотом.

Такой и есть Рувим Исаевич Фраерман, ваш любимый писатель. Не думайте, что это могучий, рослый богатырь, с громовым голосом и крепкими кулаками.

Нет, он невысок, у него тихий голос, и сам он негромкий, деликатный, застенчивый. Смелость ведь вовсе не требует громкости. И застенчивый человек способен на подвиги, если в груди его бьется горячее, преданное Родине сердце.

А партизанский отряд, в который летом 1920 года добровольцем вступил молодой Фраерман, сражался с японскими интервентами на Дальнем Востоке. Студент Фраерман приехал туда на летнюю практику, но недолгой она оказалась.

Красная Армия отовсюду изгнала интервентов и белых, только на Дальнем Востоке еще держались японцы. Красная Армия била японцев. Партизаны помогали Красной Армии. И будущий писатель Фраерман вместе с ними.

Какой тяжелый и опасный поход совершил партизанский отряд! Пешком и на оленях, через тайгу, через перевалы Яблонового хребта, по берегам ледяного Охотского моря. Тысячи километров!

Приказ: «Идти к тунгусам. Учредить Советы. Вести революционный суд и расправу над врагами рабочего класса. Оказывать всяческое сопротивление японцам».

Больше полугода длился партизанский поход, учреждая в тунгусских стойбищах Советскую власть.

Много лет спустя Фраерман напишет об этом повесть «Никичен». Не о себе. Но все опасности, голод и холод, тяжкий труд партизан испытал и он. Прочитайте—и вы увидите глухую тайгу, услышите ворчание океанского прибоя, не раз, продираясь сквозь низкий кедровник, взойдете на сопки, а главное, узнаете партизан, переживете пережитое ими. И станете, прочитав эту книгу, сильнее. Шире, ярче вам откроется мир. Наш мир, советский, дорогой всем трудящимся людям и ненавистный врагам.

Враги, фашисты, напали на нашу Родину в 1941 году. И снова писатель Р. Фраерман, как в молодые годы, добровольцем ушел в Московское ополчение сражаться с фашистами.

О Великой Отечественной войне Р. Фраерман написал чудесную маленькую повесть «Подвиг в майскую ночь». Вы читаете ее, и сердце бьется, страстно сочувствуя подвигу сапера Сергея Шершавина. Вы им гордитесь. Вы его любите. И писатель Фраерман очень любит скромного и бесстрашного русского солдата Сергея Шершавина.

Писатель Р. Фраерман любит людей. Тунгусская девочка Никичен и ее друг Олешек, молодой охотник, с узкими глазами и большим веселым ртом, милы и близки писателю.

Заметьте, в его книгах часто живут дети и юноши разных народов нашей огромной, многонациональной страны. Вот в рассказе «Девочка с камнем» маленькая казахская девочка Аня Мамедова. Ане так хочется учиться, что даже когда на город налетел страшный ветер, от которого «как на цепях заскрипел и закачался над улицей воздух», не испугалась, пошла в школу. А чтобы ветер ее не свалил, несла большой камень. Милая, не испугавшаяся бури казахская девочка!

Или «Мальчик в лесу» — рассказ об звенке Вильборике, трогательно правдивом и честном! Совсем еще малыш, а вы его уважаете, как большого человека, за его честный характер.

Фраерман вам расскажет о корейском мальчике Ти Суеви, который живет в Советском Союзе, в тайге, недалеко от пограничной заставы, и пограничники с ним дружат на равных, потому что он смел и находчив и всегда рад хоть немного помочь пограничникам в их службе (рассказ «Шпион»).

А в известной вам всем книге «Дикая со-

бака Динго, или повесть о первой любви» учится в русской школе и крепко с русскими ребятами дружит нанайский мальчик Филька. Помните Фильку? Как он добр и бесхитростен! Совершенно не умеет притворяться. У него нежное сердце. Отважное и чуткое сердце. Помните дружбу его с Таней Сабанеевой? Нет, не только дружба это была— первая любовь. Робкая, чистая, первая.

Бывают счастливые и влекущие книги, прочитав один раз, их ни за что не забудешь. Непременно вернешься, еще прочитаешь. И еще.

Такую книгу написал Р. Фраерман о девочке Тане. Неведомые края чудятся Тане, и отчего-то хочется увидеть австралийскую собаку Динго, непонятные мечты и фантазии тревожат ее.

«Или это уходит от нее детство? Кто знает, когда уходит оно?»

О Фильке и Коле, умном и мужественном полковнике Сабанееве, печальной Таниной маме и учительнице Александре Ивановне, лицо которой всегда нравилось детям своей красотой и весельем и нравилось, что на груди у нее сияла звездочка брошки, — о людях хороших и благородных написал Р. Фраерман поэтическую, добрую книгу.

Не совсем легко им живется. Горе и счастье, грусть и веселье чередуются в жизни. И когда ты счастлив и если тебя настигла беда — будь отважен, достоин. И береги друзей. И будь внимателен к людям.

Нет, конечно, ничего такого Р. Фраерман прямо не говорит, не учит.

Но, прочитав его книгу, вы услышите, как поднимаются в вас эти добрые чувства.

И почему-то вам радостно, хотя повесть кончается расставанием.

Фильке «хотелось горько заплакать, но он был мальчик, родившийся в молчаливом лесу, на берегу сурового моря. Он лег на песок у воды и замер».

Вам жаль Фильку, жаль, что все расстаются. Но отчего в то же время вам радостно? Оттого, наверное, что вы узнали и полюбили новых людей. Побывали в суровых и дивных лесах и у реки, бегущей к морю. Услышали музыку слова. И вам хочется глубоко вздохнуть, улыбнуться, и какие-то неясные и пленительные, как у Тани, мечты прилетели к вам. Такова власть искусства.

Эту замечательную повесть Р. Фраерман писал не на берегу сурового дальневосточного моря, а в деревне Солотча Рязанской области,— в русских, очень русских местах! Зимой, когда от декабрьских морозов потрескивали в саду сучья старых лип. Писал целые дни и часто ночами. Сквозь ледяные узоры окон глядела полная луна, а на улице снег слепил чистым светом, черные лежали на снегу тени деревьев, все дома крепко спали, а он, писатель Фраерман, вышедший ненадолго отдохнуть на крыльцо, все видел своих героев, слышал в тишине их голоса и мечты и

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

скорее, скорее спешил снова к письменному столу, к рукописи.

Оттого так волнуют книги Р. Фраермана, что пишутся они талантливым, взволнованным пером.

У Рувима Исаевича много друзей. «Иных уж нет». Нет близкого друга К. Г. Паустовского, с которым немало лет и зим прожито в деревенском доме Солотчи, с которым столько исхожено лесных дорог по Мещере и много-много раз вместе встречался рассвет на Оке, на рыбалке.

Погиб на фронте другой верный друг — Аркадий Гайдар. И он часто приезжал к Фраерману в Солотчу. Там, в саду, стояла ветхая банька. В баньке летом Аркадий Гайдар и писал свои великолепные книги. Потом сходились, читали друг другу написанное. Разжигали костер, до ночи велись у костра разговоры. А колхозники, видя взметнувшиеся к небу и опадающие синие искры, говорили уважительно:

— Писатели наши...

Трудно, невозможно жить человеку без дружбы. Восьмидесятилетняя жизнь Р. Фраермана богата дружбой, творчеством и любовью.

Есть у Р. Фраермана один самый близкий, нежно любимый человек — жена Валентина Сергеевна. Встретились смолоду на Дальнем Востоке, где так достойно началась биография Рувима Исаевича, и всю жизнь рядом, рука об руку. Первый советчик, читатель, критик, помощник в работе. Любимая, друг.

Много лет тяжко был болен Рувим Исаевич. Много лет Валентина Сергеевна была при нем санитаркой, сиделкой, нянькой, сестрой милосердия. За восьмидесятилетие писателя Фраермана спасибо ей.

А Рувиму Исаевичу Фраерману от читателей, юных и старых, и за творчество низкий поклон.

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

Однажды в детстве я прочитал книгу

Вспоминает ГЕННАДИЙ ФАЙБУСОВИЧ, кандидат медицинских наук. Он лечит людей, ведет войну против болезней, а значит, и против микробов.

Как-то раз мне принесли книжку, в которой рассказывалось о том, что происходило много лет назад. В то время мне было десять или двенадцать лет, и я никак не мог дождаться, когда наконец вырасту. Весь я жил в будущем. Прошлое меня нисколько не интересовало. Все же я принялся за чтение. Книжка оказалась увлекательней любого научно-фантастического романа. **Это была длинная история, полная неожиданных открытий. Начиналась она, эта история, без малого триста лет назад.**

Триста лет назад Антоний Левенгук заглянул одним глазом в стеклышко изобретенного им прибора и отшатнулся.

— Иди сюда! — крикнул он дочери. — Они плавают! Они в тысячу раз меньше существа, которое можно увидеть простым глазом!

Казавшаяся абсолютно чистой дождевая вода кишмя кишела этими странными существами.

Потом он положил под микроскоп зернышко перца — и о чудо! На одной крошечной перчинке их было больше, чем голландцев во всей Голландии, где жил Левенгук.

Однако прошло немало времени, прежде чем стало ясно, что иные из этих зверюшек пострашнее самого опасного зверя. «Охота за микробами» оказалась едва ли не опаснее охоты на львов или носорогов.

Упорно, день за днем Роберт Кох ищет разгадку сибирской язвы. Рискуя жизнью, он исследует зараженные трупы животных. И находит причину болезни.

Но «зверя» можно укротить. Трех лет не проходит после открытия Коха, как другой охотник за микробами, Луи Пастер, «приручает» бациллу. Вакцина, которую Пастер и его помощники приготовили из ослабленных возбудителей болезни, защищает человека от настоящей болезни.

На земле существуют тысячи разных видов болезнетворных микробов. Невидимые враги осаждают человека. Как же человечество все еще живет на земле? Почему даже в прежние времена, когда еще не было лекарств против заразных болезней, далеко не каждый заболевал, а из заболевших не все умирали? На этот вопрос ответил Илья Мечников: в человеческом организме вырабатывается иммунитет.

Я не стану тебе объяснять, что такое иммунитет. Не буду рассказывать и о том, как были открыты лечебные сыворотки, как удалось выследить и арестовать малярийного комара, как в далекой Африке охотники за микробами победили страшную сонную болезнь. Прочти лучше книгу.

Ее написал Поль де Крайф.

Поль де Крайф — бактериолог. Прежде чем взяться за перо, он сам был среди тех, о ком пишет. Много лет он охотился за микробами, и хотя в его книге говорится о великих ученых прошлого, он рассказал в книге и о самом себе. А называется она... Впрочем, я уже назвал ее. «ОХОТНИКИ ЗА МИКРОБАМИ» — вот заглавие книги.

Я читал ее еще тогда, когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас. И могу дать тебе один совет. Начни читать книгу накануне выходного дня, чтобы утром не проспать в школу. Потому что, **открыв книгу, ты уже не оторвешься от нее.** Это я тебе обещаю.

Говорит АЛЛА МАСЕВИЧ, доктор физико-математических наук. Астрономы всей планеты знают ее научные труды. С помощью математики и физики она проникает в недра звезд горячих и холодных, далеких и близких.

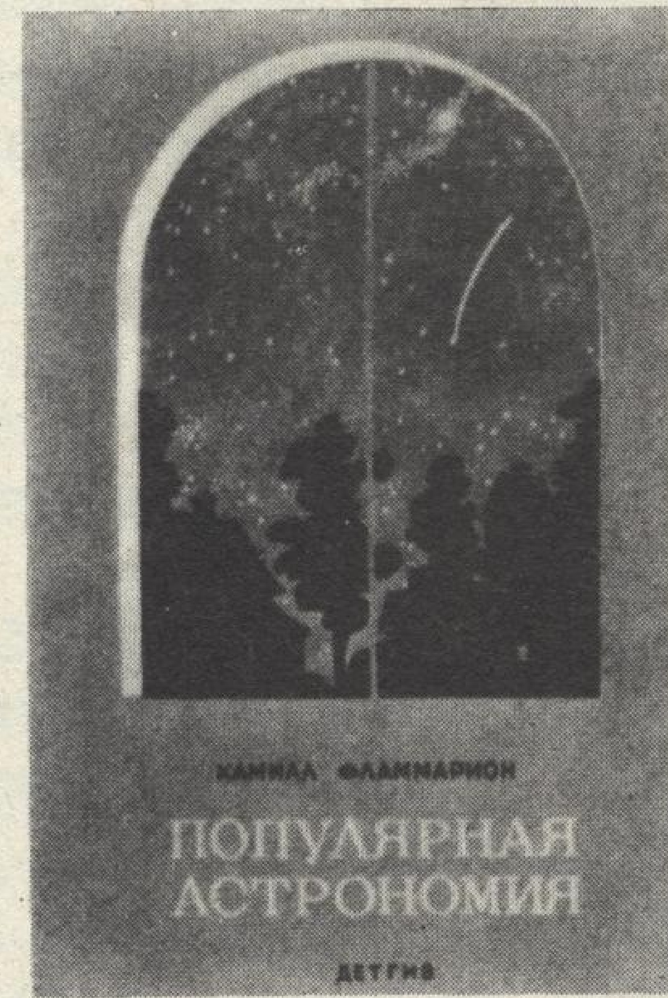
Книгу Камилла Фламмариона «Популярная астрономия» я прочитала, когда училась в 7-м классе. Указал мне на нее ленинградский профессор Я. И. Перельман — известный автор серии занимательных книг по физике и математике для молодежи, с которым я регулярно переписывалась и который с трогательным терпением и большой добротой отвечал на многочисленные вопросы тбилисской школьницы.

«Популярную астрономию» я «проглотила» за кратчайший срок. **До сих пор помню то ощущение внезапно распахнувшегося окна в светлый, незнакомый мир, которое осталось после этой очень интересно и ясно написанной книги.** Казалось, что видишь что-то необъятное, прекрасное, далекое, но доступное, и это удивительное чувство доступности появляется в результате той простоты, с которой автор рассказывает о небесных телах и методах их изучения. Похожее чувство я испытала уже много лет спустя, когда впервые наблюдала звездное небо на большом телескопе горной обсерватории около Алма-Аты. **Мириады звезд на иссиня-черном небе; открытый купол башни, тишина... и инструмент, позволяющий изучать звезды, находящиеся на таких расстояниях, что свет от них идет к нам сотни, тысячи и даже миллионы лет. Вот когда я вспомнила ту книжку, которая впервые познакомила меня с астрономией.**

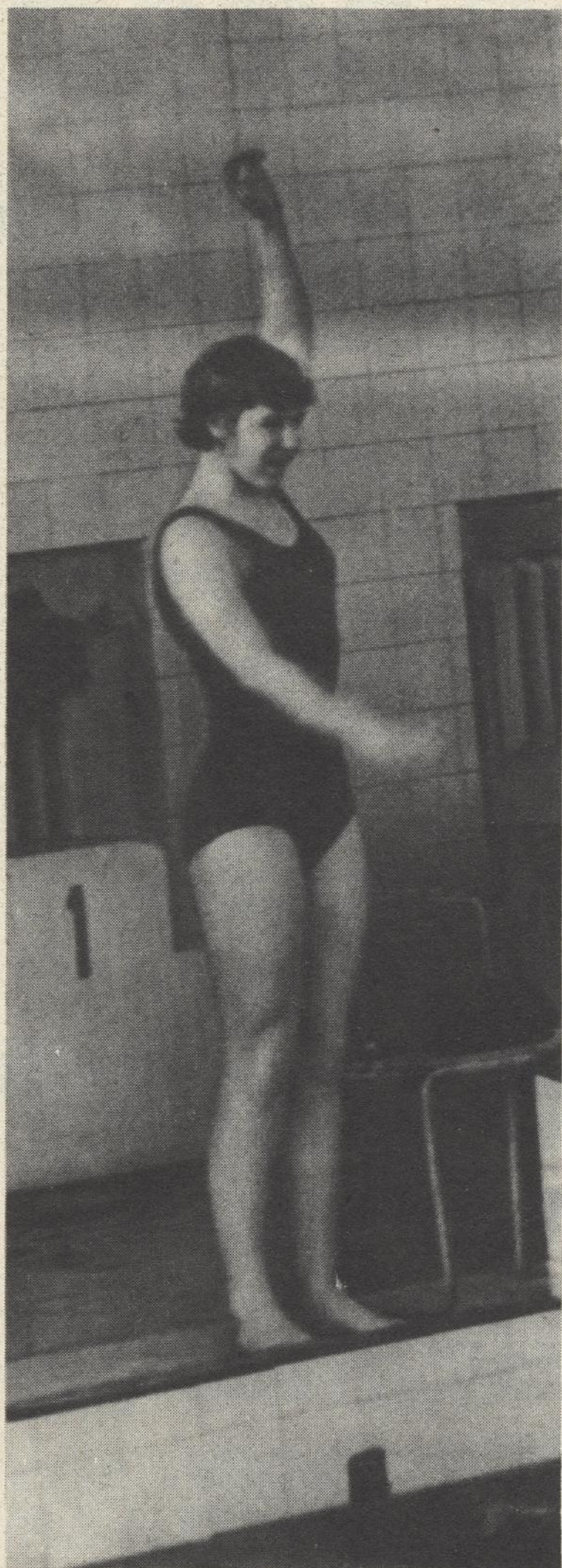
Сейчас астрономия ушла далеко вперед и, конечно, расширилась в связи с космическими исследованиями. Но все-таки **для первого знакомства книга Фламмариона остается такой же ценной.**

Впоследствии о Фламмарионе я много слышала от академика В. Г. Фесенкова, который был с ним знаком лично, и от многих зарубежных астрономов. **Все отмечают, что это был обаятельный человек, глубоко преданный науке о небесных телах и стремящийся привлечь к ней молодежь.** Уже после смерти Камилла Фламмариона его супруга и верная помощница неизменно присутствовала на всех съездах Международного Астрономического Союза в качестве почетного гостя. Мне неоднократно пришлось с ней встречаться. Высокая, седая женщина, со строгим точеным лицом, она с неизменным вниманием следила за всем происходящим на съезде. И приятно было видеть, каким уважением и вниманием окружали ее **астрономы всех стран и всех возрастов — ведь все они так или иначе воспитывались на книгах Камилла Фламмариона.**

Н. ОФИТОВ

Лена из «Пионера»

Жаркий июльский день. Спортлагерь за Дубной.

Раздвигая руками водяные водоросли, Лена плывет вперед.

Вслед что-то кричат девчонки. Лена Бойцова не слышит их.

— Ну, ты и плаваешь! — Оглянулась — рядом подружка по команде Ира Екимченкова.

— Понимаешь, Ирка,— Лена перевела дух,— а раньше, ты знаешь, я раньше воды боялась.

— Правда?

— Да, да! А теперь вот не хочу из нее выходить. Так и плыла бы в открытое море...

— Но надо же возвращаться назад,— ответила Ира, делая глубокий вздох.— Забыла, что тренер говорил?

Осенью шестьдесят пятого года в плавательный бассейн «Пионер» на Ленинских горах пришла худенькая, сутулая десятилетняя девочка. Встала у стенки и смотрела, как плавали ее сверстницы. На другой день она пришла снова. И опять молча наблюдала.

— И сегодня не поплывешь? — спросил тренер.

— Не знаю,— тихо ответила она, опуская глаза.

Лев Николаевич Порозов неодобрительно покачал головой. А через две недели согласился оставить девочку еще на немножко лишь после настойчивых просьб ее матери Нонны Леонидовны.

Каким только врачам не показывала она свою Лену! И все находили у нее искривление позвоночника и еще что-то, а однажды профессор сказал:

— Придется делать операцию. А впрочем...— Он на мгновение задумался: — Попытайтесь научить ее плавать.

Лена старательно и аккуратно посещала бассейн. Внимательно слушала тренера. Не пропускала ни одного занятия.

Но очень боялась глубины и совсем сначала не могла держаться на воде.

Но вот, находясь в слабой группе, она осваивает брасс и дельфин. Правда, первые шаги не сулили радужных надежд. Когда вскоре в бассейне состоялись соревнования на сто метров брассом, Бойцова сначала отказалась в них участвовать.

Касаясь пальцами ног теплой голубой воды, она мысленно убеждала тренера: «Ну не проплыву я столько. Утону. До этого я отрезками плавала. Отдыхала. А тут сто метров без отдыха!»

Дистанцию она все же проплыла. Уложилась в норму третьего спортивного разряда для взрослых.

...Осенью начались более серьезные тренировки. Жесткий режим требовал трудолюбия и правильного распорядка дня. И Лена выполняла его беспрекословно.

Постоянным маршрутом для нее стала замкнутая ломаная линия, соединяющаяся в трех точках: дом—школа—бассейн. И если порой она разрывалась, то это случалось только тогда, когда Лена уезжала на соревнования в другой город.

Результаты ее в брассе растут, в декабре она становится мастером спорта. Радости нет конца. Шутка ли, мастер спорта! И за каких-то полтора года...

В августе прошлого года Лена приезжала в Алма-Ату. Ей предстояло помериться силами в первенстве страны среди девушек со всеми сильными брассистками. Среди них ее постоянные соперницы. Самая главная, как она считает,— Нина Каракулева. Уже не раз судьба сводила их вместе. И побеждала то одна, то другая. В этот раз Лене очень хотелось выиграть. Но одного желания мало, если ты не обладаешь хорошими качествами бойца в соревновании.

Последние указания тренера.

И вот девочки плывут по большой воде на сто метров. Идет борьба буквально за каждый сантиметр. Соперницы идут ровно, не позволяя друг другу вырваться вперед. Со стороны кажется, что обе невидимой нитью привязаны друг к другу.

«Нет»,— думает Лена. Делает сильный взмах руками. Гребок, другой. Вода бурлит, пенится... Теперь она впереди. «Выиграю...» — и первой касается стенки.

Победила она и в заплыве на двести метров, проплыв их за 2 минуты 49,3 секунды. На стометровке ее время равнялось 1 минуте 18,5 секунды.

Уезжала из Алма-Аты счастливой, но не самоуверенной. Знала: впереди работа, работа, работа!

Я встретил Лену у дверей бассейна.

От быстрой ходьбы она раскраснелась. Обменявшись короткими приветствиями с подругами, сдала вещи в гардероб и из душа стремительно ринулась к воде. Но, прежде чем нырнуть, на миг задержалась, смотрит вперед. Может, вспомнила о недавних сборах в Болгарии? Там Лена плавала вместе с олимпийской чемпионкой Галиной Степановой. А может, подумала об Олимпиаде 1972 года? А почему бы и ей не стать чемпионкой?

Всплеск воды. Взмах рук, и снова всплеск. Серебристая пена волны привычно залепила лицо...

ЧТОБЫ БЫТЬ

надо посоветоваться

Дорогая редакция!
Я хочу с вами посоветоваться. Дело в том, что я все никак «не вырасту». Нет, я вовсе не хочу быть очень взрослой.
Мне очень скоро будет четырнадцать лет. Но папа и мама, наверное, считают, что я совсем маленькая. У нас в классе у всех есть часы. Но когда я попросила маму купить мне часы, то мне сказали, что у нас есть золотые часы, какие-то прадедушкины, я не поняла толком. И что эти часы я буду носить после десятого класса. Я ответила, что очень хотела бы маленькие, школьные часики, простые, чтобы только показывали время, а золотые мне не нужны. Посудите сами, зачем они? Я все время буду бояться, что с ними что-нибудь случится. Мне часы нужны только для того, чтобы знать время. Когда я услышала ответ, я разревелась. Мне сказали: «Если тебе нужно время, носи с собой будильник в сумке или в портфеле, а в театре или в кино тебе это совсем не нужно, а в крайнем случае спроси у кого-нибудь». Может быть, меня просто не понимают? Я знаю, есть недорогие, школьные часы. У меня родители научные работники, и не за деньгами, конечно, остановка... С часами — это раз. Есть еще проблема одежды (вместо туфель — сандалии), проблема прически (куда угодно — в театр, на школьный вечер — только косички с бантиками) и другие не менее важные задачи. Мы с мамой очень дружим, но на этой почве у нас всегда разногласия. Вот, например,

На письмо отвечает журналист

Дорогая Лена!

Твое письмо написано очень искренне: я верю, что ты действительно тяжело переживаешь свои разногласия с мамой, и, кроме того, ты справедливо пишешь в конце: «Я ведь не одна такая». Поэтому, прочитав письмо, я почувствовала необходимость ответить на него не коротко, в нескольких строчках, а подумать вместе с тобой и другими девочками, что же это с вами происходит.

Скажу тебе откровенно: у меня уже взрослые дети, и по возрасту я, вероятно, старше твоей мамы, но согласиться с ней не могу. Мне кажется, она неправа, когда хочет, чтобы ты выделялась среди подруг своим «детским видом», хочет сохранить тебя маленькой. И к тому же все эти проблемы: туфли, часы, прическа—не столь важны, чтобы из-за них так больно ранить свою дочку.

Времена меняются, и то, что считалось нескромным, даже неприличным, когда были молоды твои соседки (а они все-таки были молодыми, хоть тебе и не верится), то, что вызывало тогда возмущение, сейчас стало естественным. Двадцать лет назад девушка, появившаяся на улице в брюках, вызывала всеобщий протест. Сегодня всем ясно, что брюки во многих случаях не только удобнее, но и приличнее юбки. Когда появились короткие платья, они раздражали многих. Сейчас такое же раздражение вызывают длинные платья. Каждому поколению кажется красивым и приличным то, что было модно в годы его молодости; и тебе, по-моему, также не нужно возмущаться своими соседками, как им не нужно возмущаться современной модой. Каждому — свое.

Ты права: в четырнадцать лет можно иметь часы и делать прическу, носить туфли, а не сандалии...

Но в твоем письме есть еще одно замечание — вначале, о котором, мне кажется, надо поговорить серьезнее. Вот оно: «Я все никак не вырасту». Хотелось бы мне понять, что ты имеешь в виду под словом «вырасти». Если злополучные часы и туфли — то ведь нет ничего легче: рано или поздно мама купит тебе все это, и ты станешь взрослой. Но в том-то и беда, что одежда, каблуки и косметика меняют только внешний облик человека, а внутренний его мир остается прежним.

Я люблю смотреть весной на девушек: они заполняют все улицы; кажется, что в городе исчезают старые лица; идут и идут сотни, тысячи девушек, одна прелестней другой, все у них на месте: часы, прическа, туфли. Они так ясно, так чисто расцветают, они преисполнены сознания своей взрослости, так ждут таинственного, неизведанного... Но, глядя на них, я всегда думаю: дорогие мои, а что у вас там, за этой внешней прелестью? Готовы ли вы войти в трудный, хотя и прекрасный мир человеческих обязанностей, долга, любви и терпения — в тот мир, где живут взрослые?

Вот и тебя я хочу спросить: готова ли ты быть взрослой? Начнем с близкого — с тех самых папы и мамы, которые тебя «просто не понимают». Боюсь, что ты права, и это очень грустно. Но понимаешь ли ты их? Пы-

ВЗРОСЛОЙ...

в одном из номеров «Пионера» есть прически для девочек. Я показала маме, она очень возмутилась: «Разве можно девочкам такие прически! Это не для твоего возраста. Тут, по крайней мере, девочкам девятых—десятых классов и тем, у кого волосы вьются сами, а завивать волосы я тебе не позволю». Ей-то хорошо, у мамы волосы очень красиво вьются! Когда же я сказала, что прически эти для девочек пятых — седьмых классов, мама мне просто не поверила...

Думаете, легко так все время? Соседки меня считают наипримернейшей девочкой. А я хочу быть, как все ребята. Честное слово, я как-то хотела разбить стекло! Очень уж мне не нравится быть «прелесть-ребенком» в глазах у соседок, которые еще и в гимназии учились и вообще про молодежь они говорят так, как будто сами никогда в жизни не были молодыми, как будто они и родились такие, вечно сердитые. Одна симпатичная (это я раньше так считала, правда) старушка заявила, что носить часы девочке младше шестнадцати лет просто не-при-лич-но! Ну как вам это может понравиться?

Я очень вас прошу, ответьте мне, пожалуйста! Я ведь не одна такая. Очень хотелось бы, чтобы мне ответили ребята.

Заранее большое спасибо.

Лена Р.

г. Харьков.

надо посоветоваться

Наталья Григорьевна Долинина

талась ли понять, задумалась ли хоть на минуту, какое чувство движет твоими родителями?

Нет, Леночка, ты о них не думала. Тебя толкало одно-единственное и, к сожалению, вполне детское чувство: хочу такую же игрушку, как у брата, сестры...

А ты попробуй представить себе, что чувствует мама. Для нее ты и правда еще «совсем маленькая» — таково свойство материнской любви: для нас и взрослые дети всегда остаются теми, кого мы качали на руках, пеленали, убаюкивали,— ты тоже узнаешь это, когда станешь матерью. Мама тревожится за тебя, хочет уберечь, охранить, и самой большой опасностью ей представляется внешняя взрослость — вот она и бережет тебя, как умеет. В ее тревоге есть своя неправота — об этом я скажу позднее. Но ведь все, что она делает,— от любви. Об этом ты думала?

Я не осуждаю тебя за письмо в редакцию — ты не жаловалась на родителей, ты советовалась. Но сколько есть девочек, которые, не колеблясь, пишут о своей маме, называя ее по имени, отчеству и фамилии, просят редакцию: напечатайте, пусть ей будет стыдно, что она не пускает меня в кино, не покупает модное платье, не разрешает носить капрон...

А я думаю так: что бы ни случилось, мать есть мать, и отец есть отец. Можно рассердиться на них, обидеться, можно поссориться с ними, но никому на свете нельзя сказать неуважительное или неодобрительное слово о своей матери. Все мы бываем в чем-то неправы, и я бываю неправа по отношению к своим детям; они говорят мне об этом — иногда довольно резко; но я знаю абсолютно твердо: никогда, ни при каких обстоятельствах они — брат с сестрой—не станут между собой осуждать меня. Между собой, а не то что с кем-либо посторонним!

Почему это так? Может быть, этот закон чести, установленный взрослыми, несправедлив или устарел? Он не может устареть по той причине, о которой я уже говорила: всякий поступок, всякий шаг матери, даже неверный шаг, продиктован любовью.

Ты скажешь на это: да я разве хотела обидеть маму, да разве я об этом думала!

В том-то и беда, что не думала. Не научилась еще думать ни о ком, кроме себя. Если бы я была твоей мамой, меня беспокоило бы вовсе не то, что ты хочешь часы и прическу, а то, что ты до сих пор не научилась думать о других. И, мне кажется, охраняя тебя, мама делает одну очень серьезную ошибку: решает за тебя те вопросы, которые ты давно можешь и должна решать сама. Этим она мешает тебе вырасти.

Мне очень понравилось, что, говоря в своем письме о часах, ты все время подчеркиваешь: часы тебе нужны, чтобы узнавать время. Но ведь узнавать время можно по-разному. Если всего-то и нужно, что выяснить, сколько осталось до конца урока, тогда, конечно, можно спросить у подруги. Но если тебе нужны часы, чтобы научиться распределять свое время, научиться многое успевать делать, — это совсем другое, это очень важно.

Я знаю молодую женщину, которая не гуляет со своим ребенком, потому что не успевает. Она не купает малыша: ей трудно одной, а муж работает вечером. Все это, и правда, трудно. Но тысячи молодых женщин успевают делать все это, а она не успевает.

А началось все, я не сомневаюсь, с того, что в десять, двенадцать, четырнадцать лет мама решала за свою дочку, когда ей готовить уроки, когда идти на каток, когда читать книжку. Началось с заботы, а кончилось бедой, теперь страдает ни в чем не повинный ребенок.

Вот видишь, какие серьезные вещи выросли из пустяковой на первый взгляд проблемы часов. Эта проблема имеет и еще ряд поворотов. Вот один из них.

Мне было тринадцать лет, когда мой отец надел мне на руку свои дорогие часы. Это было в июле сорок первого года, мы расставались надолго: он уходил в ополчение, я уезжала в эвакуацию. Через месяц часы у меня украли, а может, я их просто потеряла. Следующие часы я купила через шесть лет на свои, заработанные деньги, хотя отец был профессор и мог купить что я попрошу. Но как-то в голову не приходило попросить.

Времена меняются — своим детям я подарила часы, когда им исполнилось четырнадцать лет. Но подарила сама — они не просили.

Твои родители — научные работники, и, если они не хотят тебе что-то купить, то ты понимаешь: «не за деньгами остановка». За чем же? Может быть, папа и мама, даже не отдавая себе в этом отчета, ждут от тебя той меры человеческого достоинства, когда ты не станешь ничего у них требовать?

Скажу тебе по секрету, мне трудно с сыном. Ему двадцать лет, он женат, у него ребенок. Денег у меня он не берет ни за что, работает и учится. Но каждый раз, как я что-то ему покупаю, я с трепетом несу эту вещь, зная, что услышу: «Ну зачем это? Обошлись бы и так». Мне трудно с ним, но я уважаю это стремление не быть обязанным никому, даже родной матери.

Ты скажешь, что тебе всего четырнадцать... Все это так, но состояние взрослости, к которому ты стремишься, диктует: не считай никого обязанным помогать тебе.

Взрослый человек прежде всего отвечает за себя сам. Как в пустяках, так и в более серьезном, так и в самом серьезном — во всей своей жизни.

Ты пишешь: «Мы с мамой очень дружим, но на этой почве у нас всегда разногласия». Я не знаю, что ты называешь дружбой: но, как мне представляется, дружба (и любовь тоже) — это прежде всего умение чем-то поступиться, чем-то пожертвовать ради другого. Уметь глубже и острее чувствовать за другого, чем за себя. В твоем случае — это умение подумать: а бог с ними, с этими часами, была бы мама спокойна...

Меня поразили однажды две девушки-близнецы. Они пришли из парикмахерской в прическах и с маникюром, торопились на выпускной вечер, но одна из них успела заметить, что мать с больным сердцем моет пол в коммунальной уборной. «Стой, Люська, я сейчас»,— сказала она сестре и, как была, в красивом платье, мгновенно вымыла руками с маникюром унитаз и стены, протерла пол и, положив тряпку у порога, удовлетворенно вздохнула: «Вымою руки и пойдем». Сестра стояла рядом отрешенно и надменно, оберегая свое платье и свой маникюр. Почему они выросли такие разные? Потому что одна только принимала то добро, которое ей щедро давали, а другая воспитывала себя сама, училась обращать это добро на других.

Вот теперь вернемся к твоим родителям. Я уже говорила, что, на мой взгляд, они напрасно считают тебя маленькой. Ты уже достаточно взрослая, чтобы воспитывать себя сама. Но я совершенно уверена: если бы они убедились, что ты не только стремишься выглядеть взрослой, но хочешь и умеешь поступить как взрослая, они поняли бы тебя.

Когда маленькая двухлетняя девочка примеривает перед зеркалом мамины бусы или шляпку, мы умиляемся: в такой малышке уже просыпается женственность! В четырнадцать лет женственность—большое достояние, его можно умножить, а можно и растерять. Стремление украсить себя естественно, против него нечего возразить. Но оно может обернуться жестоким эгоизмом, если его не смирять, не обуздывать. А главное в подрастающей женщине другое — умение взять на себя заботу о других, умение отказаться от того, чего тебе очень хочется, ради человека, которого ты любишь. Пока тебе четырнадцать — это родители. Потом, когда вырастешь, это будет муж, ребенок и те же мама и папа, только уже постаревшие.

Леночка, поверь мне: я знаю остроту желаний в твоем возрасте. Но ты станешь старше, и у тебя может возникнуть простой вопрос: что купить — чулки себе или колготки ребенку? Очень захочется пойти в театр, а мама заболеет, и надо будет отказаться от театра. Да мало ли может возникнуть таких обстоятельств, к решению которых надо приготовить себя сейчас, заранее,— иначе не получится из тебя настоящая женщина.

Может показаться, что я сама себе противоречу: с одной стороны, говорю: мама неправа; с другой — призываю тебя стерпеть ее неправоту. Но это и есть основа человеческих отношений, когда обе стороны чем-то жертвуют друг для друга. Не думай, что все это — насилие над твоей личностью. Наоборот, человек только тогда и становится личностью, когда выучивается смирять свои желания ради другого.

Вот это, по-моему, и есть то главное, о чем нужно думать девочке в четырнадцать лет,— как приготовить себя к тому, чтобы быть взрослой.

А часы — ну, что такое часы? Конечно, их можно носить в твоем возрасте. Но только отдай себе отчет: доросла ли ты до своего возраста? Выросла ли настолько, чтобы считать себя взрослой по существу, а не только по внешности. И, поверь, если ты выросла, тебе не захочется ничего требовать, потому что все эти внешние вещи окажутся пустяками по сравнению с тем увлекательным и серьезным взрослым миром, который откроется перед тобой.

Не сердись на меня, Лена, если я сказала тебе некоторые горькие истины. Это тоже входит в понятие взрослости — уметь выслушивать не только одно приятное. Вероятно, я не во всем и не сразу убедила тебя. Ну что ж, и это не страшно—мне только хотелось, чтобы ты задумалась над словом «вырасти». Если ты подумаешь, я буду считать, что достигла своей цели. А может быть, задумаются и другие девочки: таких, как ты, действительно много.

ПОТОМУ ЧТО ИНТЕРЕСНО!

«Я буду математиком»,
«Я буду шофером»,
«Я буду учительницей» —
прекрасно так думать
и заманчиво так говорить.
А если без «буду»?
Если спросить,
кто ты теперь,
сегодня?
Чему ты научился?
И что успел полюбить?

Ребятам, которых ты видишь на этих фотографиях, найдется, что рассказать в ответ.

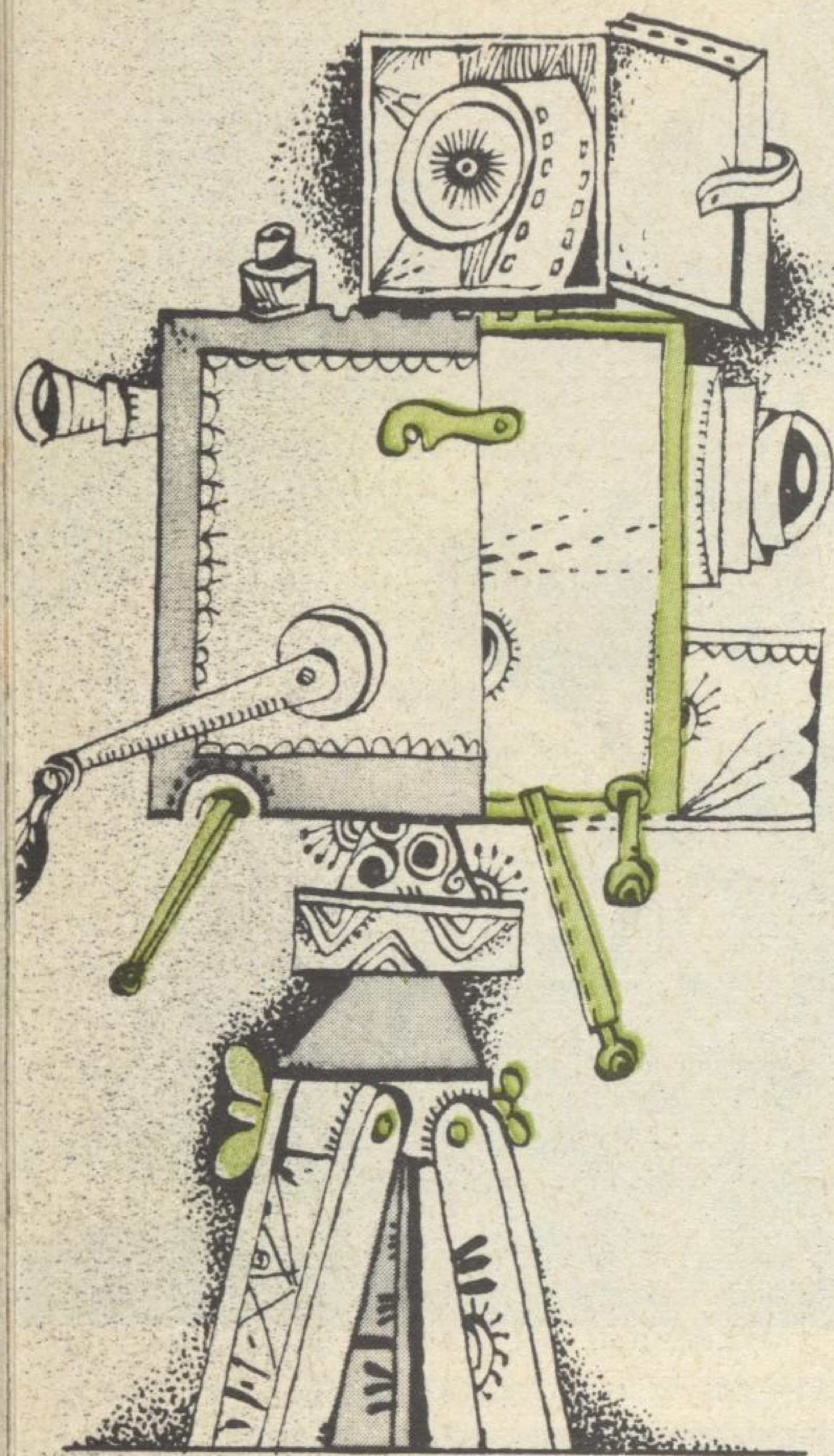
Мирославу Перхулину — о кроликах, которых он вместе с товарищами по кружку разводит у себя, в селе Черниеве Ивано-Франковской области;

Вячеславу Бережному — о колхозном цирке, где он заслужил славу веселого и ловкого клоуна;

Игорю Замаенко — о том, что каждому делу, даже самому непривычному, можно выучиться, если ты человек настойчивый и с понятием.

А о том, что может рассказать эта девочка, ты, наверное, догадываешься: о том, как непросто и как все-таки прекрасно учиться...

ПЕРВЫЕ ЧУДЕСА КИНО

А. МИТТА, кинорежиссер

В конце девятнадцатого века люди придумали массу прекрасных вещей. По тонким полоскам стали покатились железные вагоны. Их везли паровые машины на колесах с длинными трубами, из которых валил пар. После столетий владычества парусного флота железные корабли заполнили морские просторы. В небо стали подниматься летательные аппараты, похожие на этажерки. Отважные «летатели» в огромных мохнатых кепках, с лихо закрученными усами гордо ходили по земле в сопровождении восторженных мальчишек.

Чудеса появлялись буквально всюду. Оказалось, что можно, не рисуя, получить точную копию человеческой фигуры — достаточно на какие-нибудь две-три минуты застыть перед большим ящиком, в котором помещена стеклянная пластинка с бромосеребряной пленкой.

Это изобретение называлось фотографией — «видеозапись». Люди замирали, восторженно уставясь на толстую линзу объектива. К ним подходил важный фотограф в черной бархатной куртке, трогал людей за уши, поднимал лица кверху за нос, поправлял ноги, чтобы они стояли прочнее.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Потом фотограф забирался под черное покрывало и в темноте колдовал над своим огромным фотоаппаратом. Слышались только команды:

— Спокойно! Не шевелитесь! Внимание! Раз... два... три... четыре... пять... пятнадцать... тридцать семь... девяносто... Ап! Приходите поглядеть пробный экземпляр.

И надо же!

С фотокарточек таращились изображения точь-в-точь как живые, только люди выглядели малость поглупее. Но техника шла вперед. Скоро фотографировать стали так быстро, что и глупость стала незаметна.

— Какой прогресс! — удивлялась мама, разглядывая фотокарточку ребенка.— Ну, совсем как живой! Только что не шевелится.

— Скоро и до этого додумаются,— говорил папа, поглаживая усы.

— Ах, какой ты фантазер! — удивлялась мама. Ей это казалось невероятным.

Но движущаяся фотография появилась в самом конце девятнадцатого века. И надо вам сказать, киноаппарат—удивительно простое изобретение, не сложнее велосипеда и гораздо проще автомобиля, а родились они почти в одно время.

В Париже жили братья Люмьеры — Огюст и Луи. Однажды пришла им в голову идея: что, если изобрести аппарат, который смог бы показывать фотографии, снятые очень быстро, одна за другой? Тогда, пожалуй, люди увидят, как неподвижные фотографии оживут.

Братья Люмьеры были люди деловые: задумались и изобрели киноаппарат. Они, конечно, не все выдумали сами, но остроумно собрали в одном аппарате разные изобретения и 13 февраля 1895 года взяли патент на «аппарат для получения и разглядывания хронофотографических снимков».

Через год с небольшим состоялся первый киносеанс в подвальчике «Гран-кафе» на бульваре Капуцинов. Среди приглашенных был Жорж Мельес, руководитель маленького театрика, в котором показывались фокусы.

Вот как он потом описывал этот сеанс:

«Мы находились перед маленьким экраном, на котором появилась неподвижная фотография, изображающая площадь Белькур в Лионе. Немного удивленный, я только успел сказать соседу:

— Так из-за этой проекции нас потревожили — я этим занимаюсь десять лет.

Не успел я закончить фразу, как лошадь, везшая телегу, пошла на нас, а вслед за ней — другие экипажи, потом прохожие — словом, вся уличная толпа. При виде этого зрелища мы сидели с открытыми ртами и остолбенелые от удивления, пораженные донельзя».

Сразу же после просмотра Мельес кинулся к Люмьеру. Он просил продать ему киноаппарат. Но Люмьер не согласился. «Через два года эта выдумка наскучит людям, тогда приходите. А пока я хочу сам его эксплуатировать»,— сказал он.

Надо заметить, что деловое воображение Люмьера было богаче, чем художественное.

Он наснимал несколько простых сюжетов: «Прибытие поезда», «Выход рабочих с фабрики Люмьера», «Завтрак ребенка» — и на большее его фантазии не хватило.

Полтора года люди валом валили в «Гран-кафе». Шутка сказать — живые люди выходят с фабрики, поезд подходит к станции, ребенок ест ложкой кашу. А потом это надоело. Приходит себе поезд и приходит, ест ребенок кашу, ну и пусть ест. Видели! Зрители перестали ходить в кино.

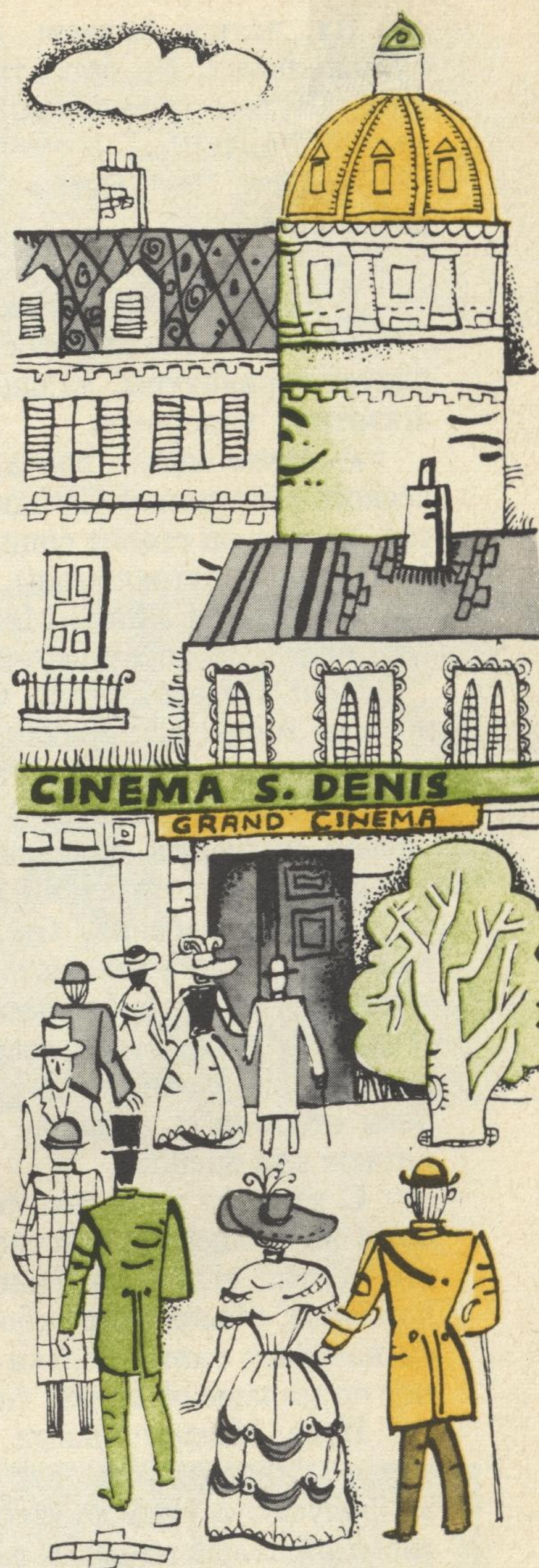
А тут еще случилось ужасное происшествие. На благотворительном базаре около Елисейских полей поставили павильон для демонстрации фильмов. Вечером в разгар праздника вспыхнула эфирная лампа, которая давала свет на экран. Через две минуты запылал весь базар. В панике погибло много людей.

А обвинили во всем кино.

После пожара люди опасливо обходили кинозалы. Поход в кино стал в глазах обывателей чем-то вроде путешествия к жерлу вулкана. Доходило до того, что зрителей приглашали задаром посмотреть кино и убедиться что это безопасно.

Золотые времена? Только беда в том, что смотреть в кино почти нечего.

И в этот драматический момент в новое искусство приходит удивительный человек — Жорж Мельес.

Правду говорят: маленькие дети — маленькие заботы, большие дети — большие заботы.

Вот, например, у папаши Мельеса, фабриканта обуви, родился сын Жорж. Это был очаровательный ребенок: живой, смышленый.

Папа журил его, но, в сущности, был доволен: сыну предстоит наследовать нешуточное дело — процветающую фабрику сапог, да не каких-нибудь, а модельных. Так что неплохо, что мальчик увлекается рисованием: он сможет сам проектировать туфельки для парижских модниц.

Приятно также папе, что сынок все досуги проводит в механической мастерской. Правда, он там мастерит автоматы для демонстрации фокусов. Что ж, попутно изучит механику. Время ручного труда прошло, папаша Мельес выписывает из Англии новейшие машины. Владелец фабрики, понимающий в механизмах,— это по нынешним временам большой плюс в деле. И он поощряет увлечения Жоржа.

Он даже отправляет сына в Лондон. Англичане — прирожденные механики. Быть может, интерес к новым станкам для обточки подошв пересилит вздорные увлечения белой и черной магией.

Кажется, Лондон успокоил мальчика. Он вернулся на фабрику и за четыре года изучил до тонкости тайны и хитрости всех станков и механизмов.

Но никогда не знаешь, откуда ждать ударов судьбы.

Гром ударил с ясного неба. В один из несчастных дней Жорж объявил родителям, что собирается уехать в Париж и стать там — кем бы вы думали! — фокусником.

Оказывается, он столько лет с усердием изучал механику станков, чтобы применить ее для изготовления аппаратуры фокусника.

Мы видим братьев Люмьеров, создателей кинематографа, в своей лаборатории.

Ну, всякое бывает: дочки убегают с гусарами, сыновья становятся художниками. Но бросить богатую фабрику, чтобы стать нищим фокусником! Шутом гороховым!! Подонком, развлекающим маленьких детей и пьяных гуляк!!!

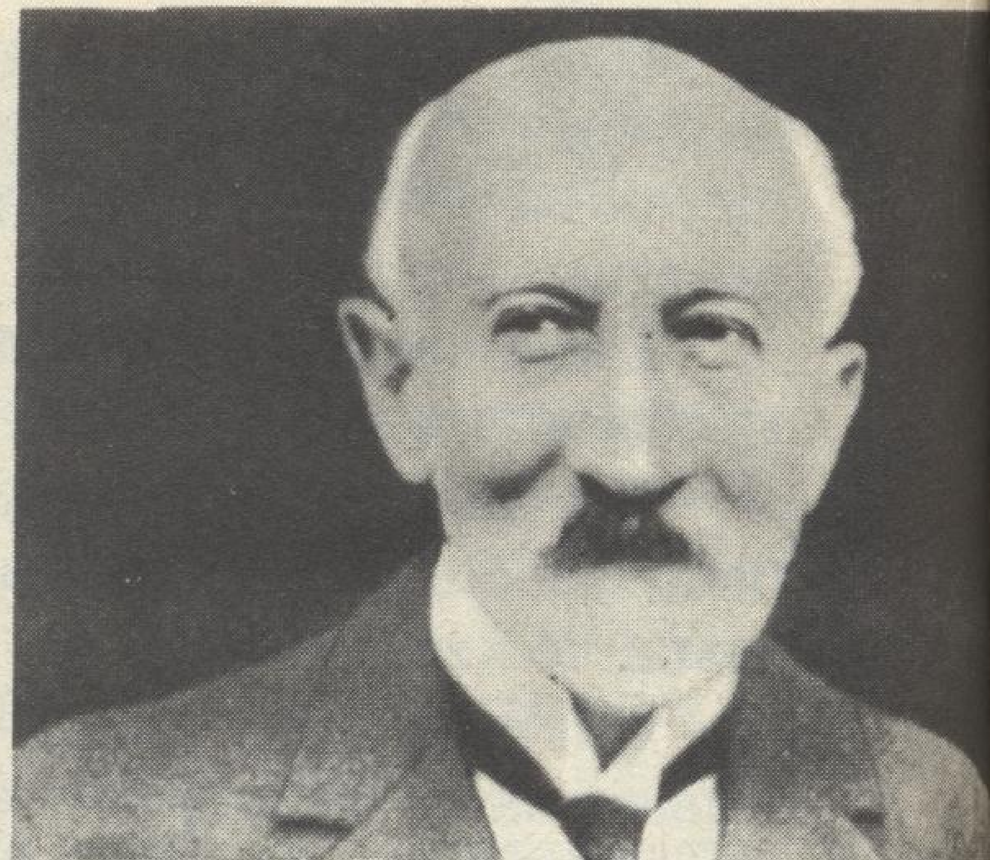
— Нет! Нет! Нет! — заявил папа.— Прокляну! Лишу наследства и не дам ни копейки!

— Что ж,— решил Жорж.— Если нет денег, их надо заработать.

И папе Мельесу был нанесен еще один удар.

— Вы слышали новость? — хихикали соседи.— У старого Мельеса сын рисует карикатуры, да еще политические, почитайте журнал «Ля Грифф»— животики надорвете.

— Боже мой,— кричал папа Мельес,— мне не хватает в семье политического критикана! Сегодня он рисует в смешном виде представителей власти, завтра он станет социал-радикалом! Я этого не переживу! Пусть лучше ярмарочные аттракционы, чем шутки над правительством.

Жорж Мельес, первый киносказочник XX века.

И молодой Жорж Мельес получил деньги на приобретение крошечного театрика, где он сможет показывать свои фокусы.

Ура! Правительство Франции может спокойно спать! Неукротимая энергия молодого карикатуриста нашла себе примерное применение. А у детей Парижа появилось удивительное развлечение — театр фокусов, чудес и необыкновенных превращений. Крошечный, малюсенький, но театр. Со сценой, кулисами, зрительным зальчиком.

Двадцатисемилетний Жорж наконец доказал всем, что он действительно большой ребенок. Он показывает фокусы детям, а те сидят, широко раскрыв глаза, удивляются, орут от восторга и хлопают, пока не опухнут ладошки. Фокусы Мельеса происходят в таинственной атмосфере, в зале средневекового замка, освещенного лунным светом. Озноб продирает, когда видишь, как сами собой летают по сцене башмаки и шляпы, оживают портреты старинных предков, а человеческие тела становятся легче воздуха и летают над сценой.

С утра до ночи носится Жорж Мельес по своему театрику. Приткнувшись за кулисами, быстро набрасывает эскиз декорации, потом размашисто чертит углем по фанере контуры шаблона столяру, эскиз костюма — портнихе, объяснение работ — жестянщику, чертеж — механику. Музыканту он напевает такты польки, с фигуристками из балета задирает ноги и скачет по маленькой сцене, как мартышка в клетке.

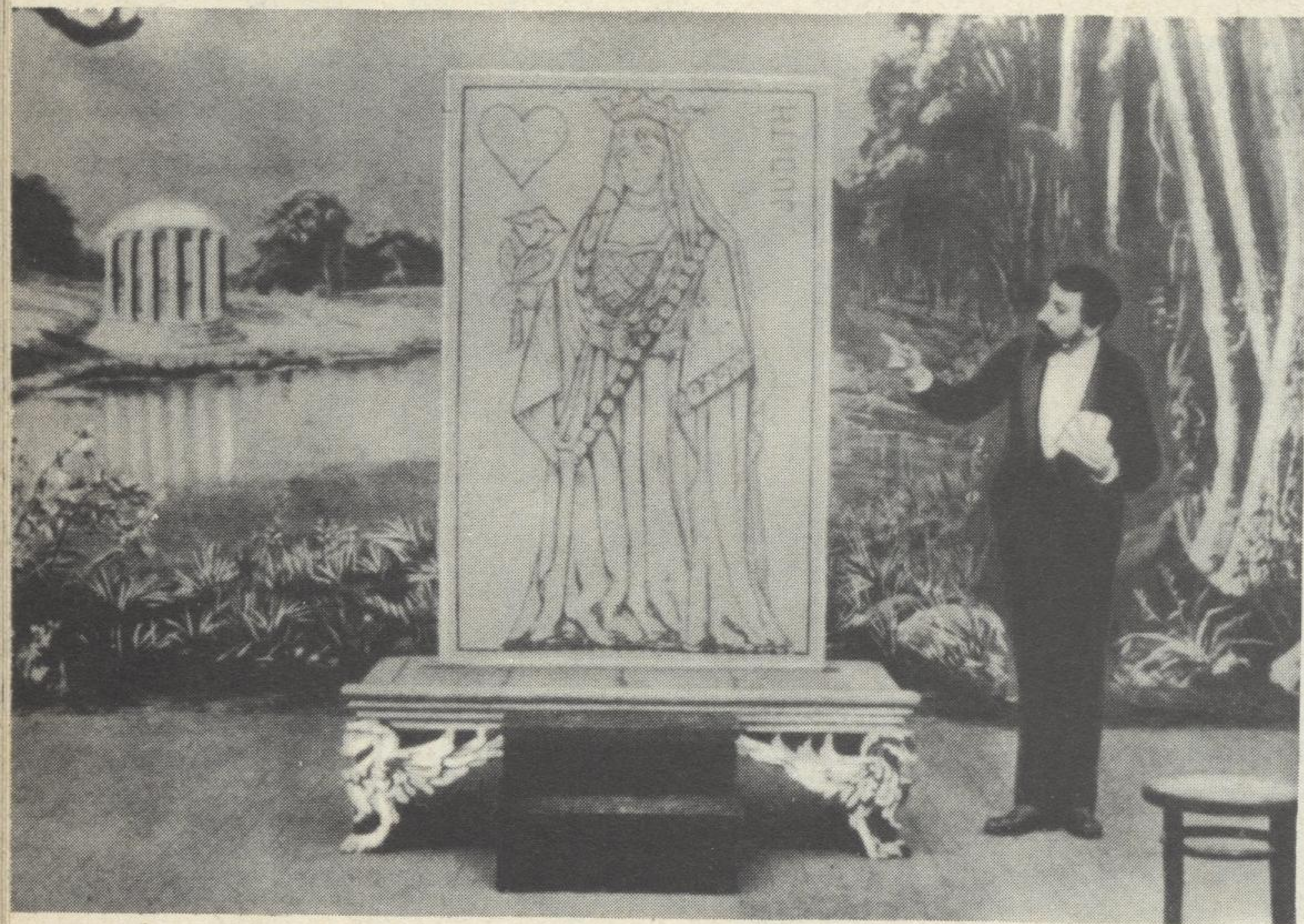
Папа Мельес иногда забредет на представление. Все-таки вложены деньги! Ничего, есть что поглядеть. Зачем только Жорж сочиняет фокус за фокусом с утра до ночи? Можно ведь без хлопот кормиться одной программой целый месяц, а то и три.

Увы, Жорж счастлив, только когда он выдумывает что-то новое.

— Нет, этот человек никогда не добьется успеха. Он слишком увлекается. Он не умеет считать деньги. Вот, например, глупое изобретение — жестикулирующие фотографии. Безумец Жорж готов отвалить десять тысяч франков, целое состояние, за аппарат для хронофотографии. И это в тот момент, когда, по уверению самого изобретателя почтенного господина Люмьера, публика пресытилась выдумкой. Вот господин Люмьер будет процветать, а этот шалопай кончит лоточником на Лионском вокзале.

Итак, Жорж Мельес приступил к съемкам собственных кинофильмов. В короткое время он наснимал их несколько дюжин. Это, правда, были очень короткие фильмы, по две-три минутки. Поначалу они ничем не отличались от фильмов Люмьера.

Но однажды на съемках в киноаппарате произошла задержка пленки. Через минуту аппарат снова пустили в ход. На просмотре Мельес изумился: в том месте, где произошла заминка с пленкой, омнибус превратился в похоронные дроги, а веселые мужчи-

Посмотрите на этот кадр из фильма Мельеса «Живые карты», и вы убедитесь сами, что кино родилось на ярмарке.

ны — в плачущих женщин. Это был примитивный трюк. Сейчас даже дошкольники не удивляются ему. И он вышел случайно, сам собой. Но тогда Мельес сделал сенсационное открытие. Он понял, что в кино можно делать трюковые съемки. Судьба послала ему в руки бесценный подарок. Ему, лучшему фокуснику Франции, предстоит открыть новую страницу в истории мирового искусства!

От радости и волнения Жорж выбежал в сад своего дома и скакал по дорожкам, высоко задирая ноги, раскланиваясь с кустами роз и во весь голос выводя тирольские рулады.

«Рано или поздно каждому человеку начинает везти»,— говорил неунывающий Мельес. И вот слава и успех пришли к нему. Его фильмы показывают в тридцати ярмарочных балаганах. Заказы поступают из Англии и Америки. Мельес строит киностудию в своем саду Монтрэ. Одну за другой выпускает он сказочные феерии: «Жанну д'Арк» и «Красную шапочку», «Робинзона Крузо» и «Синюю бороду». В 1902 году с необыкновенным триумфом показывается «Путешествие на Луну». Это веселая, добродушная сказка о чудаках, которые сели в снаряд. Очаровательные девушки в коротких платьицах зарядили снарядом пушку, пританцовывая, выстрелили в небо, и мудрецы упали на Луну. Луна сморщилась и чихнула, когда в нее попал снаряд. А мудрецы, проспав ночь на холоде, повстречали на Луне множество чудес и страшилищ, огромных пауков и маленьких увертливых лунатиков, похожих на скелетики.

Вся Франция потешалась, глядя на трюки и фокусы Мельеса.

Папашу Мельеса спрашивали:

— Скажите: Мельес, который делает эти знаменитые фильмы, он ваш родственник или однофамилец?

— Это мой сын,— гордо отвечал фабрикант модельной обуви.

Трюки Мельеса становились все более замысловатыми. Вот описание одного из них, оставленное восторженным современником:

«Это один из самых потрясающих фокусов, когда-либо снятых в кино. Фокусник выходит на сцену и, поклонившись публике, снимает свою голову, и кладет ее перед собой на стол. У него немедленно вырастает другая голова, и, чтобы показать, что здесь нет никакого мошенничества, он пролезает под столом, на котором лежит его первая голова. Затем он снимает вторую голову, потом третью и все головы кладет на стол. У него вырастает четвертая голова, которая разговаривает с тремя, находящимися на столе.

Потом он начинает играть на банджо. Три головы начинают петь. Поют они нескладно, музыкант бьет их инструментом, и они исчезают. Тогда фокусник снимает свою голову, бросает ее вверх, и она падает ему обратно на плечи. Он кланяется и уходит».

Не правда ли, странное кино на наши сегодняшние вкусы? Но не забудьте: это происходит в 1902 году. Кино проживает на ярмарках, в балаганах между «живой русалкой» и «ИКС»-лучами, позволяющими видеть «внутренности человека и тайны живого тела». Тут же поднимает гири «чудо XX века — мадам ПУД».

Кино еще не стало искусством в нашем сегодняшнем понимании. Люди опасливо разглядывают новое изобретение. И само кино похоже на существо, недоуменно разглядывающее свои руки и ноги, не зная, что делать с ними.

III КРАХ МЕЛЬЕСА

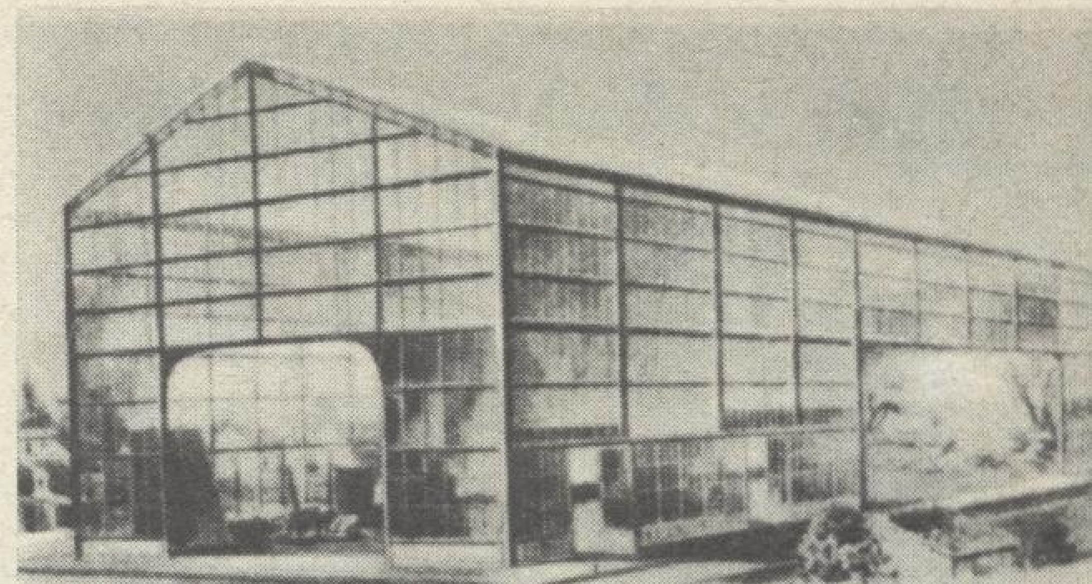
Но никакой успех не бывает долгим. Кино слишком сильно зависит от вкусов людей. Сегодня нравится одно и кажется, что это будет нравиться вечно, а завтра зрителей начинает интересовать что-то новое.

Жорж Мельес понимал это лучше, чем кто-либо другой. Уж он-то старался выдумывать все время что-нибудь новое. И все-таки однажды ему пришлось услышать:

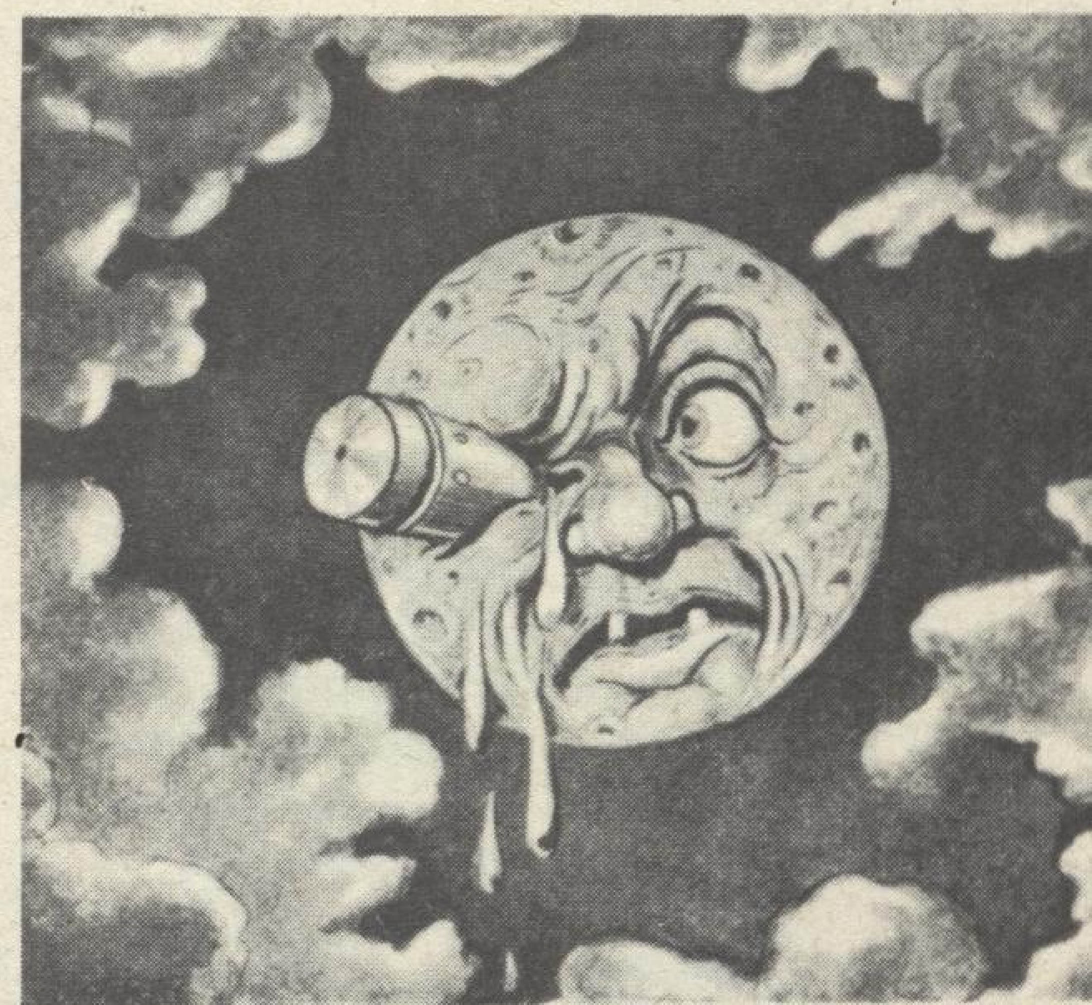
— Стиль ваших фильмов устарел, публика смотрит феерии Мельеса без прежнего восторга. И потом они слишком дороги, ваши произведения. Американцы продают свои картины дешевле.

— Но я придумываю сложнейшие трюки. Таких нет ни у кого. В каждый фильм я вкладываю все свои деньги,— объясняет Мельес прокатчикам.

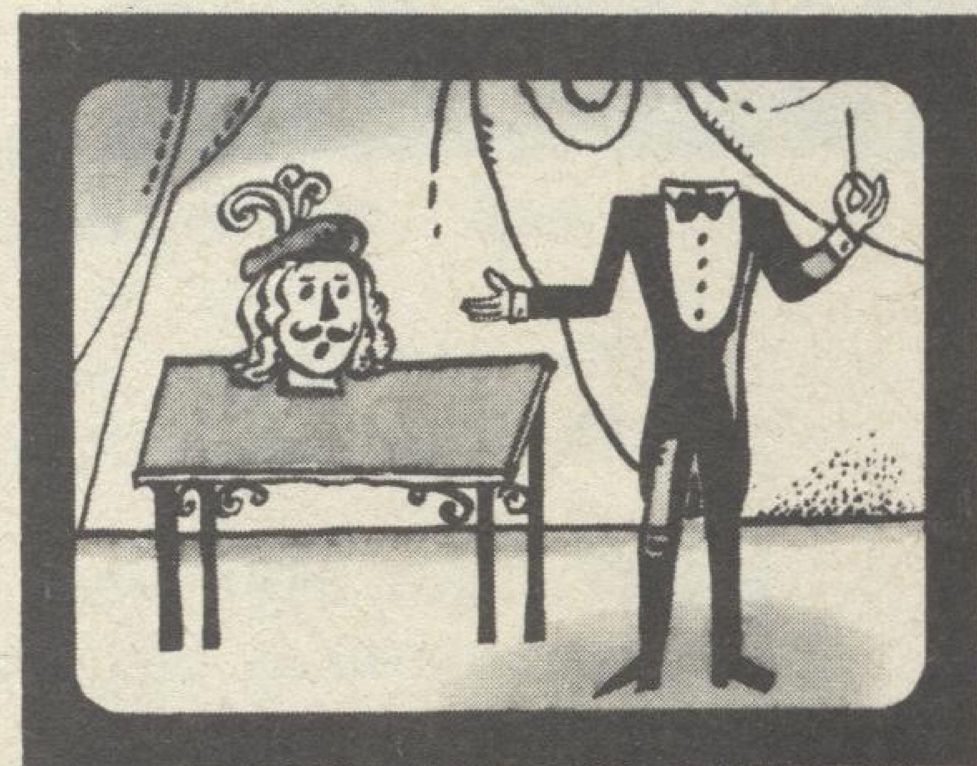
Те только пожимают плечами. Они хотят покупать дешевле.

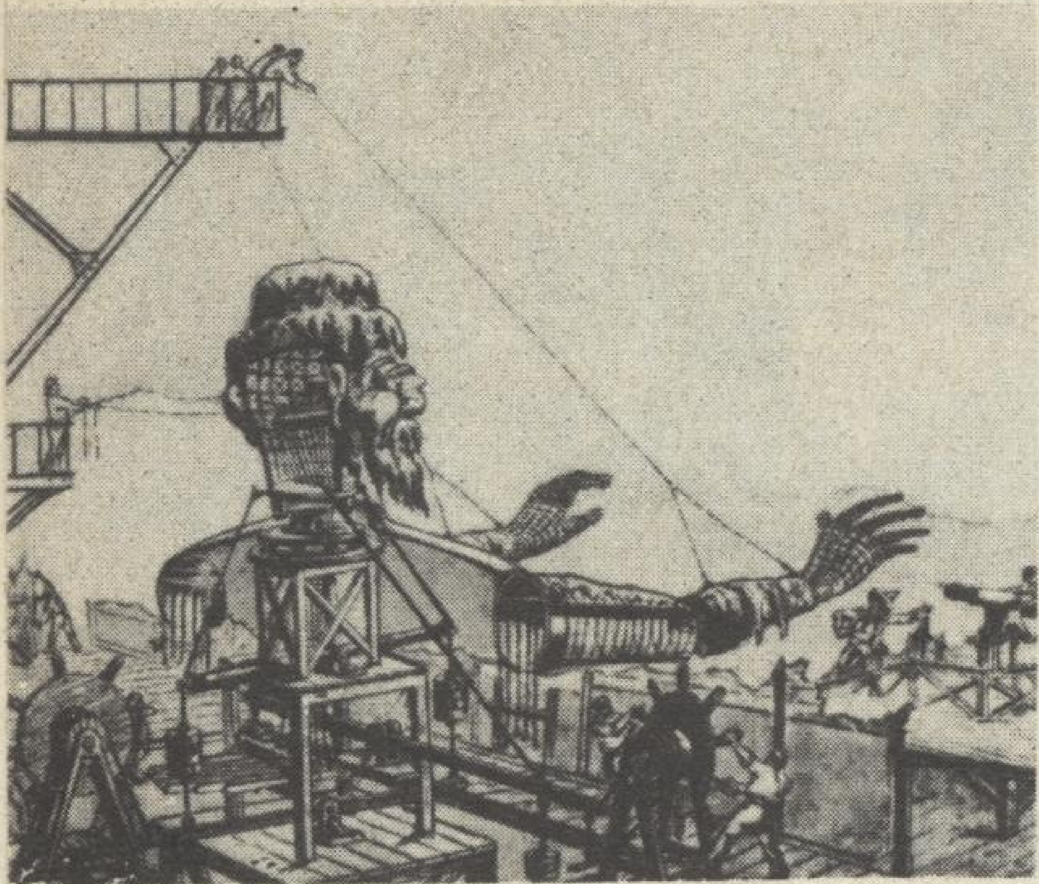
Такой была киностудия Мельеса.

А это кадр из фильма «Путешествие на Луну».

Посмотрите, сколько понадобилось приспособлений и механизмов, чтобы на экране появился снежный великан, хозяин Северного полюса. Десятка полтора людей приводят в движение его руки, голову, глаза. Это огромная механическая игрушка, рядом с которой актеры выглядят, как лилипуты перед Гулливером.

Громоздкие механизмы-великаны соседствовали в фильмах Мельеса с миниатюрными игрушками.

Я представляю, как мечется Мельес среди банкиров, любителей искусств, но еще больших любителей маленьких золотых монеток в толстеньких круглых стопочках.

— Уважаемый мосье Фигсмаком, я прошу вас финансировать новую серию моих фильмов,— говорит Мельес.— Я не сомневаюсь в успехе и доходе от показа зрителям.

— Конечно, дорогой мэтр. Это наш священный долг — поддерживать национальное искусство,— воодушевленно отвечает мосье Фигсмаком.— Я полон восхищения перед вашими фильмами. Я должен вам сказать, что хожу на них с супругой и детьми. Я даже служащим своей конторы покупаю билеты на ваши феерии. Нет, мы не допустим, чтобы знамя юного искусства выпало из ваших мужественных рук!

— Благодарю вас,— растроганно улыбается Мельес,— значит, я могу рассчитывать на вашу финансовую помощь?

— Мой дорогой друг, конечно! Это мой священный долг. Как только суммы, пущенные мною в оборот, вернутся ко мне...

— А когда эти суммы вернутся? — спрашивает Мельес.

— Ну-у-у, думаю, что к весне или, точнее, к осени я получу возможность...

— К осени? — ошеломленно спрашивает Мельес.

— Да, к осени я получу возможность более определенно известить вас о сроках, когда наша контора будет иметь свободные суммы для кредита.

«Черт с ними, с этими любителями! — думает Мельес.— Есть в конце концов просто деловые люди. Сухие и расчетливые. Они должны понять свою выгоду. Пойду к ним».

— Уважаемые господа Жлобкинс и Нахалкинс, вы знаете, что мои фильмы в прошлом приносили значительные доходы. Среди них были и такие, которые обошли весь мир. Люди, которые пожелали взять на себя финансирование этих фильмов, обогатились. У меня есть прекрасные идеи, которые принесут вам много денег.

Он ждет ответа. Мосье Жлобкинс закуривает сигару и смотрит на Нахалкинса. Тот разглядывает потолок и, не глядя на Мельеса, говорит:

— Допустим, мы дадим вам деньги. Вы можете снимать дешевле американцев?

— Видите ли, в моих фильмах раскрывается сказочный мир человеческой фантазии. Я создаю уникальные механизмы, сказочных чудовищ, великанов. А американцы снимают примитивные сюжеты на воздухе без специальных приспособлений...

— И гребут деньги лопатой,— перебивает Мельеса мосье Жлобкинс.

— Вы мечтатель, господин Мельес, а мы деловые люди,— говорит мосье Нахалкинс.— У вас прекрасные мечты. Но скажу вам с деловой прямотой: сегодня я под них не дам гроша ломаного.

Мельес в отчаянии. Но он не теряет надежды. И правильно делает. Удача все-таки мелькнула перед ним.

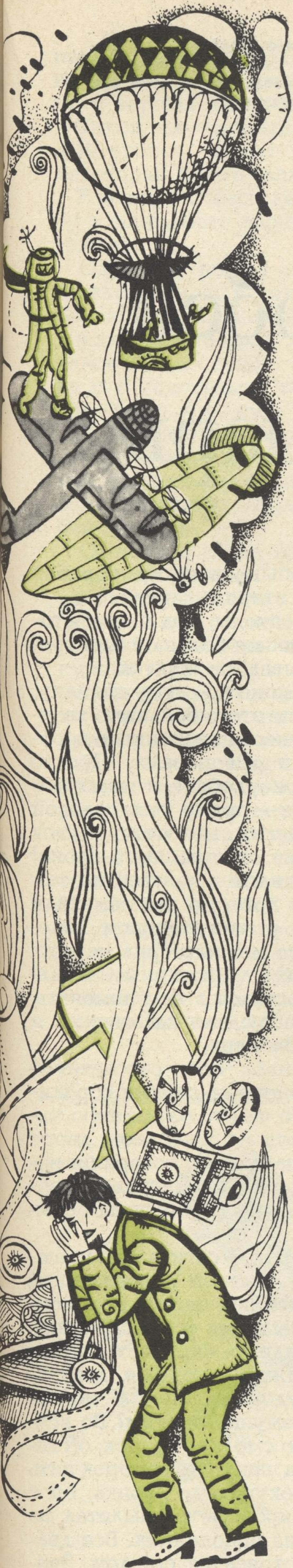
Фирма Пате предлагает Мельесу заказ на серию дорогих фильмов. Однако Пате — деловой человек: он не может работать без гарантии. Мельес закладывает свой дом и студию. Если фильмы не получатся, он будет разорен.

Но Мельес уверен в успехе. У него в голове фантастическая идея фильма об экспедиции на Северный полюс. Это то, что в девятьсот девятом году волнует умы людей. Каков он, загадочный Северный полюс? Нога человека еще не ступала в эту точку земли. Дирижабль генерала Нобиле пролетит над Северным полюсом почти через двадцать лет. Так что Мельес может упражнять свою фантазию. И он постарался на славу.

Сказочные модели самолетов и дирижаблей, чудесное путешествие китайца и англичанки на воздушном шаре. Встреча с грозным снежным великаном. Чудовище особенно великолепно. Оно в десять раз больше человека. Сконструированный с большим искусством великан шевелит руками, качает головой, вращает глазами и курит трубку. Мельес, радостный, хлопочет около необыкновенной механической игрушки. Трюки роятся в его голове. Он еще заставит зрителей повеселиться, он еще раз повторит небывалый успех «Путешествия на Луну».

Увы, картину ожидает провал. В своем стремительном движении кино безнадежно обогнало Мельеса. Это не просто неудача, это полный крах.

В последний раз Жорж Мельес прошел по комнатам не принадлежа-

щего ему дома. Он вышел в сад, где снимал свои лучшие фильмы. Этот сад тоже теперь не его. Он может вывезти и свалить где-нибудь на чердаке копии своих никому не нужных фильмов, тысячи рисунков и эскизов.

— Так пусть все сгорит! — в отчаянии решает Мельес. Он стаскивает в сад холсты и папки с рисунками. Яростно разматывает рулоны пленки. Это — хорошее топливо, далеко виден огонь, в котором сгорает жизнь Жоржа Мельеса. Через сорок лет Французское кинохранилище будет по крохам собирать остатки, обрывки сохранившихся фильмов. Они будут буквально на вес золота: их ведь осталось так мало...

А в ту ночь много жара было от сгоревшей пленки. До самого рассвета носились по саду копоть и кусочки сизой сажи. А сам Мельес пропал. Никто не знал, куда он делся. Да и не до него было. Началась первая империалистическая война, потом революции, послевоенное переустройство мира.

Кино вспыхнуло и расцвело тысячами новых имен. О Мельесе забыли.

В 1928 году какой-то журналист обратил внимание на продавца оловянных солдатиков и дешевых леденцов — в маленьком киоске Монпарнасского вокзала. Это был старичок с бородкой клинышком, он торговал, низко нахлобуча шляпу и кутаясь в пальто: на вокзале были жуткие сквозняки. У старика были удивительно живые глаза, и каждого ребенка он встречал приветливой улыбкой.

Журналист подошел, купил дешевую игрушку и спросил старика:

— Извините, мосье, как вас зовут?

— Жорж Мельес.

Рано или поздно каждому человеку повезет — не об этом ли говорил Жорж Мельес? На этот раз повезло журналисту. Он набрел на сенсацию. И где? В центре Парижа!

Франции были очень нужны великие люди. В честь внезапно обретенного великого человека дали банкет. Устроили торжественный киносеанс, для которого с трудом отыскали где-то в провинции несколько старых фильмов. Они валялись в заброшенной оранжерее. Мельесу назначили государственную пенсию, правда, очень скромную, и поместили в дом престарелых членов общества взаимопомощи киноработников. Дом этот помещался в старинном замке Орли.

Попав туда, Мельес сразу же заказал визитные карточки: «Жорж Мельес — обитатель замка Орли» — и разослал их всем друзьям. Он не утратил ни юмора, ни доброты.

Умер Мельес семидесяти шести лет зимним днем 1938 года. Перед смертью, лежа в постели, он рисовал веселую карикатуру на свою сиделку.

В некрологе Мельеса было написано:

«Кавалер ордена Почетного легиона.

Бывший директор театра Робер-Уден.

Почетный председатель правления союза фокусников, создатель кинематографического спектакля.

Изобретатель современной кинематографической техники. Основатель профессионального союза киноработников».

Талантливый и добрый человек,— добавим мы.— Больше всего любивший сказки.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Эту забавную историю прислал нам директор школы из города Шахтерска Н. КОРТЫШКОВ. Думаем, что и тебе она тоже понравится.

Воробей Звонарь

Первыми этого необыкновенного воробья заметили пионеры из второго отряда.

На наружной стене школы, под окном второго этажа, у нас подвешен большой электрозвонок, из тех, что бывают в шахтах.

Когда он звенит, слышно по всему поселку.

И вот здесь-то, в чаше этого большого звонка, и поселился наш необыкновенный воробей. Мы его назвали «Звонарем». Просто удивляешься, до чего неудобное и неуютное место он выбрал себе — прямо над головой вибрирует металлический молоток, и вся «квартира» сотрясается от страшного звона!

Когда воробей поселился — неизвестно, может быть, жил там с лета, но мы заметили его только в ноябре, с наступлением холодов. Гнездо он, видимо, не мастерил, а воспользовался давнишним ласточкиным жильем, подправил его и остался в нем зимовать.

Всей школой мы наблюдали за жизнью и повадками храброго Звонаря.

Просыпается он рано. Чуть рассветет — уже сидит на подоконнике со своими сородичами, и вся компания о чем-то оживленно чирикает. С восьми часов на школьном дворе появляются дети. Звонарь и его товарищи начеку, они притихли, зорко высматривают поживу, смотрят, как малыши расстегивают сумки, вытаскивают еду.

Звонок на первый урок — сигнал для нашего Звонаря. Он летит к своей дребезжащей квартире и усаживается над нею на подоконник. Прихлопывая крыльями и подскакивая, он открывает клюв, видимо, чирикает. Грохот и дребезжание его хижины, похоже, доставляли ему истинное удовольствие, а может быть, наоборот, он возмущался этим? Во всяком случае, как только смолкал звонок, он торопливо забирался под чашу. Через сорок пять минут — за две-три секунды до звонка, он с точностью хорошего хронометра вылетал из гнезда и запрыгивал на подоконник. Все двадцать секунд, пока сотрясался его дом, Зво-

нарь в возбуждении делал круги над звонком, прыгал по подоконнику. Звонок смолкает, и воробей снова забирается под чашу.

Такой церемонией сопровождается каждый звонок. Чтобы посмотреть на Звонаря, некоторые ребята даже опаздывали на урок.

В ноябре и весь декабрь воробей нес вахту у школьного звонка, там же он встретил Новый год.

Однажды школу на время отключили от электросети, и в тот день звонила нянечка. Звонарь сидел какой-то взъерошенный, нахохлившись. Перед звонком воробей оживлялся. Он поспешно спрыгивал с подоконника и с радостным чириканьем делал круги над своим жильем.

К Звонаревой квартире часто собирались ребята. Раскладывали под стеной еду (хлебные крошки, кусочки сыра, картошку), повесили табличку: «Дежурный по школе Воробей-Звонарь».

Однажды, когда Звонарь после дежурства спокойно дремал у себя дома, неожиданно, не по расписанию, оглушительно загремел звонок — в этом повинны были неисправные контакты. Звонарь стрелой вылетел из-под купола к другому окну и оттуда, как потом рассказывали очевидцы, склонив голову, со злостью смотрел на взбалмошный прибор, а потом улетел и не появлялся несколько часов.

Ребята испугались, что он, рассердившись, не возвратится, некоторые даже пытались разыскать его в поселке. Но утром Звонарь был снова на дежурстве.

Сейчас Звонарь по-прежнему живет под чашей. Звонок молчит — перегорела обмотка. И, видимо, воробей свыкся с этим — он уже не дежурит, как прежде, сидит на подоконнике, на проводах или летает со своей компанией по двору. Надо бы звонок снять для ремонта, да жаль разорять гнездо, обижать умную пичугу.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Василий ФЕТИСОВ

Журавли

В небесах, дорогой длинной,
от бескормицы и вьюг
журавли старинным клином
плыли с севера на юг.

Почему-то выбрав место,
где дорога и жилье,
долгоногое семейство
опустилось на жнивье.

Шум труда и шум дорожный
тут не молкнут ни на час,
а они стоят на пожне,
человека не страшась.

Чудаки большого роста,
дорогие журавли,
как доверились вы просто
добрым жителям земли!

Не проститься ль залетели,
почитая нас родней?
Долетите ли до цели?
И вернетесь ли домой?

Взмыли. Выстроились клином.
И рыдают. Даль трудна.
Ведь у стаи журавлиной
тоже родина одна!

* * *

Татьяна БЕК

У костра

За рекой, за картофельным полем
Открывается новый простор...
Мы картошку горячую солим
И, не думая, смотрим в костер,

И вдыхаем еловый, тягучий,
Разъедающий легкие дым...
И некстати рассказанный случай
Станет вдруг поворотом крутым.

Так стихийно придет пониманье,
Разговор до конца и взахлеб,—
Точно ветер
в осеннем тумане
В кучу листья отдельные сгреб.

ПУАССОН ВЫБИРАЕТ СУДЬБУ

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Когда знаменитый французский математик Пуассон был еще очень молод, ему попалась в руки вот эта задача:

Некто имеет двенадцать пинт вина (пинта — старинная мера жидкости, равная приблизительно 0,568 литра) и хочет подарить из него половину, но у него нет сосуда в шесть пинт; у него два сосуда, один в восемь, а другой в пять пинт. Спрашивается, каким образом налить шесть пинт в сосуд восьми пинт?

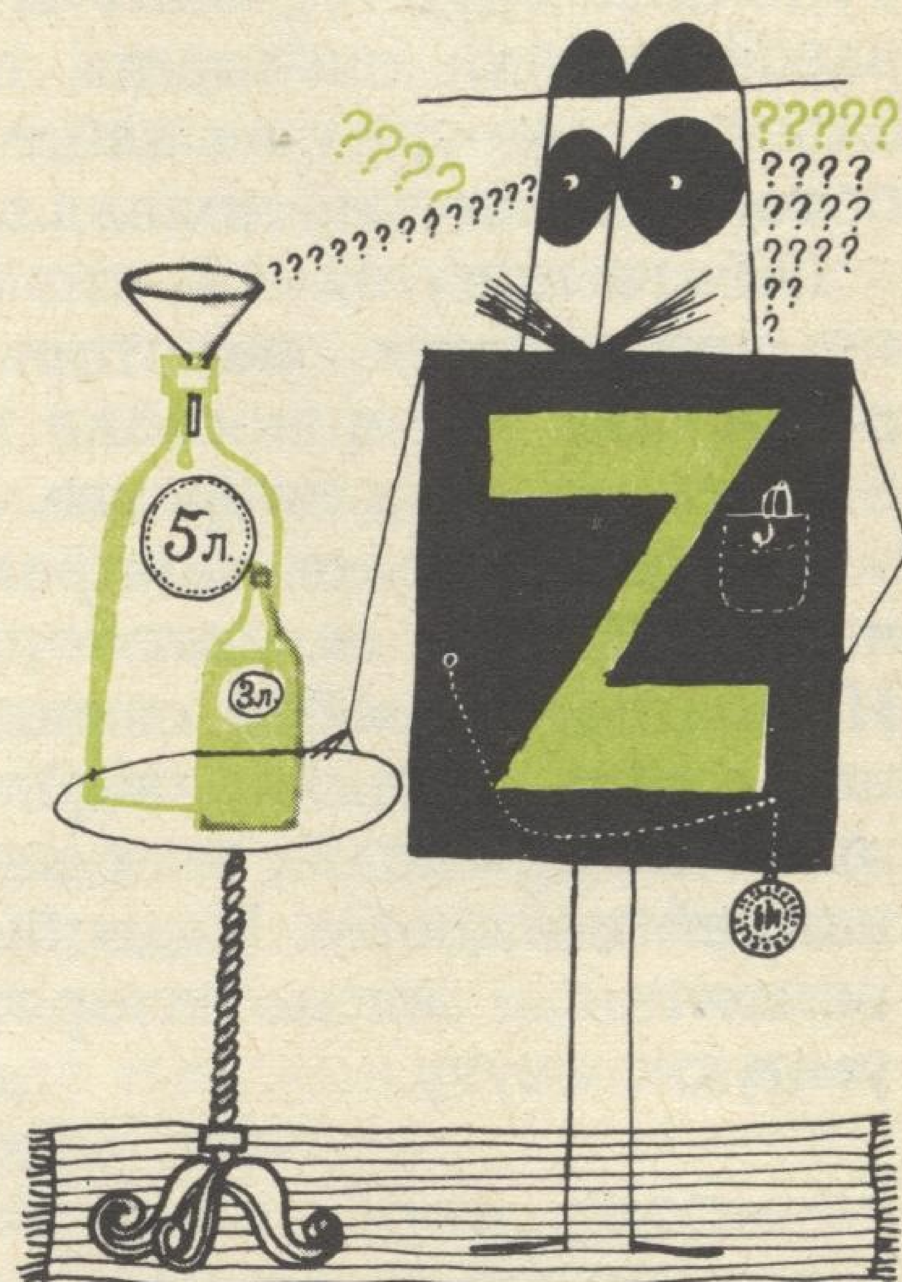
Мало сказать, что задача ему понравилась, она произвела на него сильнейшее впечатление. Потом, на склоне лет, он говорил друзьям:

— Эта задача определила мою судьбу. Я решил, что непременно буду математиком...

В чем же привлекательность задачи Пуассона? Кто знает, может быть, если бы не эта задача, во Франции было бы одним великим математиком меньше!..

ПУАССОН и *первоклассники*

А ведь задачи, подобные знаменитой задаче Пуассона, встречались людям издавна. Каждому из нас приходится отмерять определенное количество жидкости, когда под рукой нет сосуда нужного размера.

Такие задачи решают даже маленькие дети. Вот какую задачу Зет недавно нашел в учебнике для 1-го класса:

У нас два сосуда — трехлитровый и пятилитровый. Нужно, пользуясь этими сосудами, получить один литр воды. В нашем распоряжении водопроводный кран и раковина, куда можно сливать воду.

Неизвестно, сколько времени тратят на нее первоклассники, а вот наш Зет решил ее за пять минут.

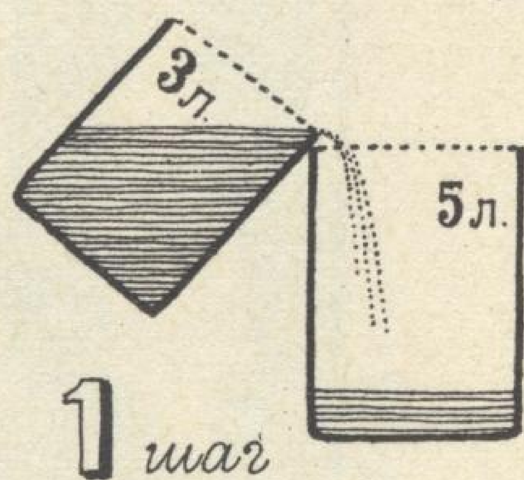
— Сначала я наполняю до краев меньший сосуд. Получаю 3 литра, переливаю эту воду в больший. Затем снова наполняю трехлитровый и снова начинаю переливать из него воду в больший сосуд, пока и он не наполнится до краев. Все в порядке! В меньшем сосуде остался 1 литр воды! Это совсем легкая задача. А нельзя ли придумать такую же задачу, но потруднее? **Скажем, получить, действуя подобным же образом, 2, 3, 4, 5, 6, 7 или 8 литров воды?**

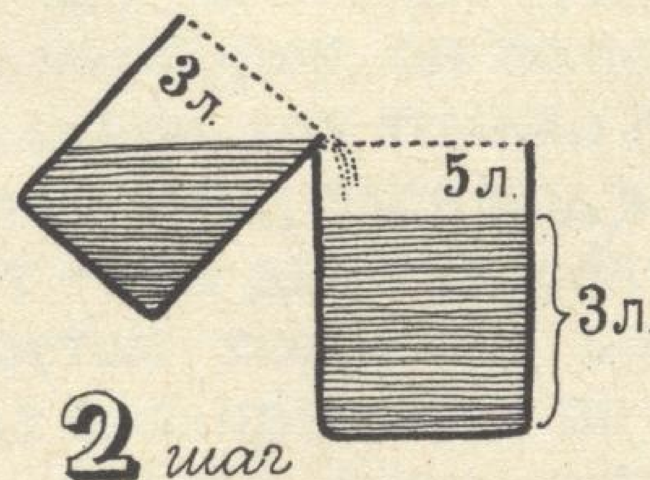
Довольно быстро он понял, как это можно сделать. Попробуйте-ка и вы решить эту задачу, а потом сравните ее решение с нашим. Назовем ее **«ЗАДАНИЕ ЗЕТА».**

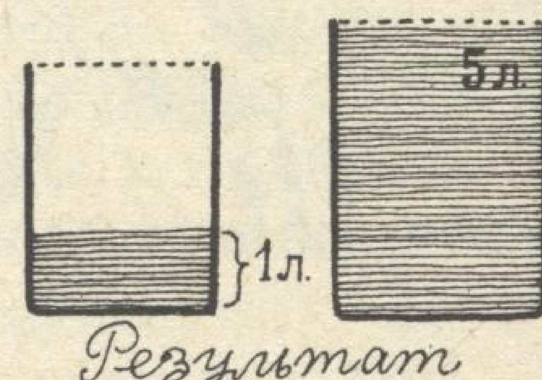

Потом Зет стал усложнять условия по-другому — менять объем сосудов, которыми он располагает. Получилась новая интересная задача. **Как, пользуясь девятилитровым и двенадцатилитровым сосудами, получить 4 литра воды?** Вот тут-то и начались сложности. Как Зет ни пыхтел, решить новую задачу он не мог, даже когда объединил свои силы с Игреком. Тогда явился Икс и, бросив один только взгляд на задачу, сказал:

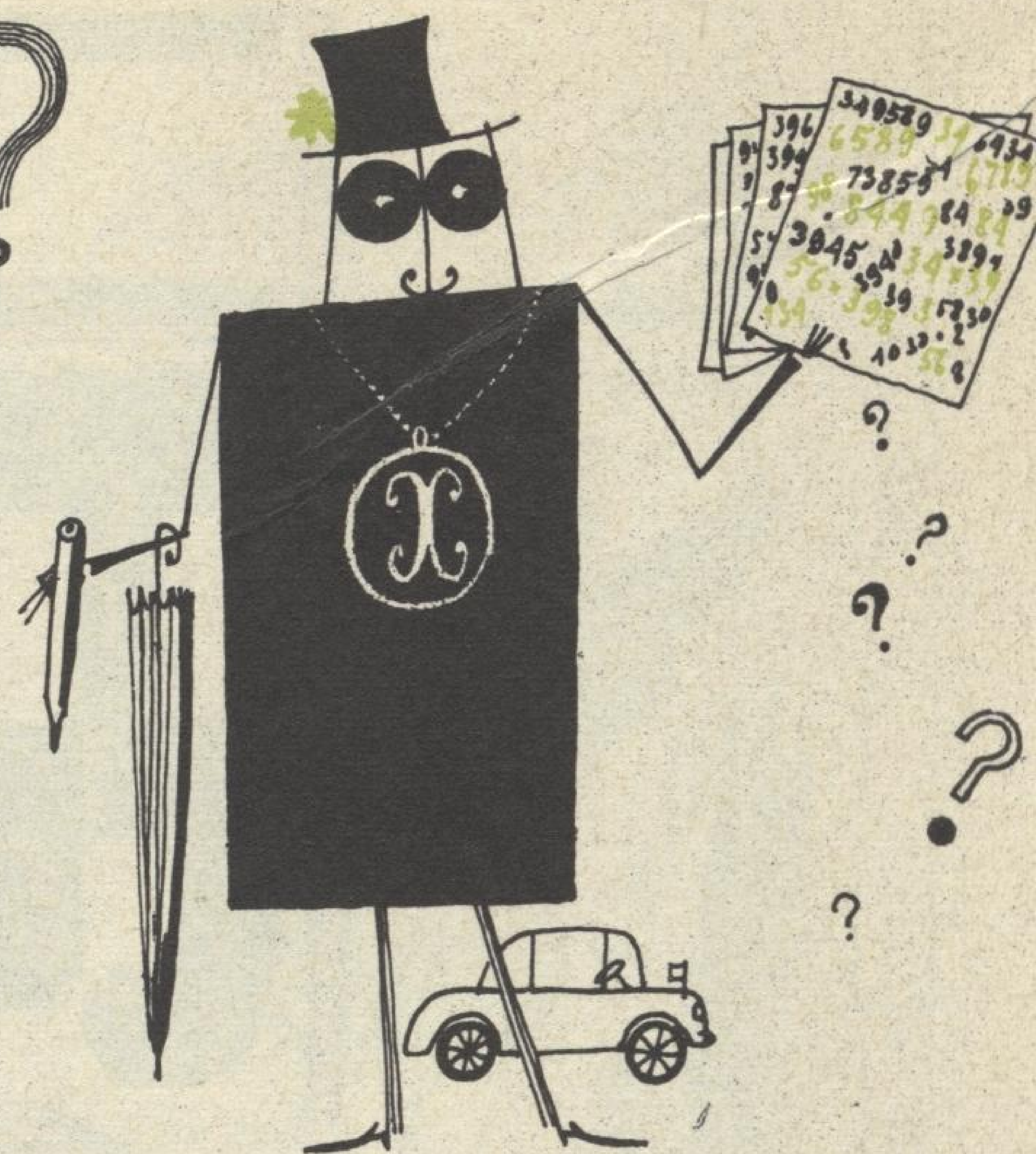
— Зря стараетесь.

Почему 4 литра никогда не удастся получить?

— Не верите? — продолжал Икс.— Вот я сейчас вам докажу.— И, отодвинув в сторону сосуды, он тщательно вытер мокрый стол и положил перед собой лист бумаги.

— Давайте разберемся. Допустим, у нас в некоторый момент в большем сосуде оказалось X литров, а в меньшем У литров воды. Скажите-ка, какие могут быть варианты следующего доливания или переливания?

— Ну, во-первых, можно доверху наполнить из крана больший сосуд. Получим 12 литров.

— Правильно! Что еще?

— Наполнить меньший и получить 9 литров.

— Перелить из меньшего в больший и получить... Тут все зависит от общего количества воды в сосудах, от $X + У$. Если $X + У$ больше 12 литров, то больший сосуд наполнится, а в меньшем останется $X + У - 12$ литров, в противном случае все $X + У$ литров перейдут в больший сосуд.

— Наконец, можно перелить воду из большего сосуда в меньший: если $X + У$ больше 9 литров, то в большем останется $X+У-9$ литров, в другом случае вся вода перейдет в меньший сосуд.

Из всех этих рассуждений можно сделать такой вывод:

Чего получить нельзя

Если емкости двух сосудов имеют общий делитель Z, то никакими переливаниями не удастся точно отмерить такое количество воды, которое на Z не делится.

— Вот почему в сосудах по 9 и 12 литров никогда не удастся отмерить 4 литра воды. — Так Икс закончил свои рассуждения.

— Теперь я понял, чего получить нельзя,— облегченно вздохнул Зет.— А что же можно?

— О, очень многое! И тут есть другое правило.

Что получить можно

Если Z — наибольший общий делитель емкостей, то можно отмерить любое число литров, кратное Z, но, конечно, не больше, чем помещается в сосудах.

7 и 12

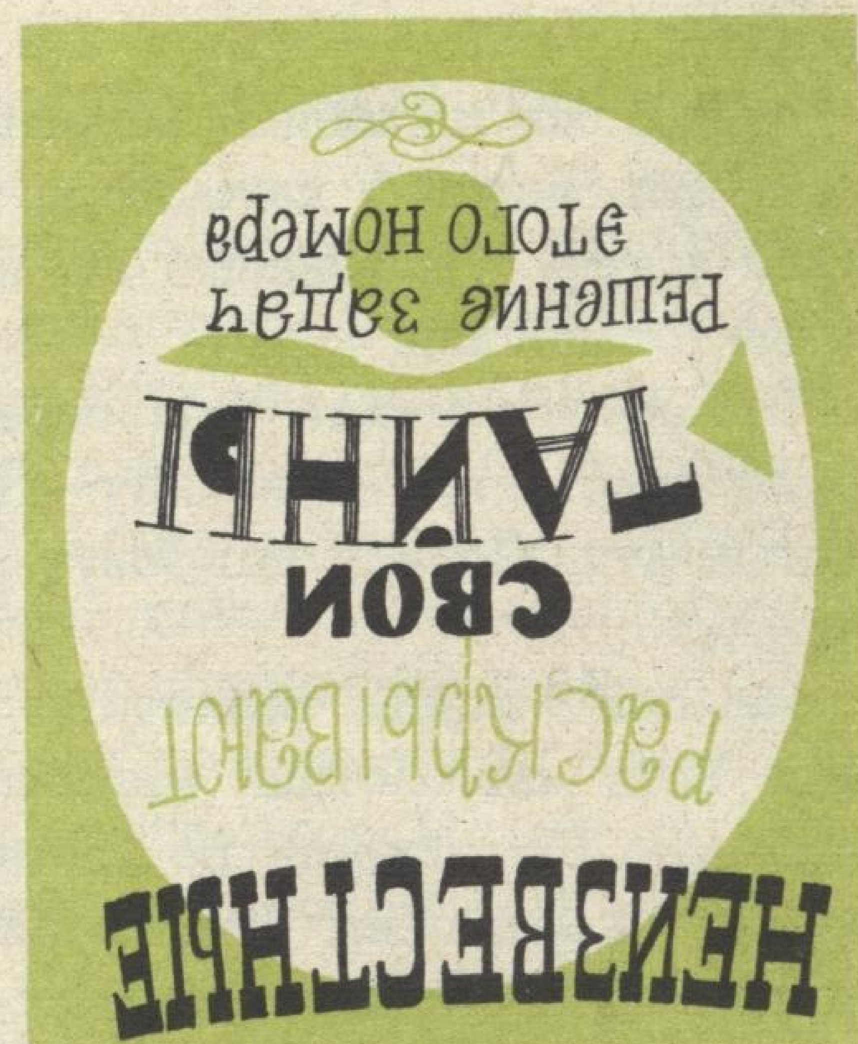
Как, пользуясь двумя сосудами — семи- и двенадцатилитровым,— получить 1 литр воды?

8 и 5

Вторая конкурсная задача Икса — это есть задача Пуассона. Решите ее и напишите, понравилась ли она вам. Показалась ли она вам такой же интересной, как французскому математику прошлого века?

ЗАДАНИЕ ЗЕТА

Получить 3, 5 или 8 литров можно сразу. Чтобы получить 2 литра, надо наполнить пятилитровый сосуд и затем отлить 3 литра. Если эти 2 литра перелить в трехлитровый сосуд, а затем наполнить пятилитровый, то получится 7 литров. В тексте рассказывалось, как получить 1 литр. Перелив эту воду в пятилитровый сосуд, а затем наполнив трехлитровый, мы получим 4 литра. Чтобы получить 6 литров, надо налить 3 литра в большой сосуд (при помощи меньшего), а затем наполнить меньший.

НЕИЗВЕСТНЫЕ — МОСКВИЧАМ

Начинается учебный год в Вечерней математической школе для 6, 7, 8-х классов.
Вы спросите: когда?
Позвоните по телефону 137-17-69

Н. НАДЕЖДИНА

ТРИ СЕКРЕТА

Сегодня мама решила сварить «ленивые» щи. На кухонном столе лежат алая морковь, кочан капусты и золотистая луковица.

Самые наши простые овощи. Но и самые любимые. Какой из овощей в России ели и едят больше других? Белокочанную капусту. А из корнеплодов? Морковь. Надо сказать, что морковку любят и в других странах: французы, например, считают ее своим национальным овощем. Что же касается лука, вспомни песенку Чиполлино: лук любят на Севере и на Юге, на Западе и на Востоке — везде.

За что же полюбили люди простые эти овощи? У каждого из них свой секрет. Ты узнаешь их, пока мама готовит щи.

Что делает мама? Она берет в руки золотистую луковицу — репчатый лук. Почему его зовут репчатым?

На свете много различных луков. Есть многолетний многоярусный лук. Он никогда не цветет и семян не приносит. Вместо цветов у него на цветочных стрелках вырастают маленькие луковки. Они словно парят в воздухе и созревают, не коснувшись земли.

Есть и другой многолетний лук — батун, чьи листья, или, как говорят огородники, «перья», можно собирать с ранней весны до поздней осени, но луковицы у батуна вовсе нет.

И у лука без луковицы—батуна, и у лука слизуна, и у шниттлука, и у лука порея, и у лука шалота — у самых различных луков одно родовое имя, одно научное название: «алиум» — по-латыни «остропахнущий». Если корова на пастбище сжевала вместе с травой листья дикого лука, хозяйка узнает об этом в тот же вечер: луковый запах передастся коровьему молоку.

Самый пахучий из луков чеснок. Недаром про него сложена поговорка: «Кто поел чесночку — сам скажется». В Древней Греции тем, от кого пахло чесноком, был запрещен вход в храм богини Афродиты Ливийской.

Но у чеснока немало поклонников. В Древнем Египте чесноком лечили от всех болезней, начиная с насморка и зубной боли и кончая чумой и проказой. В Индии мать надевала на шею ребенку ладанку — зашитую в материю головку чеснока. Воины Древнего Рима перед сражением для храбрости жевали чеснок. В Англии знатоки петушиных боев уверяют, что петух, поклевавший чеснок, задорней дерется.

А у нас в России больше всего любят лук, который за два года трижды меняет имя. Мелкие, черные, как угольки, семена зовутся луком-чернушкой. Вылезая из земли, петелька ростка изгибается, как тетива лука, отсюда и название: лук. Из семян вырастает лук-подросток, по прозвищу «севок». На следующий год растолстевшая и округлившаяся луковица получает свое полное имя — лук-репка.

В старину в России репчатый лук растили целыми районами, как тогда говорили, «гнездами».

Из вологодского гнезда вышел белозерский, самый сладкий лук, из подмосковного гнезда — самый урожайный — мячковский, из ярославского—ростовский, многими любимый острый сорт, из пензенского—знаменитый бессоновский лук, который возили на продажу за границу. А всего ярославские, вологодские, арзамасские, пензенские, псковские, рязанские и прочие и прочие бабушки оставили нам в наследство семьдесят пять народных сортов.

А теперь понаблюдаем за мамой. Она «раздевает» луковицу, снимая с нее, как рубашки, сухие, золотистые чешуйки. Зачем луку столько «рубашек»? Без них ему не прожить.

Родом лук горец. В горах слой земли неглубок, сразу же начинаются камни, оттого корни у лука тонкие и слабые — им некуда было расти. Такими корнями воду из глубины земли не добудешь, вот тут-то и выручает лук защитная рубашка. Благодаря ей лук может выдержать засуху. Чем толще защитная рубашка, тем дольше хранится лук.

Сухие чешуйки можно назвать и защитной рубашкой и кровлей лукового дома. А кто в этом доме живет?

Мама разрезала пополам луковицу, и теперь нам хорошо видно, что внутри между сочными белыми чешуйками дремлет почка-детка, зачаток будущего ростка. Иногда в одной луковке прячется трое, иногда пятеро, иногда даже дюжина деток.

Но у мамы на глазах слезы. Понятно! Луковица не только дом для деток, но и военная крепость, где скрываются невидимые стражи. Резрезав луковицу, мама выпустила их на волю.

Слезы быстро высохнут, зато мы познакомились с фитонцидами. «Фитон» по-гречески «растение», «цидо» по-латыни «убиваю». Фитонцидами назвал профессор Б. П. Токин открытые им сорок лет назад летучие вещества, нужные растению для самозащиты.

У каждого растения есть свои фитонциды. Поставь в одну вазу сирень и ландыши, сирень завянет, ее убьют фитонциды ландыша. Если же посадить картофель по соседству с северными острыми сортами лука, на картофель не нападет грибок-фитофтора. Фитонциды лука будут охранять своего соседа от паразита-грибка.

Невидимое оружие, которым пользуется лук для самозащиты, может защищать и людей. В долине реки Нила сохранилась пирамида фараона Хуфу (Хеопса) — величайшее из каменных сооружений мира.

Строили пирамиду десять тысяч рабов. Случись одному заболеть, началось бы повальное бедствие: под жарким солнцем зараза распространяется с молниеносной быстротой. Рабам ежедневно давали репчатый лук, лук порей и чеснок. За двадцать лет строительства на это было истрачено 1 600 талантов тогдашних денег — более сорока тонн чистого серебра.

В старину в России во время эпидемий в крестьянских избах вывешивались связки лука. Догадываясь о его целебной силе, народ сложил поговорку: «Лук — от семи недуг».

Теперь, после открытия профессора Токина, мы знаем, в чем заключается целебная сила лука. Если на пути фитонцидам лука встретится дизентерийная палочка, она будет убита. И туберкулезная палочка будет убита. И многие другие вредные бактерии, которые приносят людям болезни. Если ты в течение двух-трех минут будешь жевать сырой лук, можно ручаться, что у тебя во рту не останется ни одного микроба.

Но мама уже бросила луковицу в кастрюлю и чистит морковь. В русской народной загадке морковь называется «красной девицей», которая сидит в темнице, а ее «зеленая коса на улице». Впрочем, в разных странах «красная девица» выглядит по-разному. В Африке растет темно-фиолетовая, почти черная морковь. В Средней Азии в плов кладут пряную желтую морковь. Да и европейская морковь, судя по картинам старых голландских художников, раньше тоже была желтоватой.

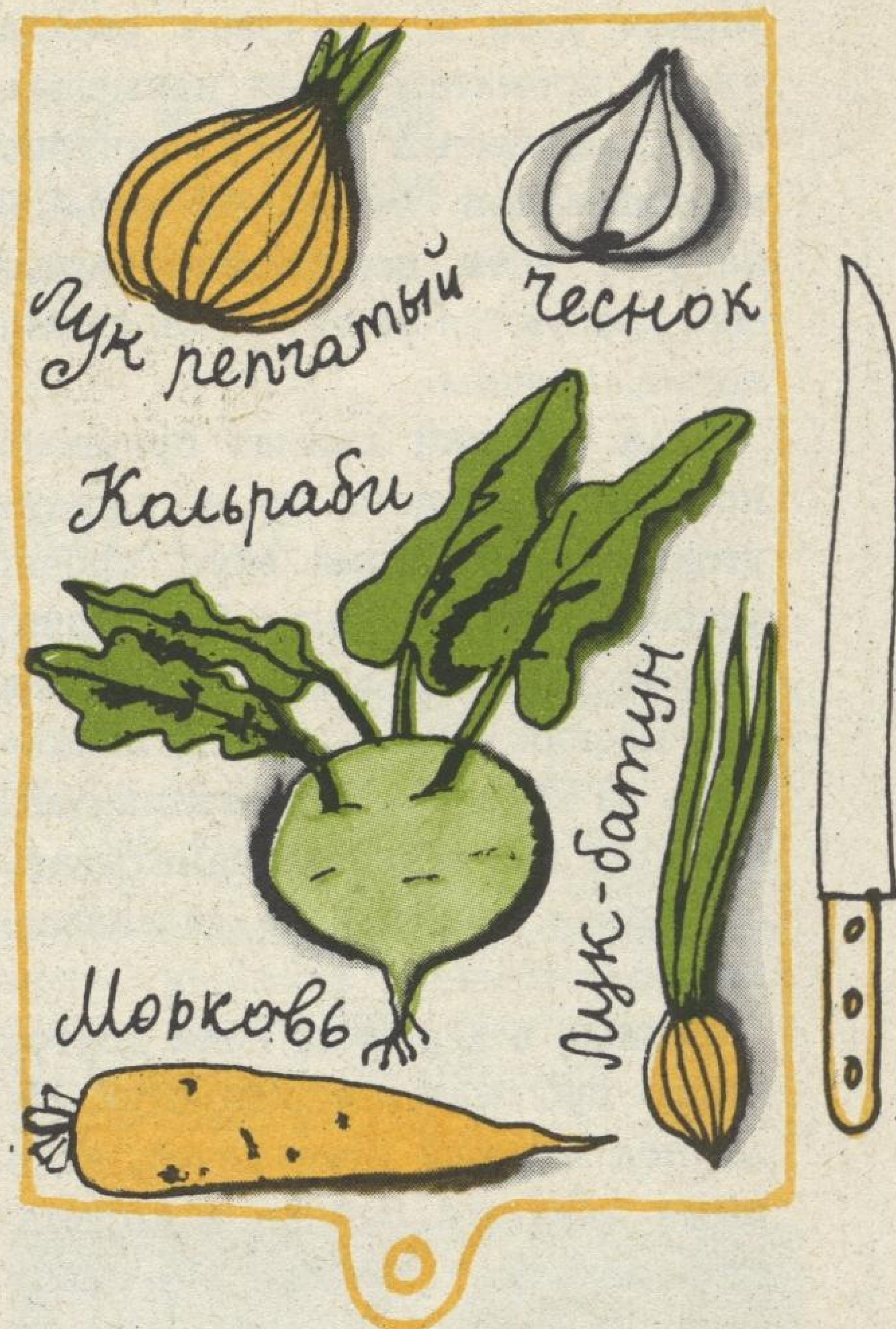
Почему же она покраснела? Потому что в ней стало больше каротина, того самого каротина, который в теле человека превращается в витамин А. Моркови каротин обязан своим именем — по-латыни морковь «карота»,— морковь обязана каротину своим морковным цветом. Но есть много других овощей и фруктов, которые тоже обязаны каротину своим красновато-оранжевым цветом: стручки красного перца, тыква, томаты, апельсины, мандарины, хурма... Почему же витамин назвали каротином — морковином, а не тыквином, не томатином, не хурмином? Потому, что в моркови его нашли раньше всего.

Но вот уже алые ломтики моркови опущены в кастрюлю, и мама берет в руки капустный кочан. На что он похож? На человеческую голову. По-латыни «голова» — «капут». От латинского «капут» произошло много слов: «капитан» — голова отряда, «капитель» — голова, верхушка колонны, «капюшон» — головной убор, «капуцин» — католический монах, который носит капюшон. И капустный кочан римляне назвали «капуцитум» — головка, за его сходство с человеческой головой.

Раз кочан — голова, то брюссельскую капусту можно назвать «тридцатиголовой»: у нее на стебле бывает до тридцати пяти кочанчиков величиной с грецкий орех. А вот листовая капуста «безголовая», она вовсе не завивает кочана.

Когда смотришь на разные, непохожие друг на друга капусты, кажется, что ты попал в мастерскую замечательного скульптора. Природа лепила эти формы, но отшлифовывал их человек.

Если капустную «голову»-кочан природа лепила из непомерно разросшейся верхушечной почки, то у кольраби стебель раздувался книзу, как шар. Пузатая капуста стала похожа на репу. Потому ее

и назвали «кольраби»: по-немецки «коль» — капуста, «раби» — репа.

У кольраби мы едим стеблеплод, у цветной капусты — нежные и сочные еще не распустившиеся цветочные бутоны. Чудесное кушанье! И все же белокочанная капуста чаще всего встречается в нашем меню. Почему? Пусть ответит капустный лист.

Мы берем два одинаковых листа, которые отрезала от кочана мама, и кладем их на две чашки очень чувствительных весов. Листья одинаковые, и чашки стоят ровно. Но вот мы протерли один из листьев тряпочкой и снова положили на весы.

Немного погодя эта чашка начнет подниматься вверх. Лист стал легче, хотя мы не отрезали от него ни одного куска. Он потерял в весе, потеряв влагу. А влагу он потерял потому, что мы стерли с него сизый восковой налет.

Корни сосут влагу из земли, листья ее испаряют. И горе тому растению, которое истратит больше, чем получило. Восковой налет поможет листьям сберечь влагу. Сизый цвет для капусты — защитный.

У капусты очень много листьев. Как говорится: «Сорок одежек и все без застежек». За сутки «сорок одежек» испаряют полведра воды. Потому-то знойный юг противопоказан капусте, зато ей привольно на севере и в средней полосе России, где и летом много влаги и часты осенние дожди.

Холода капуста не боится. Уже переехали в овощехранилище ян-

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

тарная репа и бордовая свекла, уже к ароматам осени примешался сладковатый запах вянущей картофельной ботвы, а поздняя капуста всех пересидела, в поле еще красуются ее тяжелые, словно литые, кочаны.

Если русский климат пришелся по нраву капусте, то и капуста угодила на русский вкус, прочно вошла в русский быт. В старину весной девушки водили хороводы под песню: «Вейся, вейся, кочан». Одна из танцорок останавливалась, и вокруг нее начинала наматываться живая цепочка — «завивался кочан».

Осенью в деревнях пели другую песню про «матушку-капусту». Пели под мерный стук сечек, которыми девушки рубили в корытах сахарно-белые кочаны. На «капустки» в избу, где собирались девушки, приходили парни высматривать невест.

Невеста выбрана, свадьба сыграна. С чего начиналась жизнь молодой в доме мужа? С каравая хлеба, который она должна была испечь, а значит, и с капустного листа. Сажая хлеб в печь, хозяйка подкладывала под него капустный лист, чтоб каравай лучше отставал от пода.

Время шло, в семье подрастали ребята. За обедом семья усаживалась в кружок: что было в миске, которую мать ставила на стол? Вспомним народные поговорки: «Щи да каша — пища наша», «Где щи, там и нас ищи». Когда щи варились с мясом, его полагалось есть после того, как разрешит старший. Как кто-нибудь из ребят раньше времени начинал вылавливать из миски мясо, получал ложкой по лбу.

С лета до зимы — «ленивые» щи из свежей капусты, с зимы до половины весны — щи из кислой квашеной капусты. Тогда еще не знали, что, квашенная, она сохраняет свои витамины, что капустный сок лечит язву желудка. Русский крестьянин полюбил капусту за то, что ею можно кормиться почти весь год.

Запасы кончались в апреле, к Марьину дню. Потому эта святая и получила прозвище «Марья — пустые щи»: раз в капустной бочке пусто, и в животе у крестьянина пусто, наступали голодные дни.

В наше время деревня живет по-другому. «Марье — пустые щи» указан от ворот поворот. Наши колхозники умеют хранить в кучах снега до весны капустные кочаны. Да какие!

Сто лет назад в юмористическом журнале Вены появился рисунок: мужчина везет на тачке исполинский кочан. Под рисунком подпись: «Одного такого кочана хватит на зиму для моей семьи». Венцы валом валили на международную выставку овощей, чтобы посмотреть капустные кочаны Грачева.

Кто же он был такой, Ефим Андреевич Грачев, избранный членом Французской академии земледелия, чьи «чудо-овощи» завоевали на выставках в Петербурге, Москве, Вене, Кельне, Филадельфии и Париже одиннадцать золотых и сорок серебряных медалей? Русский огородник, кормилец семьи в одиннадцать человек. В старой России он не смог получить образование, но у него был самобытный талант, огромная работоспособность и горячая любовь к земле.

При Советской власти, когда наука пришла в колхозы, наши овощеводы растят кочаны еще крупней. Белокочанная капуста осталась народной любимицей. И хотя уже нельзя двумя словами «щи да каша» описать сегодняшний сытный и разнообразный деревенский обед, но от щей ни в деревне, ни в городе никто у нас не откажется. И ты тоже. Тем более что мамины щи уже готовы. Приятного аппетита!

Если вам доведется побывать в какой-нибудь польской школе, вас непременно поведут в комнату боевой славы. Там на стеллажах и витринах ребята бережно хранят воинские реликвии: ордена и медали, фронтовые письма, документы, фотографии, дневники, трофейное оружие.

Они не могут учиться

В Бразилии только пятая часть детей посещает начальную школу, для остальных нет ни школ, ни учителей.

В Южно-Африканской Республике образование могут получить только дети белых родителей. Для миллионов коренных африканцев двери школы закрыты. Между тем в этой стране двадцать тысяч безработных учителей.

ТЕЛЕТАЙП СООБЩАЕТ:

ГДР. В прошлом году немецкие пионеры собрали свыше миллиона марок в фонд помощи борющемуся Вьетнаму.

ЧССР. Пионерки города Пльзеня организовали кружок кройки и шитья под девизом: «Носи, что сшила сама». Аккуратные, красивые костюмы юных портних вызывают всеобщее одобрение.

АНГЛИЯ. В стране сильно выросли цены на продукты, и сто двадцать тысяч ребят из бедных семей вынуждены отказаться от школьных завтраков.

● РЕЛИКВИИ СЛАВЫ ● ПИОНЕРЫ НА ПРАЗДНИКЕ ● ГДЕ У ВЛАСТИ БОГАЧИ И РАСИСТЫ ● КЕМ ТЫ БУДЕШЬ ● БАСТУЮТ МАЛЫШИ ● ПЛАКАТ ЮДИТЫ БОТОС ● ОБЕЗДОЛЕННЫЕ В АМЕРИКЕ ●

В честь народной революции

На поле стадиона выбегают сотни мальчишек в праздничных нарядах дэли. В руках — деревянные шашки. Лихо рубят мальчишки воображаемого врага — так сражались их деды за Народную революцию, которой исполнилось пятьдесят лет.

Вслед за танцорами-кавалеристами, за девочками-гимнастками в ярко-желтых костюмах в огромной праздничной чаше Улан-Баторского стадиона появляются настоящие всадники. Это ребята — победители тридцатикилометровых скачек. Очень нелегко было им удержаться в седле на откосах окрестных сопок. Зато по заслугам и почет: народные певцы славят юных джигитов песней.

К всенародному юбилею монгольские пионеры начали готовиться заранее. Они совершали походы по местам революционной славы, устанавливали памятники героям, помогали чабанам и объездчикам лошадей, работали на пришкольных участках. Четыреста юных сухэбаторцев награждены золотыми, серебряными и бронзовыми медалями пионерской организации.

«Азимут-1980»

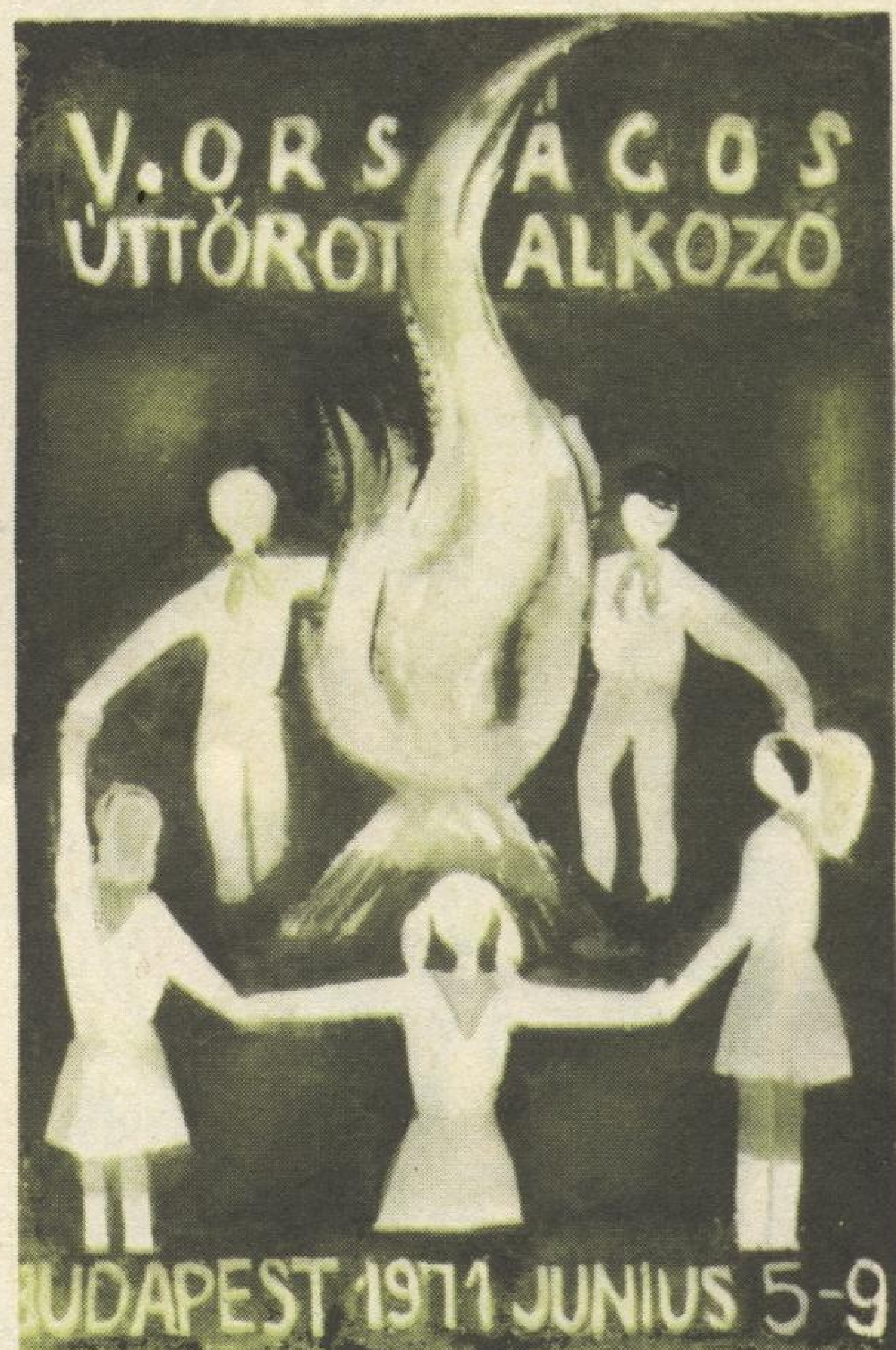
Кому из ребят не интересно заглянуть в свое будущее? А сделать это, представьте, не очень трудно.

Свыше двух миллионов харцеров отправилось в увлекательную экспедицию в год 1980-й под названием «Азимут-1980». Все члены экспедиции участвовали в конкурсах и викторинах, посвященных новейшим достижениям мировой науки и техники, писали доклады на тему «Мой родной край через десять лет», делали альбомы о польских ученых, конструкторах и рационализаторах. Самым интересным оказался конкурс «Сегодня ученик — завтра специалист». Он помог многим ребятам выбрать любимую профессию.

«Государство забыло своих детей», «Мы требуем детский сад»

С такими плакатами вышли на демонстрацию маленькие жители города Гундинга (Федеративная Республика Германии). Рядом с малышами по улицам шагали их мамы.

Подарок к юбилею

Союзу пионеров Венгрии исполнилось двадцать пять лет. Юдита Ботос из города Эгера нарисовала этот плакат и посвятила его юбилейному слету в Будапеште. Плакат был удостоен первой премии на пионерском конкурсе.

МАЛЕНЬКИЕ РАБЫ

Вот строки из доклада американскому конгрессу:

«В сельском хозяйстве США четвертая часть (а в некоторых штатах почти три четверти) наемных рабочих — дети... Наемные рабочие настолько бедны, что им не остается ничего другого, как брать на поля вместе с собой даже малолетних детей. В дни уборки дети наравне со взрослыми трудятся от десяти до двенадцати часов в сутки».

Как же они живут, маленькие рабы богатой Америки?

В штате Арканзас на территории фермы расположился лагерь сезонных батраков Лейктаун. За пятнадцать лет, пока существует лагерь, бараки его прогнили, дверей в них нет, дождь просачивается сквозь дырявые крыши. Летом в бараках нестерпимо жарко. Но у многих рабочих — взрослых и маленьких—нет и такого жилья, они ночуют прямо под открытым небом.

Самому старшему из маленьких батраков — Луису — двенадцать лет. Он уже изрядно побродил по белу свету в поисках заработка. Младшему — Билли — всего пять лет.

Репортаж с заседания
ведет Вадим ЛЕВИН

А у нас сегодня вот что: сорока сорочья почта!

«Дорогие сороки! Если можно, пожалуйста, пришлите мне портреты всех сорок — членов Клуба — с подписями.

Ваша читательница Наташа Хромулина,
г. Северодвинск».

Сороки выполняют твою просьбу, Наташа. Получи фотокарточки.

Спрашивает москвичка Лена Родина:

«Нельзя ли мне переписываться с сорокой Несмеяной?»

Отвечает Несмеяна:

— Конечно, можно! Правда, у меня ужасный почерк (я пишу, как курица лапой), но если ты задашь мне или другой сороке **интересный** вопрос, мы с удовольствием ответим устно на заседании Клуба. Пиши нам!

«Во втором номере журнала, в Клубе «Сорок Сорок», было напечатано, что Вика Сороченко сделала из спичечной коробки передатчик и приемник. Я очень прошу дать ее адрес, чтобы она выслала мне схему и спецификацию.

Сергей Н., г. Одесса».

К этой просьбе присоединяются Оля и Надя из села Чистополы, Кокчетавской области, Виктор Ч. из Кустанайской области и еще несколько человек.

Примечание Клуба: 1. Радиус действия — 3,5 м в пределах одной комнаты. 2. Для того, чтобы вести переговоры с помощью аппарата Вики Сороченко, его нужно положить в нагрудный карман. Если под рукой не окажется пустого коробка, в карман можно положить ластик, скрепку, пуговицу и всякий другой предмет подходящих размеров. В исключительных случаях (например, при отсутствии кармана) можно не класть ничего. 3. Не рекомендуется опробовать аппарат во время уроков!

К Сергею, Оле, Наде и Виктору обращается Белобока:

— Ребята, прежде чем приступать к экспериментам, прочтите внимательно письмо ученика 4-го «А» класса Южносахалинской школы № 2 Миши Товбина:

«Дорогие Сорок Сорок!

Мне очень нравится ваш Клуб. Когда я читал «Необыкновенные новости» Бела и Берды, мне было очень весело. В них допущены очень смешные ошибки: вместо «спортсмен поднял в воздух штангу» Бел и Берда сказали, что «штанга подняла в воздух спортсмена». А во втором сообщении ошибка такая: для разговора людей, между которыми всего 3,5 м, совсем не нужен радиопередатчик».

Еще Миша прислал в словарь Непонимайки несколько новых слов, а сорока Художница сделала к ним два рисунка:

Первое задание: ребята, присылайте новые слова в Непонимайкин словарь!

— Дорогие друзья! После мартовского заседания я получила от вас около двух тысяч писем. Спасибо за скороговорки и считалки, которые вы прислали в мою коллекцию! К сожалению, всех скороговорок не выскороговоришь, но одну хочу сказать вам сейчас же, и вы сразу догадаетесь почему:

Рисунки А. БОРИСОВА.

Сорок сорок для своих сорочат
Сорок сорочек, не ссорясь,
строчат.
Сорок сорочек прострочены
в срок —
Сразу поссорились сорок сорок.

Как сообщила мне Вита Подобулкина из Киева, эту скороговорку сочинил поэт Юрий Кушак. Спасибо им обоим!

Теперь напомню второе мартовское задание. Нужно было написать, кто автор считалки про зайца и кочерыжку:

— Заяц, заяц,
Чем ты занят?
— Кочерыжку разгрызаю.
— А чему ты, заяц, рад?
— Рад, что зубы не болят.

О том, что эту считалку написал Г. Сапгир, первыми известили меня Наташа Копецкая (г. Петрозаводск), Юра Алешин (г. Бикин, Хабаровский край), Ира Сергеева (г. Каттакурган) и Саша Гурбо (г. Челябинск).

С третьим заданием — **подобрать рифму к слову ЯБЛОКИ** — справились почти все читатели: яблоки — зяблики, фабрики, ялики, крабики... *«Это сделать не так уж трудно,*— написала москвичка Оля Скорикова.— *Например, яблоки — кораблики. А попробуйте придумать рифму к слову «яблоко».*

Попробуем, ребята? Это — второе задание: подобрать рифму к слову «яблоко»!

Было в марте и четвертое задание. Я думала, что оно самое трудное: узнать по рифмам считалку и назвать ее автора. Но и с этим заданием справились Миша Желобко из Мичуринска, Нина Никулина из дальневосточного города Сучан, Наташа Акулова из города Джамбул, Наташа Меркина из села Соленое Калмыцкой АССР, Димера Вагабова из Баку, Света Гавро из Уфы, Урал Мирхаев из Копейска, Тамара Гогоращвили из Альметьевска, Арутюн Петросян из Еревана, Нонна Тавакалова из Ашхабада, Олег Мохов из Орска и еще очень многие ребята.

Вот как они восстановили считалку:

Жили-были два **соседа**,
Два **соседа-людоеда.**
Людоеда
Людоед
Приглашает
На обед.
Людоед ответил: — **Нет!**
Не пойду к тебе, **сосед:**
На обед попасть **не худо,**
Но отнюдь
Не в виде
Блюда!

Автором этой считалочки ребята совершенно правильно назвали Бориса Заходера.

Отвечает сорока-всезнайка

Вопрос задает Лена В. (Москва): *«Недавно к нам привели новенького. Он несколько раз наступал мне на ноги, на уроках пересаживался поближе к моей парте. В общем, я ему понравилась, но он мне не нравится. Как поступить?»*

— Очень просто: не пересаживайся во время уроков и, главное, не наступай ему на ноги, тогда новенький сразу поймет, что он тебе не нравится.

— СПАСИБО, РЕБЯТА, — СКАЗАЛА НЕСМЕЯНА.— Правда, я так и не вспомнила свое стихотворение с рифмами:

. . . . столба
. . . . со лба
. . . . кот
. . . . пот,

но стихи, которые сочинили вы с моими рифмами, очень меня утешили. Мне было так приятно читать ваши умные письма! Инна Шаровская, ученица школы № 110 г. Ташкента, написала: *«Дорогой Клуб «Сорок Сорок»! Я поняла: вы даете ребятам такие задания, которые прививают интерес к стихам. Я выполнила задание из четвертого номера «Пионера». Вот какой стишок у меня вышел:*

Кошка Мурка у СТОЛБА
Вытирала пот СО ЛБА,
Ну, а безобразник КОТ
Съел пока ее комПОТ».

Забавное четверостишие сочинила Наташа Громова из-под Минска:

Сидел котенок у столба,
Катился градом пот со лба.
Читал газету юный кот,
Вот почему катился пот.

А вот стихотворение обо мне! Его прислала Рита Росманова из Мурманска:

Сорока Несмеяна сидела у
столба.
Сорока Несмеяна смахнула
пот со лба.
К сороке Несмеяне подкрался
рыжий кот,
Вот почему сорока со лба
смахнула пот.

Еще один вопрос задает Лена Папырина из Белорецка:

«Скажите, пожалуйста, почему сорока Несмеяна не смеется: такая уродилась или произошел какой-нибудь случай, который заставил ее не смеяться?»

Еще один ответ сороки Всезнайки:

— Ни то, ни другое, а совсем наоборот: сорока Несмеяна очень любит смеяться, но ей не везет — при ней никогда почти не происходит ничего такого, что могло бы ее рассмешить. Если среди читателей «Пионера» найдется человек, который заставит Несмеяну смеяться, все мы будем рады и вручим ему специальный приз.

Еще одно задание: присылайте смешные вопросы, четверостишия и коротенькие истории для сороки Несмеяны!

А ВАШЕ МНЕНИЕ?

Прозвучали в школе первые звонки,
Кончились каникулы — веселые деньки...

Так начинается большое стихотворение, которое сочинил Живживка. Он просил напечатать его в сентябрьском номере «ПИОНЕРА». Но капитан Перо-86 и дед Буквоед сказали, что начало стихотворения нужно обязательно переделать. Получается, что только каникулы — «веселые деньки», а учиться разве не бывает весело? А встретиться с друзьями осенью в школе — разве не интересно? Напишите, как по-вашему: правы капитан Перо-86 и дед Буквоед? И большое вам спасибо, дорогие друзья, за ваши письма: из них мы узнаем, что вам нравится больше, а что меньше.

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

КАРАНДАШИ И РЕЗИНКИ | Записки капитана Перо-86

ФАЛЬШИВАЯ НОТА

1. Во время большого осеннего перемирия карандаши готовились к концерту, посвященному началу учебного года. В клубе резинок шла репетиция, когда дежурный обнаружил, что похищен Золотой Пенал, которым была награждена футбольная команда резинок. Меня срочно вызвали в клуб. Я тотчас же приехал, но уже не застал на сцене ни одного музыканта.
2. Я встал у выхода и услышал разговор карандашей.

— Тебе хорошо, у тебя всегда руки свободные,— сказал один.

— Рояль с собой не унесешь... — ответил другой.

3. — Почему ты опять сфальшивил на репетиции?

— Сам фальшивил, тебе, видно, медведь на ухо наступил!

4. Я терялся в догадках: кто из карандашей мог похитить Золотой Пенал? Я вернулся в зал, и тут мне сразу все стало ясно.

Думаю, что и вы уже догадываетесь, кто из карандашей совершил кражу.

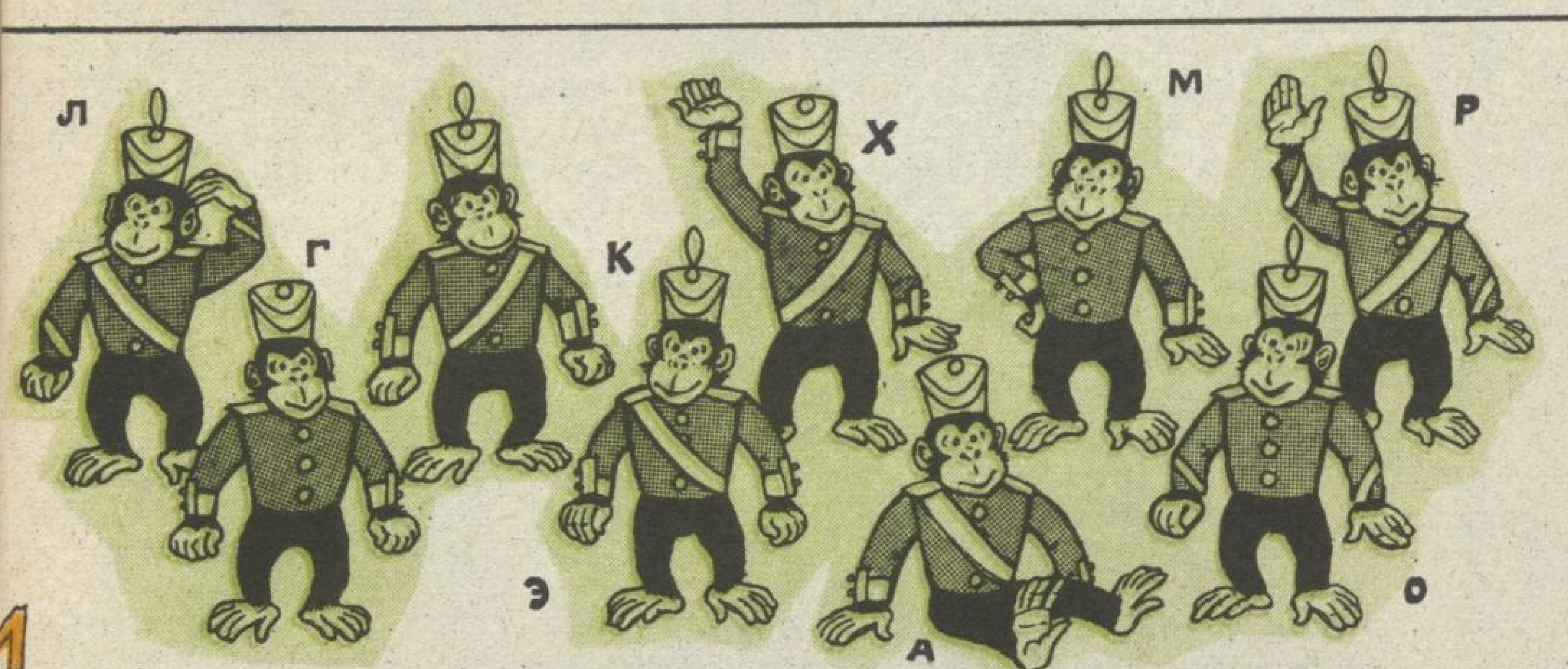

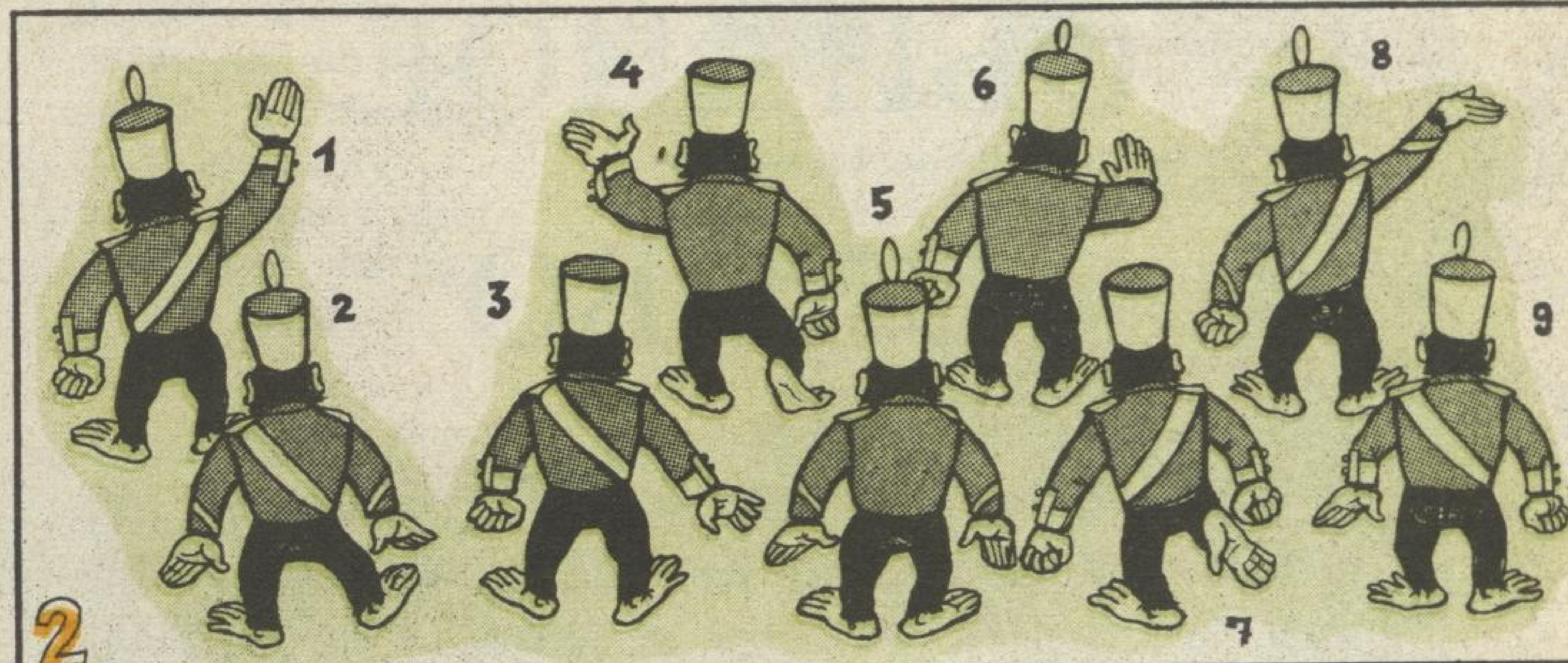
ДРЕССИРОВАННЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Сообщение Живживки, нашего лесного корреспондента

Дрессировать обезьян интересное, но совсем не легкое дело. Посмотрите на фотографию: чуть что, они поднимают своего дрессировщика на смех.

Но дрессировщик все-таки заставляет обезьян слушаться. Вот он скомандовал: «Кругом, алле!» — и обезьяны повернулись к дрессировщику спиной, а некоторые даже перебежали на другие места. Посмотрите внимательно на второй рисунок и скажите, где какая обезьяна. Сделать это не так трудно. Ведь все обезьяны одеты по-разному.

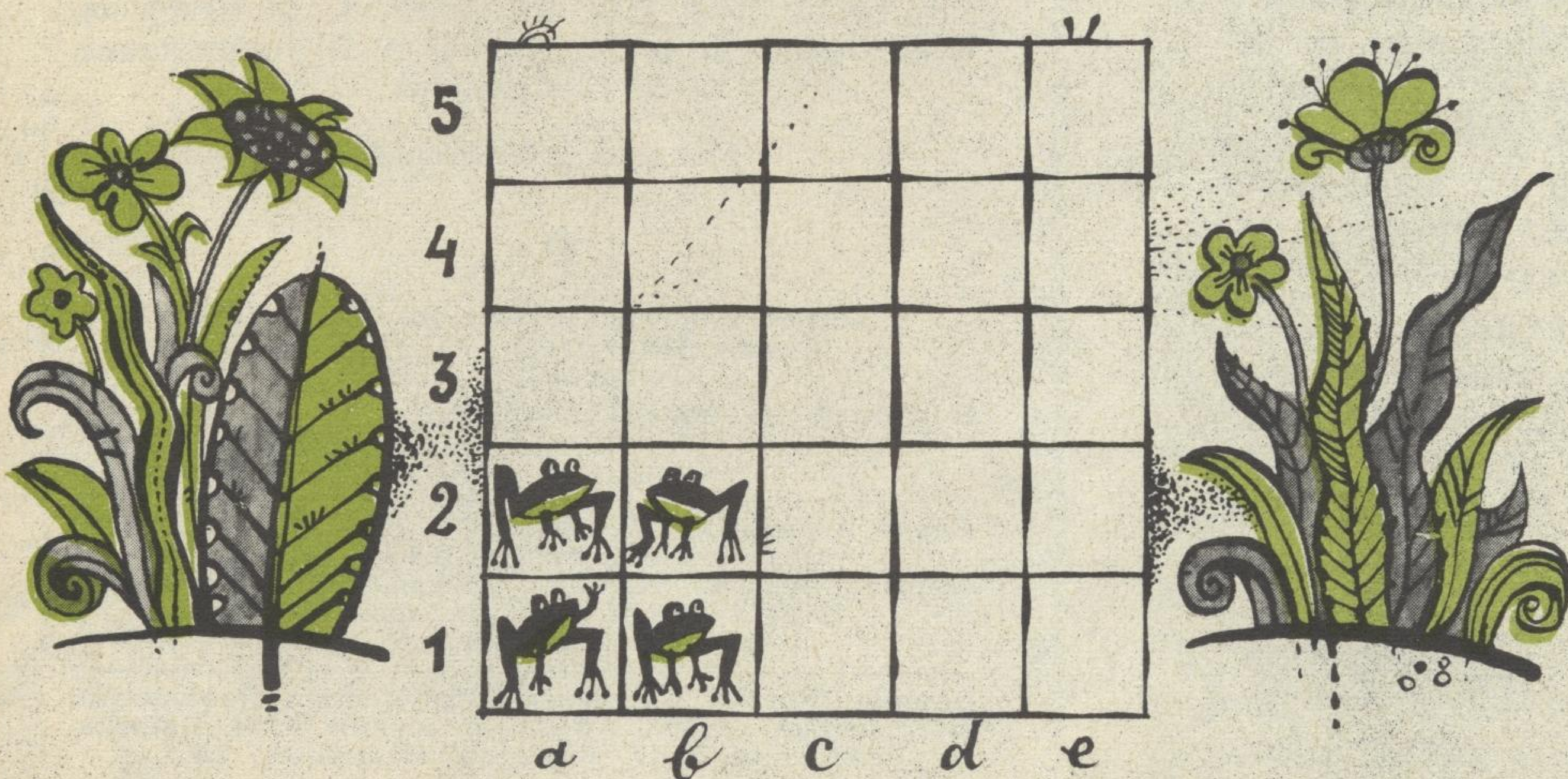
СМЕШНЫЕ ЛЯГУШАТА И ПРАВИЛА КВАДРАТА

Рисунки А. БОРИСОВА.

Вы не забыли правила квадрата? Если забыли, загляните в «ПИОНЕР» № 6, вспомните их и начинайте играть.

На этот раз нужно сделать так, чтобы за шесть ходов лягушата перебрались в верхний правый угол.

Игры деда Буквоеда

Ответы на задачи из № 8

КАК СЫГРАЛИ «ТИГР» С «ПАНТЕРОЙ»?

1. Команда «Пантера» не пропустила ни одного мяча, значит, она не проиграла ни одного матча, и, значит, «Тигр», выигравший один матч, выиграл его у «Мустанга».

2. «Мустанг» проиграл «Тигру», значит, его ничейный матч был с «Пантерой». Счет в этом матче должен быть 0 : 0, так как «Пантера» не пропустила в свои ворота ни одного мяча. Следовательно, 3 мяча забиты «Пантерой» команде «Тигр», матч с которой она выиграла со счетом 3 : 0.

3. «Тигр» не забил ни одного мяча «Пантере», следовательно, все 4 мяча он забил «Мустангу», который, в свою очередь, забил ему 2 мяча.

Внимательно изучите этот ответ. Подобные задачи мы будем печатать в «Палате ума».

КТО ПЕРВЫЙ?

Первый мальчик стоит под № 2.

АВРАЛ

Из свободной клетки удрал «кабан».

ОБИДНОЕ СЛОВО

Я теперь все думаю о том, как часто, наверное, я обижала людей, даже не замечая этого. Но теперь я знаю, как больно переносить обиду, и не могу об этом не думать. Я всегда буду вспоминать, как один человек насмеялся над тем, какой у меня на лбу синяк. А я же не виновата, я нечаянно ударилась. Еще дома я беспокоилась, как появлюсь в классе и на улице. Мне казалось, что все будут обращать на меня внимание. И что же?! Я пришла в класс, и никто не сказал мне ни слова, а один человек сказал. Кажется, пустяк, но от такого пустяка на глазах выступают слезы. И даже сейчас, когда прошло уже много времени, при воспоминании об этом случае у меня сразу же портится настроение. И я вспоминаю, как я была несправедлива иногда к другим.

Однажды я сказала одной девочке: «И уроки ты не учишь и гулять не успеваешь, что же ты делаешь дома?» Она мне не ответила, а потом я увидела ее плачущей. Спустя некоторое время я узнала, что у нее маленькая сестренка и ей надо дома сидеть. Сестренка ее такая непоседа, не дает ей даже книжку в руки взять. И вот из всего этого я сделала совершенно определенный вывод: перед тем как бросить человеку обвинение, надо хорошенько подумать, разобраться. Вообще нельзя легко бросаться словами. Невзначай сказанное слово может обидеть человека, принести ему боль.

Лена Озерова,
г. Москва,
214-я школа.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор **С. А. ФУРИН.**

Художественный редактор **С. Ю. Сахарова.**

Макет **К. М. Высоцкой.**

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Технический редактор **В. П. Борисова.**

Сдано в набор 30/VI 1971 г. А 00954.
Подписано к печати 3/VIII 1971 г.
Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000.
Изд. № 1762. Заказ № 1591.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

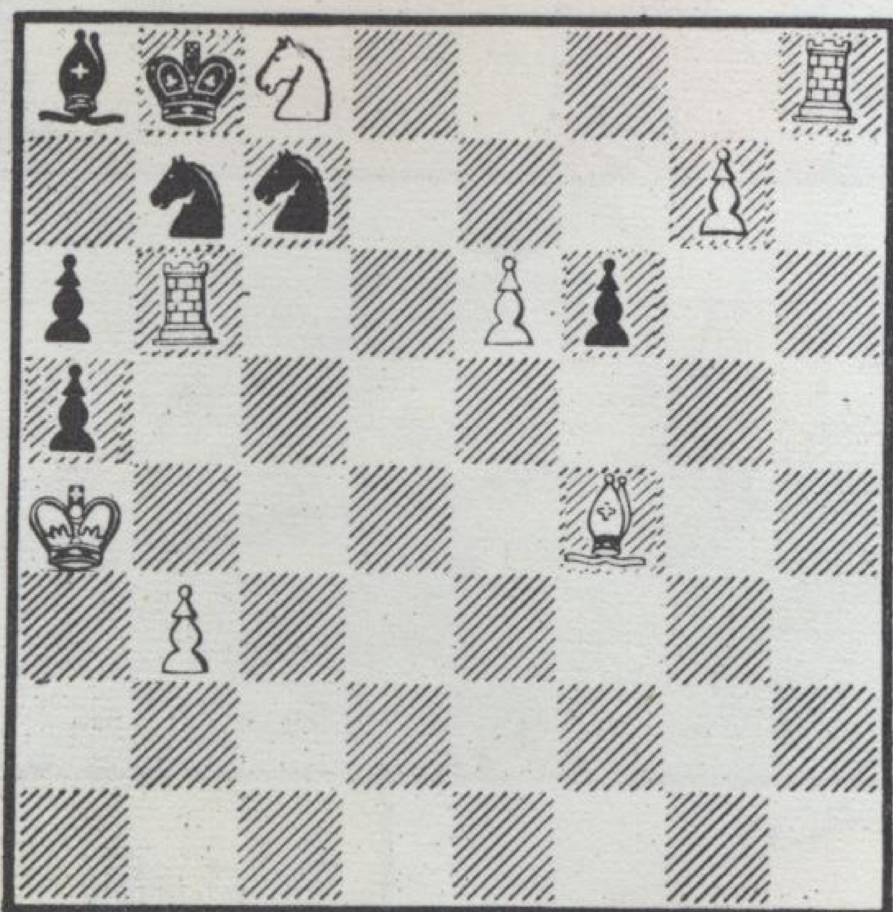
Чудесные превращения

«Пешка, когда же ты станешь ферзем?» — говорит старинная арабская поговорка. Она точно определяет поведение пешек: пешки твердо и неуклонно продвигаются со второй горизонтали к финишу на восьмой горизонтали. А там происходит чудесное превращение скромных пешек в грозных ферзей!

Но иногда бывает и по-иному: события заставляют пешку превращаться в другие, более слабые фигуры.

Почему? Пешкин поможет вам в этом разобраться.

Удивительную позицию вы видите на следующей диаграмме.

Две пешки белых прорвались к восьмой горизонтали, но ни одну из пешек не следует превращать в ферзя, иначе не удастся дать черным мат в три хода.

Рассмотрим несколько любопытных вариантов.

1. e6—e7 f6—f5 (черные рассчитывают на пат).

2. g7—g8С Kpb8 : c8 3. Cg8—e6 мат.

А теперь представьте себе: в начальной позиции ход черных. Они могут только продвинуть свою пешку 1... f6—f5. Тогда цель достигается так:

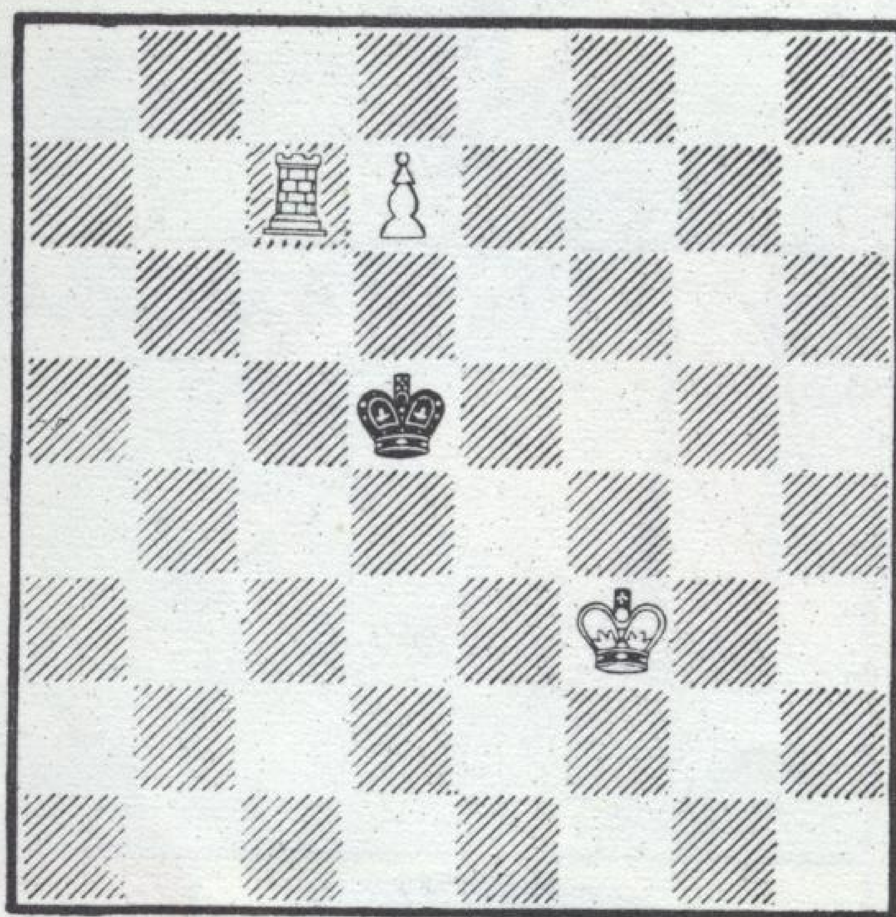
2. g7—g8К Kpb8 : c8 3. Kg8—e7 мат.

Ну, а сейчас передвиньте пешку e6 на e7 и найдите сами, как и в этом случае белые дают мат в три хода черному королю.

Случай с Пешкиным

Пешкин недавно проводил сеанс одновременной игры в пионерском лагере «Шахматово». Противники были у него на редкость упорные, сражались до последнего.

Сереже Клюкину давно уже нужно было сдаться: одним королем не повоюешь... Но Сережа играл как ни в чем не бывало.

Все ребята решили, что в этом положении Пешкин превратит свою пешку d7 в ферзя, но Пешкин поставил ладью и объявил черным мат на третьем ходу.

Объясните, друзья, почему пешка, превращенная в ферзя, не привела бы к мату в три хода?

Плывет «Белая ладья»

Сколько интересных соревнований прошло в турнире «Белая ладья»!

За большие спортивные успехи, за дружбу в коллективе и волю к победе Пешкин награждает «Грамотой ферзя и ладьи» команду **пионерской дружины челябинской школы № 31.**

«Грамоту ферзя и ладьи» Пешкин послал также **Жене Васильеву**, ученику миасской школы № 4, **Саше Даммеру**, ученику 31-й челябинской школы, и **Ире Капустиной**, ученице школы № 8 города Магнитогорска.

Эти ребята добились лучших личных результатов в областных соревнованиях пионерских дружин Челябинской области.

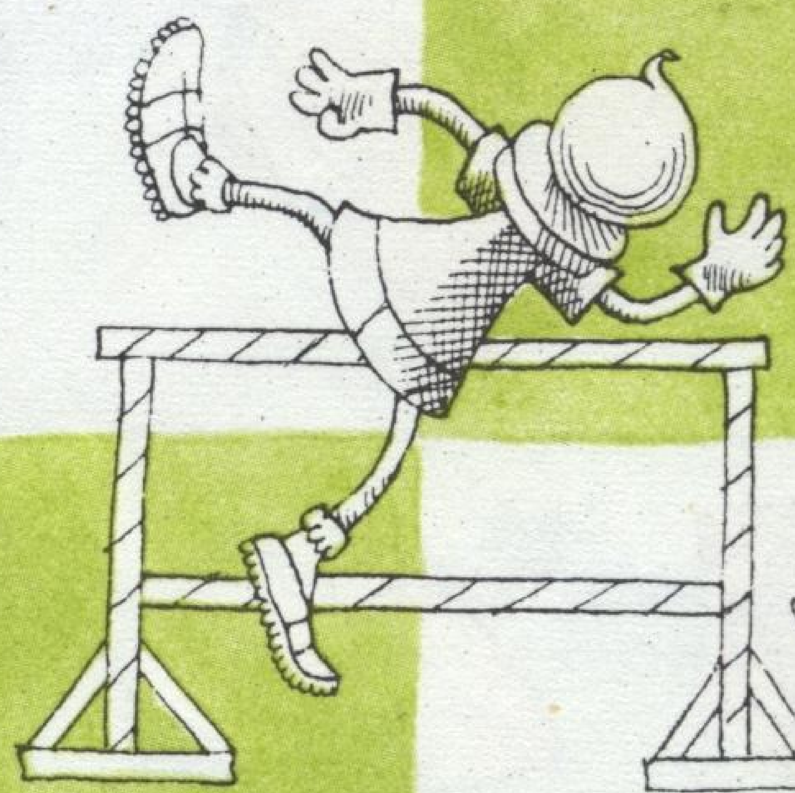
Много любителей шахмат в школе № 3 города Подольска (Московская область).

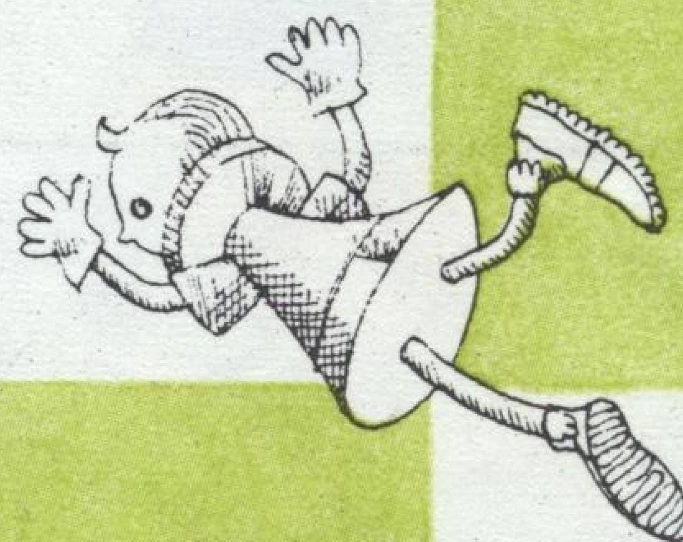
Команда пионеров этой школы заняла первое место в соревнованиях юных шахматистов одиннадцати областей Российской Федерации.

«Грамотами ферзя и ладьи» Пешкин награждает учеников этой школы: **Алешу Софрыгина, Сашу Махинко, Мишу Свиридова, Володю Малышева и Ларису Софрыгину.**

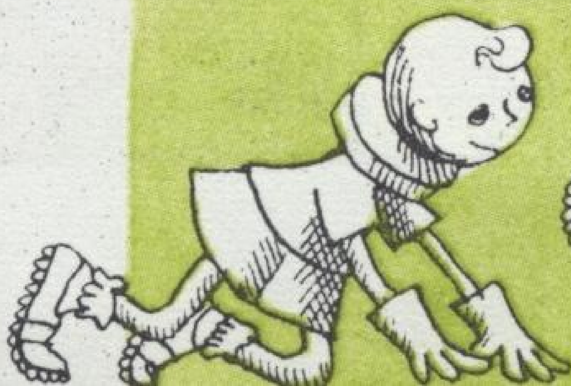

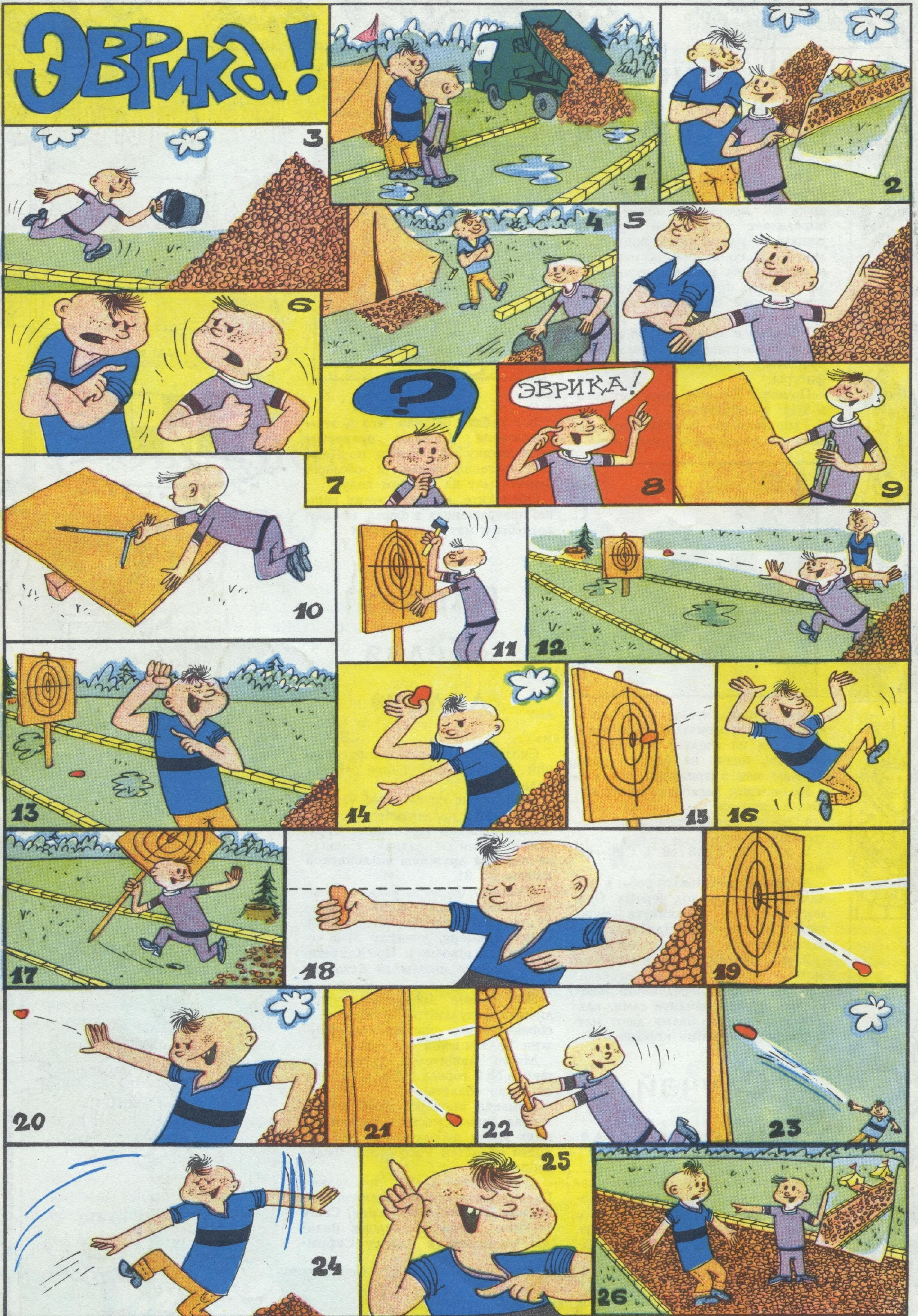

СТАРТ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

23–25

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.